

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

СОЛНЦЕ ЖИЗНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1917.

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

Я перечиталъ рукопись, готовую къ печати, и снова пережилъ въ воображеніи тѣ необыкновенныя впечатлѣнія, которыя переживалъ въ дѣйствительности во время моихъ скитаній по Палестинѣ.

Кое-что изъ написаннаго мнѣ показалось лишнимъ. Но какъ-то больно было выбрасывать то, что написано тогда, когда отъ усталости еще ныли ноги, а сердце горѣло отъ чувствъ то возвышенно-радостныхъ, то безконечно-печальныхъ, то полныхъ негодованія, сомнѣній и душевной муки.

Я какъ-то въ горькую минуту спросилъ обобраннаго іерусалимскими хищниками-монахами паломника, съ чѣмъ онъ уходитъ изъ Іерусалима. Онъ былъ простой человѣкъ, крестьянинъ, и отвѣтилъ мнѣ:

— Съ радостью, что повидалъ землю, гдѣ родился Христосъ. Вѣдь, я всю ее исходилъ по Его стопамъ!

Люди—вездѣ люди. „Кесарево—кесареви, а Богово—Богу“. Человѣческая низость не можетъ отравить свѣтлыхъ чувствъ, овладѣвающихъ тѣмъ, кто пришелъ въ эту землю не съ пустымъ сердцемъ.

Камни храмовъ и святынь почтенны, но мнѣ, какъ и тому паломнику, дороже всего была земля, которой касались стопы Христовы.

Измѣняется все, но остается природа, и на ней такъ ясно, мѣстами, чувствуется образъ Христа. Особенно въ Галилеѣ.

И вспоминаются мнѣ слова Христа по Евангелію отъ Матѳея: „Подите, возвѣстите братьямъ Моимъ, пусть идутъ въ Галилею. Тамъ они увидятъ Меня“.

Да, тамъ я увидѣлъ Его и поклонился Ему съ блаженной радостью.

Въ этой радости потонула скорбь, пережитая мною, когда я ночью, въ Страстной Четвергъ, стоялъ въ Геѳсиманіи и чувствовалъ дрожь ужаса, который какъ-будто сохранила тамъ сама земля. Вѣдь, она видѣла неописуемую гнусность предательства, невыразимыя муки Божественнаго лица, впитала въ себя кровавый потъ, падавшій съ чела Христова.

Пусть же останется въ этой книгѣ то, что переживалось мною тогда. Вдали отъ святыхъ мѣстъ, я самъ ужъ вѣрно не тотъ, что былъ тамъ. И, можетъ быть, эти строки кажутся потому лишними, что во мнѣ умерло то, что живо было тогда.

Пусть же онѣ останутся въ этой книгѣ, какъ среди живыхъ цвѣтовъ увядшіе, забытые на могилѣ прошлаго.

А. Ѳедоровъ.

20 мая 1910 года.
Яффа.

Въ Палестину.

Есть для меня невыразимое чувство, можетъ быть болѣе всего близкое къ чувству освобожденія, когда я вступаю на пароходъ, чтобы отправиться въ продолжительное плаваніе. Какъ ни дороги мнѣ всѣ тѣ, кого я покидаю на берегу, прощаніе съ ними не вызываетъ въ моей душѣ той горечи, тоски, почти страха передъ неизвѣстностью, которыя сопровождаютъ разлуку съ ними при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ жизни.

Разсѣянно отзываюсь я на всѣ обращенные ко мнѣ вопросы, заботы и напутствія: я почти не принадлежу себѣ въ эти минуты. Вѣрно, душа моя была когда-нибудь дикой морской птицей,—потому-то мной и завладѣваетъ такъ стихія, которой я съ такой радостной покорностью ввѣряюсь на долгіе дни и ночи.

«Скорѣе!»—нетерпѣливо взываетъ все во мнѣ, и когда пароходъ изрыгаетъ хриплый ревъ свой, усиливая и какъ бы очищая его отъ застоя, я съ замираніемъ сердца провожаю его послѣдній возгласъ, отъ котораго вибрируетъ все мое тѣло, и бѣлыми хлопьями разлетаются чайки.

Паръ обнялъ густыми сѣдыми космами черную пароходную трубу.

— Отдать!—скомандовалъ капитанъ.

Сколько разъ даже во время послѣдняго пути я слышалъ эту команду и каждый разъ она вызываетъ во мнѣ нѣкоторое волненіе.

Мало того, что съ выходомъ въ море ждешь впереди чего-то новаго и интереснаго, даже такія мелочи, какъ повороты парохода и, такъ сказать, чистота его выхода изъ порта среди другихъ судовъ вызываютъ повышенное настроеніе. Я торжествую, видя, какъ упали тяжелыя сходни и шлепнулись въ воду отданные съ берега канаты.

Въ то время, какъ на палубѣ поднимается суета и движеніе, въ машинѣ и на вахтенномъ мостикѣ все принимаетъ строгій дѣловой видъ, внушающій особенное довѣріе.

Пароходъ дышитъ и оживаетъ, и все также сразу оживаетъ вокругъ, особенно вода, какъ бы почуявшая, что она за-одно съ нами. Полоска воды между берегомъ и бортомъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы отодвинуть насъ скорѣе въ просторъ; тысячами бѣлыхъ, мохнатыхъ лапъ отталкивается отъ скользкихъ высокихъ камней набережной, съ желѣзными цѣпями, кольцами, столбами, зданіями и людьми, державшими насъ въ плѣну.

Еще провожаютъ лодки съ людьми и чайки. Поваръ бросаетъ въ иллюминаторъ отбросы пищи, и птицы съ жалобными дѣтскими криками ловятъ ихъ на-лету. Онѣ то приближаются, то отстаютъ, и кажутся по временамъ клочками письма, уносимыми вѣтромъ и падающими на перламутровую рябь воды.

Крики людей смѣшиваются съ криками птицъ, но и тѣ другіе скоро вспоминаютъ, что у нихъ на землѣ гнѣзда, и постепенно отстаютъ.

Пароходныя мачты четко и строго стоятъ среди натянутыхъ снастей; кажется, это онѣ придаютъ пароходу легкость и подвижность и, проходя мимо, хочется погладить ихъ крѣпкое, блестящее дерево.

Отходитъ берегъ съ людьми, которые какъ-то сразу теряютъ всю свою значительность. Молъ, изогнувшись въ нашу сторону, тянется и извивается, точно жало земли, но мы обходимъ и его.

Послѣдняя задержка уже внѣ порта. Пароходъ какъ бы въ нерѣшительности нѣкоторое время кружится на мѣстѣ: идетъ провѣрка компаса, и это обстоятельство укрѣпляетъ пріятную мысль, что предстоитъ дѣло серьезное; при продолжительномъ соприкосновеніи со стихіей надо быть во всеоружіи.

Но вотъ провѣрящій компасъ забираетъ свой пелингаторъ и спускается по штормъ-трапу на черный катеръ, который мчитъ его къ берегу.

— Полный ходъ!

И мы въ пути. Раздѣлился слѣдъ за кормой: слѣва— шелковисто-голубой, справа—темно-зеленый.

Городъ какъ-то сразу отодвинулся въ глубь и потерялъ свои краски, громоздкость и даже тяжесть своихъ камней. Легкія весеннія испаренія, вмѣстѣ съ пылью и дымомъ, смягчаютъ его контуры, такъ что онъ кажется просвѣчивающимъ на солнцѣ. Тѣмъ сильнѣе огромные отдыхающіе, праздные пароходы въ порту давятъ воду своей тяжестью и отчетливо, почти рѣзко пестрятъ на солнцѣ своими красками и флагами.

Облака стоятъ такъ высоко въ небѣ, что ихъ не касается дымъ фабричныхъ трубъ; зато солнце расплавляетъ облака; оно сіяетъ надъ городомъ и ослѣпительно трепещетъ на легкой зыби его отраженій между пароходомъ и берегомъ.

Съ чувствомъ знакомой радости я обхожу пароходъ, заглядываю въ машину, въ трюмъ, вдыхаю на бакѣ и на ютѣ запахъ мокрыхъ канатовъ, отъ которыхъ пахнетъ сыростью морского дна; этотъ запахъ, вмѣстѣ съ запахомъ вымытаго недавно дерева и груза, которымъ набитъ трюмъ, возбуждаетъ меня: все, что на землѣ могло бы казаться непріятнымъ, здѣсь, на водѣ, создаетъ особую атмосферу, волнующую и сближающую съ пароходомъ, который всегда жаль покидать послѣ продолжительнаго пути.

Присматриваюсь къ пассажирамъ, которые все еще держатся глазами за землю, или стараются устроить себя поудобнѣе.

Классныхъ пассажировъ немного. Большинства на пароходѣ—паломники, направляющіеся на Афонъ и въ Іерусалимъ. Среди мужицкихъ полушубковъ, сермягъ, поддевокъ, сѣрыхъ, бѣдныхъ, часто нищенскихъ, черными пятнами выдѣляются монашескія одежды и ярко пестрятъ костюмы восточныхъ жителей. Группа ихъ расположилась на палубѣ, какъ разъ передъ вахтеннымъ мостикомъ. Разостлавъ пестрый коверъ, снявъ калоши, они полулежатъ на цвѣтныхъ перинахъ и высокими голосами тянутъ унылый мотивъ. Это—испанскіе евреи, живущіе въ Бухарѣ, усвоившіе себѣ многіе обычаи востока, но ихъ выдаютъ манеры, въ которыхъ проскальзываетъ типичная суетливость и озабоченность. Особенно это бросается въ глаза рядомъ съ мусульманами, медлительными и спокойными, чувствующими себя и здѣсь, какъ дома.

На бакѣ звенитъ гитара и балалайка; изъ трюма нестройно и глухо доносится хоровое пѣніе паломниковъ:

Гора Афонъ, гора святая
Не знаю я твоихъ красотъ,
И твоего земного рая
И подъ тобой шумящихъ водъ.

Прохожу въ свою каюту. Она—рядомъ съ каютой капитана, на верхней палубѣ, и я одинъ въ ней. Въ открытое окно тянетъ свѣжестью моря и гуломъ, отдающимся, какъ въ раковинѣ. По бѣлому потолку, зыблясь, разбѣгается и вьется отблескъ отъ воды изъ-за сѣраго тента.

Сознаніе свободы и свѣтлаго одиночества почти опьяняетъ меня и, случайно взглянувъ въ зеркало, я вижу себя какъ будто совсѣмъ инымъ, чѣмъ на землѣ.

Спутники.

За обѣдомъ знакомлюсь со своими спутниками. Помимо капитана, ихъ всего четверо: молодой атташе при констатинопольскомъ посольствѣ, восторженный поклонникъ Турціи, особенно въ ея обновленномъ состояніи; адвокатъ изъ Евпаторіи, ѣдущій въ Бургасъ, гдѣ онъ является однимь изъ участниковъ концессіи на соляные промыслы; южный помѣщикъ и американецъ коммивояжеръ, который дальше, при каждомъ вступленіи въ новый портъ, надѣваетъ цилиндръ вмѣсто походной шерстяной каскетки. Адвокатъ—съ болѣзненной желтизной лица и мучительнымъ блескомъ въ глазахъ—страдаетъ маляріей, захваченной имъ на болотистыхъ берегахъ Бургаса. Онъ проклинаетъ ихъ за свое потерянное здоровье, но изъ-за концессіи не можетъ бросить.

Молодой атташе съ свойственными дипломатамъ паузами отпускаетъ bon-mots.

— Конституція въ Турціи—это... это...

Онъ скашиваетъ, изъ-за чистыхъ, безъ оправы, стеколъ пэнснэ, прищуренные глаза на длинные бѣлые пальцы съ отшлифованными ногтями и стрѣляетъ сразу глазами и bon-mote.

— ...вѣнокъ изъ ея собственныхъ волосъ.

Онъ сравниваетъ турецкій переворотъ съ русскимъ и съ непоколебимой увѣренностью приходитъ къ убѣжденію, что Россія еще не дозрѣла до конституціи. О, онъ хорошо знаетъ Россію, и не только Россію, но и славянскія земли, которыя онъ обошелъ пѣшкомъ и которыя у насъ...—опять пауза и опять выстрѣлъ:—принято не знать.

Помѣщикъ поддакиваетъ ему относительно конституціи въ Россіи: все жиды. Всѣхъ революціонеровъ подкупили жиды...

Онъ разрѣзаетъ на четыре части артишокъ, подхватываетъ четвертую часть вилкой, почти не жуетъ и проглатываетъ цѣликомъ.

— Намъ съ Турціи примѣровъ нечего брать.

Меня мало интересуютъ эти спутники по первому классу,—меня тянетъ къ той бѣдной сѣрой толпѣ, которая наполняетъ трюмъ и свободныя мѣста на палубѣ.

Отъ времени до времени въ нашу рубку доносятся голоса, хоромъ поющіе молитву. Подъ стукъ машины эти голоса особенно внушительны, и этотъ стукъ какъ будто даже подкрѣпляетъ ихъ.

Я гулялъ и пировалъ,
Подъ личиной зло скрывалъ.
Ой, горе, горе мнѣ великое.

Въ отраженіи открытой зеркальной двери я вижу съ своего мѣста оранжевый блескъ заката, въ то время, какъ четыреугольникъ неба и моря, видимый въ отворенную дверь, одѣвается тусклыми, облачными сумерками.

Красными пятнами проступаетъ электричество въ стеклянныхъ шарахъ, разгорается, наливаетъ рубку блѣднымъ свѣтомъ.

Маленькая, желтенькая птичка влетаетъ въ дверь, пугливо мечется и замираетъ въ переднемъ углу, какъ разъ на иконѣ Спасителя, точно знаетъ, гдѣ искать ей защиты.

Эта простая маленькая случайность таинственнымъ образомъ соприкасается съ тѣмъ настроеніемъ, которое потянуло меня въ путь отъ насущныхъ интересовъ жизни, отъ всей суеты, цѣна которой, все ея ничтожество, такъ ясно опредѣляется здѣсь, въ близости со стихіей

и съ людьми, несущими въ себѣ всю стихію вѣры и жизни, утраченную нами.

Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ суровыхъ нѣдръ ея, изъ сибирскихъ тундръ идутъ они къ Гробу Господню, умиляющіеся до слезъ уже при одной мысли о возможности такого достиженія.

Взгляда на нихъ достаточно, чтобы ощутить въ своемъ сердцѣ тихую дрожь какихъ-то давно праздныхъ, заржавѣвшихъ струнъ.

Выхожу на палобу, освѣщенную пятнами электрическихъ фонарей. Свѣжо и сыро. На ютѣ, за канатами, покрытыми брезентомъ, отъ времени до времени позваниваетъ лагъ. Темныя, подвижныя пятна шевелятся повсюду на палубѣ; около рубки перваго класса, огражденной отъ всего остальнаго парохода, толпа богомольцевъ. Бѣлѣютъ сѣдыя бороды, покачиваются склоненныя головы и неумѣло, тоскливо и сдержанно поетъ хоръ безконечные стихи.

...Я во вѣки не сгорю,
Бога свята не узрю.
Ой, горе, горе мнѣ великое!

Отъ этихъ безхитростныхъ словъ, отъ этого унылаго мотива мнѣ постепенно становится жутко. Стоятъ люди на колѣняхъ съ непокрытыми головами, низко, низко склоненными въ своемъ покаянномъ томленіи. Чувствуется, что эти слова для нихъ сильнѣе, значительнѣе, безконечно выразительнѣе, чѣмъ для меня. За ними—цѣлая бездна мрака, вся грѣховность земной жизни, отъ которой съ трудомъ отрѣшается человѣческая душа. Это у нихъ-то, у этихъ старыхъ, наивныхъ дѣтей въ нищенскихъ лохмотьяхъ, съ испитыми лицами, съ натруженными руками и тѣломъ, измученнымъ лишеніями и нечеловѣческимъ трудомъ въ продолженіе долгой, однообразной и скудной жизни!..

Есть среди нихъ, повидимому, зажиточные люди: вотъ хотя бы эта пара, несомнѣнно, мужъ и жена. Онъ—сѣдой, точно извнутри высушенный человѣкъ, а потому какъ-то особенно бросаются въ глаза его густо намасленные волосы. Она—еще не старая женщина съ печальными вопрошающими глазами.

У нихъ множество узловъ и даже небольшой боченокъ съ соленьями.

— Вѣрно, надолго отправляетесь?—спрашиваю я, когда пѣніе на время смолкаетъ, и оба они, незнающіе словъ и несмѣло подтягивавшіе пѣвшимъ, закрываютъ рты.

— Кто знаетъ,—уклончиво отвѣчаетъ онъ,—какъ Богъ благословитъ.

— Въ Іерусалимъ?

— Сперва въ Іерусалимъ, потомъ на Афонъ, а тамъ, какъ Богъ дастъ.

Они смотрятъ другъ другу въ глаза, какъ будто все еще продолжая совѣтоваться о чемъ-то, очевидно, давно задуманномъ ими.

— Списать бы этотъ стихъ,—неожиданно заявляетъ мужъ.—Очень хорошій стихъ,—добавляетъ онъ для меня.—Какъ человѣкъ гуляетъ, о Богѣ мало думаетъ, а ударилъ смертный часъ, глядь, Богу-то отчетъ надо давать. Тутъ, ежели грѣшенъ, въ смолѣ ему горѣть и Бога свята не видать.

Женщина съ испугомъ раскрываетъ глаза и опять глядитъ на мужа съ тоскливымъ вопросомъ; наконецъ, у нея, какъ вздохъ, вырываются слова:

— Ужъ скорѣе бы!

Невысокая, юркая женщина, съ краснымъ лицомъ, лицемѣрно изогнутыми губами и маслянистыми глазами, пискливо затягиваетъ:

Я стою на краю,
Вижу гибель свою...

Сѣдой широкобородый человѣкъ, съ толстой, какъ будто отполированной шеей, нагнувъ голову и выпячивая пухлыя губы, подхватываетъ тяжелымъ басомъ:

О, Царица всѣхъ
И Владычица,
И Заступница.

Онъ самъ поетъ по книгѣ, но среди богомольцевъ и особенно богомолокъ много такихъ, которые спѣшатъ выговорить слова стиха. По ихъ увѣренности и по тому, какъ они вообще шустро держатъ себя здѣсь, несомнѣнно, что это—бывалые, а нѣкоторые такъ прямо спеціалисты по хожденію въ святыя мѣста.

Собесѣдники мои на время прерываютъ бесѣду со мной и опять пытаются подпѣвать.

По чужимъ сторонамъ
Я скитаюся,
По чужимъ по угламъ
Я питаюся.

Стихъ оконченъ, и широкобородый густымъ басомъ объясняетъ слушателямъ, что стихъ этотъ сотворилъ іеромонахъ Святогорецъ, который ушелъ изъ міра, гдѣ жилъ въ большой роскоши, среди всяческихъ соблазновъ; семью и дѣтей оставилъ и ушелъ.

— Вотъ тутъ есть стихъ, гдѣ онъ съ своей дочкой прощается. Наплачешься.

Онъ обращается непосредственно къ этой парѣ, но и, слушая его, они попрежнему глядятъ въ глаза другъ другу.

Во всѣхъ этихъ мелочахъ я ловлю тонкую нить, опредѣляющую не только настоящее, но и прошлое этой пары.

— Какъ паукъ,—сознался мнѣ старикъ впослѣдствіи.—Только паукъ мухъ ловитъ своей паутинкой, а я денежки старался поймать. Ну, а онѣ тяжелыя, де-

нежки-то: на каждой копеечкѣ столько слезъ, пота, а то и крови, что паутинка моя не выдержала и разорвалась. И Богъ съ ней,—заключаетъ онъ съ радостной улыбкой.

— Другое дѣло, если бы дѣтки были,—нерѣшительно замѣчаетъ жена.

— Не ропщи. Господь-то лучше знаетъ, какимъ путемъ открыть глаза человѣку на грѣхъ. Слышала: у Святогорца и дѣти были и все; а оставилъ.

Они еще томятся, еще не могутъ рѣшиться разстаться съ міромъ, какъ, повидимому, давно задумали. Еще труднѣе, очевидно, разстаться имъ другъ съ другомъ. Эта послѣдняя паутинка слишкомъ сильно обвила не только душу, но и тѣла ихъ, и невозможно оборвать ее безъ страшной, взаимной боли.

Зачѣмъ?

Этотъ вопросъ возникалъ и въ дальнѣйшихъ моихъ касаніяхъ къ новымъ впечатлѣніямъ, къ жизнямъ и сердцамъ, древнимъ, какъ міръ, но недоступнымъ въ своихъ психологическихъ переломахъ мнѣ,—человѣку иного міра, иной религіи, не вѣдающей того воскресенія, что исповѣдуютъ во имя Христа они съ такимъ благоговѣніемъ, съ отчаяніемъ и надеждой, съ восторгомъ и ужасомъ.

Но вполнѣ ли я чуждъ имъ по своей вѣрѣ, того я и самъ не знаю.

Гдѣ-то тамъ, въ далекомъ дѣтствѣ, оборвались нити, связывавшія меня съ ними. Достаточно того, что я чувствую теперь эти обрывки, но врядъ ли мнѣ удастся соединить ихъ съ тѣми, которыми опутаны они. А хотѣлось бы понять ихъ и постичь непостижимое, ведущее къ полному отреченію отъ всѣхъ земныхъ благъ и суеты, во имя Христа, къ Которому теперь стремлюсь приблизиться и я хоть на одно мгновеніе.

Паломники.

Вмѣстѣ съ паломниками я ѣду въ Іерусалимъ.

Вмѣстѣ, но не заодно. О, далеко нѣтъ и, можетъ быть, къ сожалѣнію!

Когда я смотрю на нихъ, слушаю ихъ пѣніе, апокрифы, бесѣды, я съ тоской,почти доходящей до зависти, сознаю, какъ далеко мнѣ до ихъ вѣры, стихійной и потому смутной, но зато обѣщающей великія скорби и радости, тамъ, гдѣ передъ ними съ такой ясностью и непостижимой красотой долженъ предстать образъ Христа. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ я зналъ того же Христа, что и они. Я не могу безъ волненія вспоминать тѣ часы, когда отецъ, послѣ рабочаго дня, по складамъ читалъ Евангеліе, а я сидѣлъ, прижавшись къ матери, и слушалъ. И какой близкій, какой родной мнѣ былъ Христосъ, любившій дѣтей и съ нѣжностью говорившій о птицахъ и лиліяхъ полевыхъ. Какъ возвышенно ясно представлялся Онъ дѣтскому воображенію, и такой доступной и простой казалось его проповѣдь.

Каждое отступленіе отъ нея не болѣе, какъ уродство, и отъ него нетрудно отдѣлаться, когда помощникомъ Онъ, Христосъ.

Іерусалимъ...

Я вслухъ произношу это слово, въ которомъ есть почти магическая сила. Глаза мои какъ-то сами по себѣ открываются навстрѣчу радужному сіянію, слабо просвѣчивающему сквозь это слово, какъ сквозь голубую завѣсу, легкую и воздушную, подобную клочку небеснаго покрова.

На переломѣ жизни всѣ мы инстинктивно ищемъ нерасторжимой связи съ зарею нашего бытія, съ весенней свѣжестью нашихъ первыхъ впечатлѣній. Измученная и отчаявшаяся душа жаждетъ мистическихъ откровеній, которыя сами собой являлись когда-то и освѣщали жизнь.

Всѣ дѣти, слышавшія исторію Христа, любятъ Его. Они по духу близки Ему, и мнѣ хочется пріобщиться къ свѣтлой вѣрѣ дѣтскихъ лѣтъ, беззавѣтно отдаться кроткому призыву:

«Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою, вы».

Я постараюсь подавить въ себѣ скептицизмъ, который составляетъ гордость невѣждъ. Пусть душа, ищущая отдыха, плыветъ по теченію на волнѣ, приливъ которой такъ замѣтно подступаетъ къ ней.

Я буду въ Іерусалимѣ на Страстной недѣлѣ. Это поможетъ мнѣ ближе подойти къ прошлому.

Двѣ тысячи лѣтъ. Но для мысли нѣтъ времени. Эти холмы и горы, имена которыхъ такъ тѣсно связаны съ Христомъ, эти камни, по которымъ ступали Его ноги... Вѣдь я также прикоснусь ко всему этому, увижу предметы, на коихъ покоился и Его взглядъ.

Эта мысль вызываетъ томительный полетъ мечты, близкій къ предчувствію.

Поздно ночью я хожу одинъ по палубѣ и отдаюсь новымъ призывамъ мысли, близкимъ къ возрожденію, пугающимъ и радующимъ меня.

Надо мною свѣтятъ звѣзды, блѣдныя отъ луны; онѣ качаются среди облаковъ и тоже какъ будто плывутъ къ спасительной цѣли. Съ высокой мачты, слабо покачиваясь, отвѣчаетъ имъ фонарь красноватымъ огонькомъ; а самыя мачты напоминаютъ первобытные кресты, предназначенные для великановъ.

Шурщитъ у береговъ вода и, освѣщенный луной, переливается и сверкаетъ за кормою слѣдъ. Солоноватой

и терпко пахнущей морской сыростью охватываетъ меня со всѣхъ сторонъ. Сырость идетъ отъ неуспѣвшихъ просохнуть канатовъ и отъ моря, которое гораздо темнѣе неба. Она прикасается ощутительно къ тѣлу. Я вздрагиваю, однако, иду не въ каюту, а поднимаюсь по влажной отъ сырости лѣстницѣ наверхъ, на спардекъ.

Тамъ совсѣмъ темно, и огни на нижней палубѣ не достигаютъ сюда.

Лунный свѣтъ тусклъ за облаками; кажется, что и лунѣ стало также сыро и холодно и она ищетъ, гдѣ ей спрятаться.

Тогда я иду внизъ, и освѣщенная рубка бросаетъ мнѣ въ глаза свой неживой свѣтъ. Атташе сидитъ и читаетъ французскую книжку въ желтой обложкѣ. Мнѣ приходитъ въ голову, какъ было бы странно, если бы онъ читалъ не французскую книжку, а Евангеліе. Какъ это не шло бы къ нему, къ его длинному розовому лицу съ крупной нижней челюстью и къ поднятому воротнику широкаго, моднаго пальто.

Я втайнѣ опасаюсь, какъ бы онъ не заговорилъ со мной въ эту минуту; но онъ еле поднимаетъ голову, неопредѣленно улыбается своей многозначительной улыбкой и опять погружается въ чтеніе романа.

Проснуться утромъ на пароходѣ, не видѣть и не слышать обычной городской суеты, даже просто чувствовать себя вдали отъ земли и газетъ съ кошмарными телеграммами, это — удовольствіе несравненное, и я ощущаю его каждымъ нервомъ моимъ, поднявшись съ койки и открывъ иллюминаторъ, въ который свѣжій морской воздухъ вливается вмѣстѣ съ протяжнымъ шорохомъ воды, глуховатымъ стукомъ машины и сдержанными голосами людей.

День нынче сѣрый и тихій; горизонты блѣдны и тусклы, и тускло холоденъ тонъ воды, но въ самой печали этого дня есть кроткая умиротворяющая ласка. Сны мои ночью были далеки отъ тѣхъ, съ кѣмъ я плыву

теперь, но мнѣ кажется, однако, что они мнѣ еще менѣе чужіе, чѣмъ вчера.

На землѣ можно прожить въ одномъ домѣ года и не знать, кто рядомъ, даже сознательно сторониться и избѣгать знакомства и сближенія. Здѣсь душа становится довѣрчивѣй, проще и живо интересуется своими спутниками и почти безотчетно ищетъ въ нихъ родственныхъ стремленій. Можетъ быть, земля—болѣе крѣпкій цементъ, и потому съ большей осмотрительностью относишься тамъ къ людямъ; можетъ быть Іуда и Каинъ страшнѣе на землѣ, чѣмъ здѣсь, и, однако, несмотря на то, что на пароходѣ не чувствуешь себя отчужденнымъ, нигдѣ сладость одиночества не ощущается съ такой глубиной, какъ именно на водѣ.

Я пью чай и выхожу на палубу и осматриваю пароходъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто это—мое владѣніе. Мнѣ прямо-таки представляется, что тѣ уголки и даже предметы которые я облюбовалъ вчера вечеромъ, нынче узнаютъ меня и привѣтствуютъ, какъ знакомые: доброе утро.

Капитанъ, маленькаго роста съ изящными, какъ у женщины, руками и ногами, очень живой и подвижный, несмотря на почтенный возрастъ, идетъ въ свою каюту, пряча усталое лицо въ воротникъ полинявшаго лѣтняго пальто.

— Хорошо спали?—спрашиваетъ онъ меня.

— Отлично. А вы?

— Часа два-три вздремнулъ. Туманъ проклятый, точно ватой насѣлъ. Да, развѣ вы не слышали, какъ ревѣлъ пароходъ? Ну, значитъ, дѣйствительно, здорово спали.

Я чувствую себя нѣсколько сконфуженнымъ, какъ будто тоже обязанъ былъ не спать эту ночь.

— Однако...—говорю я съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.—Это досадно.

Молоденькій помощникъ, отстоявшій свою вахту отъ 4 до 8 утра и съ соннымъ лицомъ идущій въ каюту, чтобы завалиться спать, по уходѣ капитана добавляетъ слегка осипшимъ усталымъ голосомъ:

— Н-ну, онъ ужъ черезчуръ... Такъ вотъ почти весь рейсъ. Спитъ всегда въ штурмъ-каютѣ, возлѣ мостика, и одѣтый... даже въ каскеткѣ, чтобы моментально очутиться въ случаѣ нужды на мостикѣ. Н-нѣтъ, когда я буду капитаномъ,—слуга покорный!

Онъ зѣваетъ съ такимъ аппетитомъ, что изъ глазъ его льются слезы, и скрывается въ свою дверь, какъ улитка въ раковину.

Дневная жизнь на пароходѣ уже вошла въ колею. Паломники очень скоро ознакомились съ пароходными порядками и условіями. Главный предметъ ихъ потребленія—кипятокъ. Кипятокъ къ чаю, кипятокъ къ тюрѣ, которой иные питаются весь путь. Накрошатъ въ кипятокъ хлѣба или сухариковъ набросаютъ—и ѣдятъ раза три въ день.

— Не жениться ѣдемъ!—спокойно говорятъ они по поводу этого суроваго поста.—И то дай Богъ. И то не у всѣхъ есть.

Въ самомъ дѣлѣ, на пароходѣ не мало и такихъ, которые даже и этого не имѣютъ. Покормятъ ихъ добрые люди,—хорошо. Нѣтъ,— и такъ обойдутся. Но, вообще говоря, кто не постѣснится попросить—не останется болѣе голоднымъ, чѣмъ другіе. Есть и такіе, что съ умысломъ морятъ себя голодомъ... Только бы душу живую донести къ Гробу Господню, а въ чемъ,—это не забота.

Молодой человѣкъ, фельдшеръ на пароходѣ, краснѣющій отъ удовольствія всякій разъ, какъ его называютъ—«господинъ докторъ», жалуется мнѣ на паломниковъ прилагательными въ превосходной степени:

— Немыслимо съ этимъ народомъ. Ужаснѣйшій народъ!—говоритъ онъ, съ горячностью разводя руками.—

Я ужъ не въ первый разъ съ ними и великолѣпнѣйше знаю, что это будетъ. Полнѣйшія желудочныя разстройства и окончательнѣйшая слабость организма на почвѣ жесточайшаго истощенія.

— Э-хъ, господинъ докторъ,—замѣчаетъ на эти жалобы маленькій старичокъ съ лукавымъ лицомъ и младенческими глазами.—Печешься о духѣ, такъ забудь о брюхѣ.

Этотъ старичокъ, быстро сѣменя ножками въ старыхъ валенкахъ, снуетъ по всему пароходу, ко всему прислушивается, во всякій разговоръ вставляетъ свое словцо, мѣткое и острое.

— Ишь ты!—смѣясь, говорятъ о немъ мужики.— Слово скажетъ, точно гвоздь вобьетъ. Изъ каковскихъ ты будешь?

— Я-то изъ каковскихъ?—переспрашиваетъ онъ, морща свой маленькій беззубый ротикъ, и выпаливаетъ единымъ духомъ:—изъ дворянъ поповскихъ, изъ графовъ мѣщанскихъ, изъ сыновъ крестьянскихъ. Человѣкъ съ изъяномъ, зовусь Митрофаномъ.

— Ишь ты, чистый ужъ, его и за хвостъ не поймаешь!

Но онъ не слышитъ этой аттестаціи и вертится около столпившихся на ютѣ паломниковъ, стараясь подойти поближе къ широкобородому начетчику, котораго я примѣтилъ вчера.

Тотъ продолжаетъ съ необыкновеннымъ чувствомъ читать стихи все того же поэта Святогорца, описывающіе Іерусалимъ, каждое слово о которомъ жадно ловится паломниками.

...И этой мраморной плитой
Здѣсь путь трагическій указанъ,
Гдѣ былъ Іосифомъ помазанъ
Христосъ...

— Это значитъ,—поясняетъ онъ, на лобъ поднимая очки,—тутъ говорится о плитѣ мраморной, на коей Іосифъ Аримафейскій умастилъ тѣло Христово передъ положеніемъ въ гробъ.

И, опустивъ опять очки на глаза, продолжаетъ внушительно:

Въ виду плиты же той
При основаніи Голгоѳы,
Нечистый турокъ съ чубукомъ,
Сложивши ноги, пьетъ здѣсь кофе,
Что станешь дѣлать съ чудакомъ!

Голосъ чтеца дрожитъ отъ волненія. Слушатели сморкаются, а иные плачутъ.

— Дѣйствительно,—опять поясняетъ чтецъ,— ничего съ нимъ, проклятымъ, не подѣлаешь, потому что мѣсто-то его.

— И чего только нашъ царь смотритъ!

— Вѣрно! По шапкѣ бы ихняго брата!

— Этимъ бы чубукомъ-то да по башкѣ!

Но тутъ проскальзываетъ ужомъ къ чтецу маленькая фигурка Митрофана и онъ вставляетъ свое словцо:

— За что же это его чубукомъ, коли онъ тамъ для безпорядка сидитъ?

— Какъ это для безпорядка?

— Очень просто, что для безпорядка. За безпорядкомъ, значитъ, наблюдать, потому, если его не будетъ тамъ, такъ попы другъ другу головы поотorвутъ. И то носы одинъ другому откусываютъ, да бороды вырываютъ

— Гдѣ?

— У самого гроба Господня.

— Бреши!—съ негодованіемъ обрушиваются на него.

— Это ты бреши, милый. Я не песъ, чтобы брехать, мое дѣло пахать. Что видѣлъ самъ, то и разсказываю.

— Гдѣ видѣлъ?

— Въ Іерусалимѣ. Лѣтъ тому назадъ четырнадцать. Патріархъ Герасимъ былъ съ архимандритомъ Фотіемъ въ Страшную субботу въ церкви. Ну, а тутъ армянское духовенство. И пошла драка промежду ними. Армянскій епископъ съ греческимъ дьякономъ другъ другу въ волосья вцѣпились, такъ что разнять было нельзя. Патріарха тоже съ ногъ сшибли, облаченіе изорвали, митру ногами топтали. Такъ вотъ эти самые нечистые турки и разнимали ихъ, а то дѣло до смерти бы дошло. И то крови столько пролили, что сатанѣ безъ мыла умыться бы хватило.

— Такъ-то армяне и греки. То же, что нехристи.

— Не нехристи, а такіе же христіане, какъ ты.

Но тутъ начетчикъ сурово останавливаетъ разсказчика:

— Ты говори, да не заговаривайся. Христіане, да не такіе. Настоящіе христіане—только православные, потому какъ на нихъ однихъ благодать Святого Духа почіетъ. И одни только православные по этому случаю въ царство небесное и внидутъ.

— Вѣрно!—подтверждаютъ слушатели, которымъ авторитетный тонъ и широкая борода внушаютъ большое почтеніе.

Я вижу, какъ бѣлокурый высокій мужикъ съ сѣрыми пытливыми глазами и печальнымъ лицомъ отходитъ въ сторону.

— Куда ты, Лексѣй, погоди, послушаемъ.

Но тотъ ничего не отвѣчаетъ, а только искоса умными глазами взглянувъ на начетчика, тихо удаляется въ сторону.

Грѣхъ.

— А, скажите на милость, господинъ,—робко обращается къ начетчику молодуха съ обвѣтреннымъ, но довольно красивымъ лицомъ и безпокойными глазами.

Тотъ снисходительно оборачивается къ бабѣ, которую пропускаютъ прямо къ нему.

— Ну, говори, въ чемъ дѣло.

Та нѣсколько робѣетъ, но, покраснѣвъ, все же начинаетъ объяснять:

— Мужъ вотъ у меня. Такъ хотѣла я васъ спросить, можетъ ли онъ удостоиться войти въ царство небесное, если я буду за его грѣхъ Бога молить?

— Православный?

— Какъ же, православный.

— Ну, это, смотря, какой грѣхъ. Опять же покаяніе. Большой грѣхъ-то?

— Ой, большой. Ужъ такой-то грѣхъ!..

Всѣ вокругъ настораживаются и вытягиваютъ головы къ ней.

— Надо знать,—съ любопытствомъ настаиваетъ начетчикъ и отдувается, вытирая съ лица потъ, хотя вовсе не жарко.

Баба теряется. Она ужъ, видно, и сама не рада, что затѣяла этотъ разговоръ.

— Ну, говори, ничего,—торопятъ и ободряютъ ее со стороны.

Она совсѣмъ смущена, но, наконецъ, собравшись съ силами, выдавливаетъ изъ себя признаніе:

— Въ церковь не ходитъ.

На широкомъ потномъ лицѣ начетчика выражается разочарованіе, однако, онъ рѣшительно заявляетъ:

— Ни въ какомъ случаѣ не удостоится.

Баба ахаетъ и блѣднѣетъ. Глаза всѣхъ окружающихъ съ сожалѣніемъ обращаются къ ней.

Начетчикъ поясняетъ ей не безъ участія:

— Посуди сама, какъ же онъ можетъ быть признанъ христіаниномъ, да еще православнымъ, если церковь Христову не чтитъ? Про такихъ священное писаніе прямо говоритъ: анафема—проклятъ.

Баба опять ахаетъ, и въ глазахъ ея выражается настоящій ужасъ. Она пробуетъ защитить мужа и торопливо говоритъ срывающимся голосомъ:

— Да вѣдь не то, чтобы въ Бога не вѣровалъ. Онъ и въ Бога вѣритъ, и въ святую церковь вѣритъ, а только, говоритъ, въ церковь надо ходить съ толкомъ. Ужъ что это значитъ, я такъ и не могла добиться отъ него. Вотъ тоже поговѣть, исповѣдаться, да пріобщиться уговаривала его, а онъ мнѣ на это говоритъ: «это, говоритъ, вамъ, бабамъ, ничего не стоитъ къ святымъ тайнамъ итти. Надѣла, говоритъ, чистое исподнее да новый сарафанъ и пошла. А по мнѣ, такъ только тотъ можетъ святыхъ тайнъ пріобщиться, кто всѣ помыслы свои очиститъ и душу обновитъ...»

— Ого. Вонъ онъ какой у тебя! Гордыня все это. Бѣсъ его смущаетъ. Такой ни въ какомъ случаѣ не внидетъ, сколько ты ни молись.

— Вишь ты,—соболѣзнуютъ молодухѣ всѣ остальные, а Митрофанъ шепчетъ:

— Ишь какой строгій секлетарь-то у Бога выискался. Вѣрно говорятъ: милуетъ царь, да не милуетъ псарь.

Но онъ пока не смѣетъ сказать этого во всеуслышаніе: очень ужъ внушителенъ начетчикъ. А сосѣди и за эти слова цыкаютъ на него.

Но баба все еще держится, хотя глаза ея полны слезъ.

— Господи, какъ же быть-то теперь!—растерянно говоритъ она и глазами обводитъ толпу.

— Слышь ты...—трогаетъ начетчика за руку, старичокъ съ большой головой.—Чего ты молодуху такъ ушибъ? Можетъ, онъ еще раскается.

Та опять старается смягчить его страшный приговоръ:

— И вѣдь добрый онъ у меня. Мухи не обидитъ. Шесть братьевъ ихъ такихъ, всѣ, какъ одинъ, всѣ, какъ деревца въ лѣсу: одинъ къ одному,—и работящіе, и разумные. Достатку у насъ, славу Богу. И всѣмъ онъ хоть изъ послѣдняго да помогаетъ: ужъ такой онъ сердобольный. «Доброе дѣло, говоритъ, стоитъ молитвы. Я ужъ, говоритъ, добрыми дѣлами лучше Богу помолюсь, и что языкъ-то трепать!» И всѣ они такіе.

— Нечистый ихъ одолѣлъ. Не удостоятся царства небеснаго!—ужъ почти со злобой говоритъ начетчикъ.

Но несчастная женщина все не теряетъ надежды его смягчить и съ жалобной улыбкой повторяетъ:

— И меня вѣдь вотъ онъ не задерживаетъ. И денегъ мнѣ даетъ.—„Иди, говоритъ, помолись и за себя, да и за меня, ежели хочешь. А только, говоритъ, лучше, если бы эти деньги отдать „Шурупихѣ“... вдова у насъ такая бѣдная осталась на селѣ, Шурупиха: мужъ у ней умеръ, дѣтей—куча. «Коровку, говоритъ, для дѣтишекъ-то купила бы себѣ, да и по хозяйству кое-что бы, говоритъ, она себѣ на остатокъ справила“...

— Гордость одна. Мірская тщета, — продолжаетъ тотъ.—Не иначе, какъ испорченъ онъ, да и братья его. Отчитывать надо.

— Пробовалъ нашъ батюшка, да только онъ смѣется надъ этимъ.—И она заплакала.

— Ахъ, ты, грѣхъ какой!—завздыхали вокругъ.— Жалко мужика, да и молодуху жалко. Вишь, какъ убивается болѣзная!

— Вотъ что господинъ!—не выдержалъ Митрофанъ, впиваясь своими дѣтскими глазами въ толстыя стекла очковъ начетчика.—Вы бы полегче царствомъ-то небеснымъ торговали, да несмышленыхъ людей пугали. А то послушаешь васъ, такъ вы у Бога-то точно главный министръ: на судъ, на управу очень ужъ быстръ.

Кое-кто ухмыльнулся въ бороду на эту отповѣдь... Но, повидимому, настоящаго впечатлѣнія онъ не произвелъ ни на кого, даже на ищущую какого-нибудь просвѣта въ этомъ мракѣ бабу. Пока дѣло касается шутокъ, или вообще разговора легкаго, рѣчь Митрофана попадаетъ въ самую цѣль; зато въ разсужденіяхъ о такихъ важныхъ вещахъ, какъ религія, царство небесное и тому подобное,—простой человѣкъ требуетъ слова вѣскаго и тяжелаго, часто даже малопонятнаго. И Митрофанъ самъ, очевидно, чувствовалъ это, но отдѣлаться отъ своей манеры говорить въ риѳму не могъ, да и внѣшность у него была, что называется, жидковата.

Кончилось тѣмъ, что маленькій толстый мужикъ, съ лицомъ, похожимъ на калачъ, строго остановилъ Митрофана:

— Молчи! Тутъ не твоего ума дѣло.

Баба отняла отъ лица платокъ, но, все еще продолжая плакать, обратилась къ начетчику:

— Господи! Если бы нашелся человѣкъ, который вразумилъ бы его, я бы, кажется, себя за это не пожалѣла. Не будете ли вы въ нашихъ мѣстахъ,—взмолилась она уже прямо къ нему съ заискивающимъ лицомъ.—Зашли бы къ намъ. У насъ домъ ладный. Мы бы васъ вотъ какъ приняли! Поговорили бы вы съ нимъ, можетъ, онъ и подался бы, образумился, покаялся.

— Знамо... Знамо...—поддержали ее со всѣхъ сторонъ.—Надо мужика на умъ наставить.

— А вы откуда будете?

— Изъ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, село Бородулино. Спросите тамъ Фокиныхъ, вамъ и куры укажутъ.

Тотъ солидно вынулъ записную клеенчатую книжку и тупо зачиненнымъ карандашомъ медлительно записалъ адресъ. Пока онъ записывалъ, молодуха съ вспыхнувшей въ глазахъ надеждой слѣдила за нимъ и не знала, какъ отблагодарить его уже за одно обѣщаніе, на что онъ только важно повелъ головой и многозначительно заявилъ:

— Ладно, посмотримъ, посмотримъ...

Огорченный и раздосадованный, Митрофанъ махнулъ рукой и отошелъ въ сторону, ища кому бы пожаловаться на несправедливость людскую.

Алексѣй стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ у борта. Сложивъ руки, наклонился онъ къ водѣ, разбѣгавшейся отъ остраго носа парохода слегка вспѣненными струями, и глядѣлъ и не глядѣлъ на воду. Его обвѣтренное, сухощавое лицо съ рѣдкой бѣлокурой бородой, иногда обращалось туда, гдѣ происходила вся эта сцена. Книжникъ говорилъ такъ увѣсисто и громко, что онъ, вѣрно, понималъ отлично суть разговора, потому что, когда подошелъ старичокъ, онъ ласково обратился къ нему:

— Что, братикъ, отшили тебя?

Тотъ махнулъ рукой съ горькой досадой.

— Да что—отшили, это наплевать! А вотъ жалко бабу. Заморочилъ онъ. И тѣ овцы уши развѣсили, поддакиваютъ ему.

— Да, строговатъ,—кивнулъ головой Алексѣй въ сторону начетчика.—У нихъ Христосъ вродѣ какъ бы прокуроръ.

— Вотъ, вотъ!—обрадовался старикъ.—Какъ есть вродѣ прокурора!

— Христа-то чуть не въ мундиръ одѣли и всѣ пуговицы пересчитали. Ежели у кого на мундирѣ пу-

говицъ не достаетъ, тотъ не настоящей Христовой вѣры и въ царство небесное не войдетъ.

Митрофанъ такъ и залился радостнымъ смѣхомъ и съ восторгомъ обратился къ собесѣднику:

— Вотъ ловко ты угадалъ,—то-есть въ самую мишень попалъ! Можно сказать, безъ прицѣла въ лобъ влетѣло.

Но тотъ не улыбнулся даже на эти слова. Онъ съ тоской покачалъ головой и задумался.

Старикъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и пересталъ смѣяться. Черезъ минуту онъ тронулъ его за рукавъ.

— Чего это ты? А?

Тотъ разсѣянно на него поглядѣлъ.

— А что?

— Да, вотъ, о чемъ это ты такъ затосковалъ?

— Объ одномъ все, братику.

— Объ чемъ?

— О Христѣ.

Старикъ совсѣмъ растерялся.

— Какъ такъ? Чего же объ Немъ тосковать-то?

— Кому нечего, а мнѣ приходится,—неохотно отвѣчалъ тотъ. Но, замѣтивъ въ лицѣ старика жалкое, почти виноватое выраженіе, тихо добавилъ:

— Мучитъ меня, братику, это. То-есть до того мучитъ, что покою себѣ найти не могу, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока настоящаго Христа не найду. Вонъ, такимъ, какъ этотъ начетчикъ, имъ ладно. Чего лучше, сочинили себѣ по книгамъ Христа, какой имъ способнѣй да и дѣлу конецъ. А Христосъ-то отъ такихъ поклонниковъ горькими слезами плачетъ.

Старикъ, пораженный, глядѣлъ на него во все глаза, даже ротъ раскрылъ отъ усиленнаго вниманія.

— Ну-ну, братъ, и голова у тебя!..—нашелся онъ только сказать на эти слова.—Слушаю я тебя и точно ты у меня занозу изъ самаго нутра вытаскиваешь.

— Какая тутъ голова! Развѣ тутъ въ головѣ дѣло?

— Да нѣтъ! Я говорю, самъ я объ этомъ вотъ такъ думалъ, только смысла у меня такого вотъ не было, чтобы такъ дойти.

— Ни до чего тутъ, братику, головой не дойдешь. Пытался я тоже головой дойти. И книги читалъ, и съ книжными людьми разговаривалъ. Только по книгамъ-то Христосъ мудренѣе показывается, чѣмъ мнѣ Онъ представляется, оттого и толкуютъ иные Его вотъ такъ, какъ этотъ; оттого во имя Его и пытали и мучили людей. Я давеча вотъ этого-то умника спрашиваю тоже: какъ же, молъ, это такъ? А онъ мнѣ и глазомъ не мигнувъ, отвѣчаетъ:—А какъ же, говоритъ, Самъ Христосъ сказалъ: «Не миръ Я принесъ, а мечъ». Они это такъ понимаютъ, что людей терзать за себя Онъ обрекъ. Это Христосъ-то!

Онъ воодушевился, говоря послѣднія слова, и даже въ глубокой скорби взмахнулъ руками и глубоко вздохнулъ.

— Въ церквахъ вотъ тоже искалъ я Его. И сколько, братику мой, церквей я исходилъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и старыхъ и новыхъ,—нѣтъ, и въ церквахъ не нашелъ я Христа. Не любилъ Онъ пышности этой и славословія, и чѣмъ богаче церкви видѣлъ я, тѣмъ дальше отъ нихъ Христосъ мнѣ казался.

— Вѣрно! Ахъ, какъ ты это вѣрно, милый, говоришь!—окончательно увлеченный воскликнулъ старикъ.—То-есть каждое словцо чисто, кругло, какъ яйцо.

Но послѣ этой неожиданной и противъ воли, повидимому, вырвавшейся у него риѳмы, онъ даже крякнулъ отъ досады:

— Не умѣю, миленькій мой, я высказывать тебѣ, а только вижу,—вѣрно! Все какъ есть вѣрно, какъ стрѣла.

Тутъ, повидимому, у него уже опять навертывалось закругленіе, но онъ не безъ усилія воздержался.

Тотъ продолжалъ какъ бы про себя:

— Вотъ теперь и иду туда, гдѣ Онъ родился, и жилъ, и распятъ былъ. Можетъ, въ землѣ этой святой найду я Его, истиннаго-то Христа. Можетъ, травки эти самыя, камешки, да маслинки тамъ разныя старенькія разскажутъ мнѣ о Немъ правду настоящую и явятъ мнѣ Его такимъ, какимъ Онъ по землѣ ходилъ.

— Миленькій!—взмолился старикъ.—Возьми ты меня съ собой. Вѣдь, поди жъ ты, вотъ: второй разъ я въ святую землю иду, а и самъ не зналъ, зачѣмъ я иду туда. А вѣдь я затѣмъ же, зачѣмъ и ты туда иду... какъ волхвы на звѣзду. И спасибо же тебѣ за слова твои. Такъ вотъ и не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Много я всякаго народа видѣлъ, а такого, какъ ты, не доводилось.

Онъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ этой нечаянной радости, что, казалось, тонулъ и захлебывался въ ней и хотѣлось ему говорить объ ней не только съ нимъ, но и съ самимъ собой.

Я оглянулся на паломниковъ, поучаемыхъ начетчикомъ, и замѣтилъ, что толпа ихъ значительно порѣдѣла. Всѣ, почесываясь, какъ-то нерѣшительно отходили отъ него, иные—отговариваясь необходимостью, какъ бы извиняясь, другіе—безъ всякихъ словъ, но такъ, чтобы ихъ ухода онъ не замѣтилъ.

— Что говорить, голова!—съ чувствомъ спѣшили всѣ они его одобрить, но при этомъ, однако, избѣгали смотрѣть другъ другу въ глаза. Иные изъ нихъ, какъ бы мимоходомъ, подходили къ Алексѣю и Митрофану, прислушивались къ ихъ словамъ и останавливались тутъ.

Одинъ изъ первыхъ подошелъ тотъ самый старикъ съ лицомъ, похожимъ на калачъ, что оборвалъ Митрофана.

— Его, братъ, не переспоришь. У него на всякое слово изъ священнаго писанія текстъ есть,—объявилъ, онъ, кивая головой на начетчика.

— Что и говорить, голова! Только бабу онъ очень ужъ обидѣлъ,—замѣтилъ другой.

— Не онъ обидѣлъ, а законъ. Законъ—вещь сурьезная. Никакъ противъ закона нельзя. Сказано, всякая тварь повинуется.

Ни Митрофанъ, ни Алексѣй ничего на эти рѣчи не возразили. Они только оба посмотрѣли на говорившихъ спокойными, проникновенными глазами, отлично понимая, что скрывается за этими словами.

— Вотъ, видишь, а ты говоришь—овцы,—упрекаетъ Алексѣй своего собесѣдника.—Нѣтъ, братику, настоящій человѣкъ чуетъ правду. Онъ понять-то ее иной разъ не пойметъ, а чуять—чуетъ.

— Вотъ что, миленькій,—наклоняясь къ нему, взмолился старикъ.—Скажи все бабѣ той... Вѣдь мучается молодка-то ни за что, ни про что.

Но тотъ нѣсколько жестоко отвѣтилъ на это:

— И пускай мучается, ежели сама не знаетъ, изъ за чего мучается, ежели ее буквой напугать можно и буква ей сильнѣй добраго дѣла говоритъ. Помучается, такъ, можетъ, поумнѣетъ тогда, а учить такихъ только себя тѣшить.

Синеватый туманъ рѣялъ на водѣ, такой легкій, что его почти невозможно было уловить вблизи, но въ отдаленіи онъ становился замѣтнѣе; матовой сѣткой падалъ на тусклую зеленую воду и таилъ за собой берегъ, о близости котораго кричали чайки.

Почти припадая къ самой водѣ, чайки то опережали пароходъ, то летѣли за кормою, внимательно глядя на пѣнящійся слѣдъ, взбитый пароходнымъ винтомъ. Сюда попадали всѣ отбросы кухни, и птицы стремительно и жадно бросались за ними, выхватывали ихъ и неслись въ сторону.

Солнце перламутровымъ пятномъ показывалось иногда межъ скучныхъ сплошныхъ облаковъ, и тогда волны какъ будто оживали и свѣтился туманъ, прозрачный, какъ жемчугъ.

На мостикѣ вахтенный помощникъ почти не отнималъ бинокля отъ глазъ. Наконецъ, онъ крикнулъ тѣмъ неестественнымъ голосомъ, которымъ никогда не кричатъ на землѣ:

— Сорока!

— Есть.

Сухощавый и въ самомъ дѣлѣ напоминающій сороку дежурный матросъ появился на мостикѣ.

— Доложи капитану—маякъ открытъ. Траверсъ—мысъ Кліопусъ.

Я взглянулъ по тому направленію, гдѣ открыли маякъ, и замѣтилъ слабо проступавшіе контуры земли: берега Болгаріи.

Черезъ 2—3 часа мы будемъ въ Варнѣ.

Болгарія.

Около 4-хъ часовъ дня мы подходимъ къ Варнѣ.

Какъ ни легки пары, проникающіе воздухъ, горы сквозь нихъ проступаютъ точно сквозь матовое стекло и оттого кажутся монотонными и печальными.

Съ вахтеннаго мостика мнѣ указываютъ вдали бѣлое пятно на темномъ фонѣ затушеваныхъ горъ и предлагаютъ бинокль.

Это—дворецъ Фердинанда, его лѣтняя резиденція. Онъ окруженъ прекраснымъ паркомъ и паркъ идетъ отъ дворца вдоль морского берега у подошвы горы, вплоть до самаго города Варны.

Я, однако, противостою искушенію увидѣть дворецъ въ бинокль нѣсколькими минутами раньше, чѣмъ увижу его своими собственными глазами. Это на первый взглядъ нелѣпо, но таковъ мой обычный капризъ въ подобныхъ случаяхъ: я предпочитаю обходиться даже безъ общепринятыхъ посредниковъ между мною и новыми для меня впечатлѣніями. Другое дѣло, если я прохожу мимо. Но вѣдь здѣсь я буду черезъ часъ, много черезъ два часа.

И я терпѣливо жду, когда пароходъ приблизится къ дворцу настолько, что смогу ясно разсмотрѣть его весь. Вѣроятно, новопризнанному королю недурно живется здѣсь весною и лѣтомъ, когда паркъ пышно распускаетъ свою великолѣпную зелень, цвѣтетъ и весело шумитъ на вѣтру, сливая свои мягкіе шорохи съ шумомъ теплыхъ волнъ, пѣнистыми узорами покрывающихъ сверкающій на солнцѣ песокъ.

Обыкновенно здѣсь въ началѣ апрѣля все зелено. Но нынче весна запоздала, и деревья въ перламутровыхъ парахъ отливаютъ лиловыми, рубиновыми и фіолетовыми тонами вѣтвей и почекъ.

Вскорѣ открывается и самый городъ съ маленькимъ портомъ, гдѣ, при трехъ стоящихъ пароходахъ, четвертый, вступающій въ этотъ портъ, чувствуетъ себя стѣсненнымъ и не знаетъ, какъ ему обернуться и куда бросить якорь.

Общее зрительное впечатлѣніе: палевое, съ краснымъ. Палевыя красныя стѣны домовъ и красныя черепичныя крыши. Городокъ кажется только что выстроеннымъ и потому какъ-то не внушаетъ сразу къ себѣ довѣрія. Но въ то время, какъ во всѣхъ почти маленькихъ городкахъ самое большое и замѣтное зданіе тюрьма, здѣсь это оказывается гимназія.

— Хорошо. Ну, а вотъ то, немного [поменьше, но все же одно изъ самыхъ большихъ съ великолѣпными окнами, которыя такъ весело и ясно глядятъ на море?

— Это тоже гимназія!

Третье, въ родѣ этихъ, если не гимназія, то какое-нибудь общественное учрежденіе, созданное общественными силами.

Попутно вы узнаете, кстати, что плата въ гимназіи настолько ничтожна, что туда поступаютъ дѣти послѣднихъ бѣдняковъ, нерѣдко не стѣсняющіяся послѣ занятій въ гимназіи поддерживать свое существованіе черной работой, за которую, конечно, получаютъ гроши.

Вообще, надо сказать, что, по бѣдности страны, трудненько живется въ Болгаріи не только чернорабочимъ, но и интеллигенціи. Интеллигентный трудъ оплачивается, даже на сравнительно высокихъ мѣстахъ, очень слабо, но это не мѣшаетъ гражданамъ честно дѣлать свое дѣло и уважать свое достоинство и любить свою родину.

Одна русская дама, живущая вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Варнѣ, съ неудовольствіемъ говорила мнѣ, что прислуга въ Болгаріи рѣшительно ни на что не похожа: ее не только выругать, но и слова рѣзкаго сказать ей невозможно. Сейчасъ обижается.

Прежде чѣмъ нашъ пароходъ успѣваетъ ошвартоваться, на набережную высыпаетъ любопытствующая публика—съ дѣломъ и безъ дѣла. Большинство—молодежь, главнымъ образомъ гимназисты, все бѣдно одѣтые, съ книжками и тетрадями въ рукахъ и карманахъ. Они, вѣрно, прямо изъ гимназіи, но свѣжіе голоса ихъ звучатъ бодро и весело, а глаза свѣтятся любопытствомъ и задоромъ.

У одного изъ гимназистовъ торчитъ изъ кармана коротенькой курточки брошюрка и на обложкѣ ея крупными буквами бросается въ глаза имя автора—Бебель.

Я иду съ мостика въ шлюпку и надъ машиной, переставшей стучать, вижу въ уголкѣ около лѣстницы старика въ большихъ очкахъ, съ старой священной книгой въ рукахъ, гдѣ каждая новая глава написана затѣйливой красной буквой. Онъ всегда сидитъ здѣсь, когда бы я ни проходилъ, сидитъ, не отрывая своихъ большихъ глазъ отъ этой книги, и читаетъ вслухъ славянскія письмена, букву за буквой, слогъ за слогомъ, слово за словомъ. Онъ даже не отрываетъ глазъ отъ книги, чтобы взглянуть на новую для него землю, новый городъ и новыхъ людей, изъ которыхъ многіе одѣты въ старинные національные костюмы. И, что всего непонятнѣе для меня, онъ не одинъ такой. Этотъ еще на воздухѣ сидитъ, а другіе, подобные ему, не выходятъ изъ трюма и, прижавшись гдѣ-нибудь въ уголкѣ, въ темнотѣ слѣпятъ глаза надъ такими же книгами, не обращая ни малѣйшаго вниманія не только на то, что дѣлается внѣ парохода, но и что творится вокругъ нихъ, отрываясь развѣ для общей молитвы во время всенощной или обѣдни, которую тутъ же служитъ какой-нибудь старичокъ-священникъ, или просто знающій человѣкъ.

— А что мнѣ!—сурово и не сразу говоритъ старикъ, когда я обращаюсь къ нему съ упрекомъ. Онъ слегка поднимаетъ голову, придерживая заскорузлымъ пальцемъ мѣсто, гдѣ я прервалъ его чтеніе.—Все это суета одна, не затѣмъ я поѣхалъ, чтобы бѣса въ глазахъ тѣшить.

И опять наклоняется надъ книгой, съ усиліемъ выдавливая изъ своихъ заросшихъ волосами губъ трудныя и, видимо, непонятныя ему слова.

„Ихже собравъ, и ины сицевыхъ вещей дѣлатели»...

Но большинство паломниковъ толпится у борта на палубѣ: они удивляются всему, что передъ ихъ глазами: и старымъ національнымъ костюмамъ болгаръ, и мѣднымъ блестящимъ сосудамъ съ бубенчиками и всякими завитками, въ которыхъ болгары продаютъ прохладительные напитки, и городу, и берегу, и даже тому, что среди каменныхъ зданій возвышается православная церковь.

Весь черный кочегаръ, только что вышедшій изъ машины, поймавъ на ходу послѣднія восклицанія, не можетъ воздержаться отъ рѣзкаго слова:

— Вотъ дубье! Да вѣдь болгары же свой братъ, христіане! Вѣдь за нихъ столько противъ турокъ нашей крови пролито, что по ней пароходъ можно было бы пустить!

Тѣ мнутся и конфузятся.

— Да, вѣдь, кто ихъ знаетъ! Развѣ наше дѣло война!—дѣло государево...

Тотъ плюетъ, безнадежно машетъ рукой и бѣжитъ къ себѣ, чтобы умыться и заснуть послѣ адской работы у раскаленной глотки печи.

Болѣзненный глухой паренъ съ гнилыми глазами долго смотритъ, распустивъ вялыя, измятыя губы, на болгарина съ большимъ ярко расписаннымъ кувшиномъ подъ мышкой и стеклянными стаканчиками у пояса и гнусавымъ голосомъ говоритъ:

— Вотъ бы камнемъ пустить въ него! Вотъ бы зазвонило! Вотъ бы...

Онъ не договариваетъ, подавившись жидкимъ смѣхомъ, и двѣ-три бабы рядомъ визгливо хохочутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Послѣ даже небольшого плаванія въ морѣ, всякій новый берегъ возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторое волненіе, и я съ страннымъ ожиданіемъ вступаю на землю чужой мнѣ страны. Глаза какъ-то сами собой ищутъ новыхъ картинъ, явленій и образовъ, воображеніе во всѣхъ мелочахъ видитъ новый смыслъ и, можетъ быть, разгадку тѣхъ вопросовъ, которые мучатъ на родинѣ.

Мимо вагоновъ и подводъ, подходящихъ къ хлѣбнымъ складамъ и просто къ берегу, мимо холмовъ пшеницы, которая сыплется здѣсь же, напоминая своимъ красноватымъ тономъ песокъ пустыни, я иду въ городъ, привлекающій меня своей тишиной и уютностью и забавляющій своими вывѣсками, которыя кажутся написанными дѣтской рукой, благодаря своему славянскому начертанію, замѣняющему гласныя буквы твердымъ знакомъ.

Меня прямо-таки плѣнилъ паркъ въ Варнѣ, несмотря на то, что только нѣкоторыя деревья въ немъ зеленѣли прозрачнымъ пушкомъ. Какъ должно быть тѣнисто и зелено здѣсь, когда все распустится и расцвѣтетъ! И сейчасъ пахнетъ лопнувшими почками, отсырѣвшей и разогрѣтой солнцемъ корой и старыми перепрѣвшими листьями. Закатъ освѣтилъ стволы, и они кое-гдѣ кажутся кованными изъ мѣди. А внизу такъ широко размахнулось море съ золотистыми переливами воды и протяжнымъ шорохомъ, волнующимъ предвечернюю тишину.

Кротость и миръ весенняго вечера такъ идетъ къ этому славному городку, точно они давно родные другъ другу. Я возвращаюсь на пароходъ, стараясь держаться улицъ, ближайшихъ къ морю.

Затепливаются огни въ городкѣ и въ бѣдныхъ кофейняхъ, среди облаковъ дыма, сидятъ болгары въ широчайшихъ штанищахъ, съ огромными усами, сѣдина которыхъ блеститъ при вспышкахъ трубки, какъ лезвія загнутыхъ ножей.

Въ сизый вечерній воздухъ, который быстро темнѣетъ, все ярче вкрапливаются пароходные огни, и я вступаю на палубу какъ разъ въ то время, когда небо, покрытое сплошными облаками, начинаетъ ронять капли тихаго весенняго дождя.

Трюмъ.

Изъ трюма доносится унылое нестройное пѣніе.

Я спускаюсь туда по крутой скользкой лѣстницѣ. Трюмъ заваленъ ящиками, мѣшками, людьми; электрическія лампочки освѣщаютъ эти вороха тряпья, среди которыхъ шевелятся люди и краснѣютъ пятна человѣческихъ лицъ. Справа, въ углу трюма, люди сбились темной толпой и оттуда несется по временамъ пѣніе, прерываемое знакомымъ уже мнѣ баскомъ миссіонера, читающаго молитвы. Двѣ восковыя свѣчи, прилѣпленныя на ящикѣ, замѣняютъ алтарь. Эти два красные колеблющіеся огонька сообщаютъ вечернѣ наивный и трогательный характеръ. Подъ низкими сводами трюма тѣсно сбившаяся куча людей, которая молится и поетъ, и кланяется съ глубокимъ чувствомъ, кажется чѣмъ-то древнимъ и таинственнымъ: точно первые христіане подъ землею, въ мрачныхъ катакомбахъ.

— Радуйся, святителю отче Николаю...

— Аллилуйа!—поютъ всѣ хоромъ.

— Боготечная звѣзда, явися намъ, наставляя по морю плавающихъ лютѣ, имъ же смерть предстояще тогда, аще не ты бы предсталъ сей призывающимъ тя въ помощь.

Чтецъ съ чувствомъ произноситъ слова молитвы, послѣ которыхъ хоръ опять подхватываетъ:

— Аллилуйа!

Въ глубинѣ трюма, на сваленныхъ бревнахъ, стоитъ большой рыжій мужикъ и крестится широкими размахами, закидывая назадъ свою кудластую голову и по-

томъ низко-низко наклоняя ее. Онъ освѣщенъ спереди электрической лампочкой, и громадная уродливая тѣнь его качается на стѣнѣ, переламываясь среди бревенъ, заваливших глубину трюма. Этотъ рыжій мужикъ, съ его тѣнью, придаютъ всему богослуженію особенно внушительный видъ, и мнѣ кажется, что я тутъ, съ моимъ любопытствомъ, лишній.

И, какъ бы отвѣчая моимъ смутнымъ мыслямъ, опять доносятся до меня волнующія слова:

— Арія же безумнаго обличилъ еси; сего ради вѣрніи научашеся воспѣвать тебя.

— Аллилуйа!

Должно быть, духота и спертый воздухъ трюма, въ которымъ смѣшался запахъ овчинъ, человѣческихъ тѣлъ, дерева и насквозь пропотѣвшаго тряпья, одуряетъ меня; становится не по себѣ; тяжело и даже нѣсколько жутко, точно среди этихъ простыхъ вѣрующихъ людей я, дѣйствительно, что-то вродѣ Арія, обличаемаго глубиною и силою этой вѣры, можетъ быть, темной, но идущей изъ самыхъ нѣдръ ихъ грубыхъ наивныхъ сердецъ.

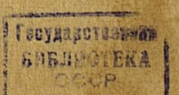
Изъ тѣхъ, кто наверху, гдѣ въ чистыхъ комнатахъ стоятъ бархатные диваны и на койкахъ бѣлѣетъ всегда свѣжее бѣлье, кажется, я одинъ спустился въ этотъ набитый сѣрыми людьми трюмъ.

Оглядываюсь вокругъ и вижу женскую фигуру въ шляпкѣ и костюмѣ, который рѣзко отличается отъ деревенскихъ платьевъ и мѣщанскихъ кофтъ. Молодая, бѣлокурая дѣвушка, смѣшавшись съ толпой, стоитъ и молится съ такимъ же усердіемъ, какъ и всѣ другіе. Только крестное знаменіе она творитъ какъ-то особенно старательно, точно боится ошибиться. Я узнаю въ ней также пассажирку сверху, и такъ какъ это не совсѣмъ обычное пятно на общемъ шаршавомъ и замурзанномъ фонѣ, пристально всматриваюсь въ нее и почти завидую ея религіозности.

Вѣрно, она почувствовала на себѣ мой взглядъ, потому что вдругъ перекрестилась совсѣмъ не по православному: положила крестъ сначала на лѣвое, потомъ на правое плечо; тотчасъ же спохватилась, перекрестилась еще разъ, на этотъ разъ правильно, но смутилась, что кто-нибудь могъ замѣтить ея ошибку, и украдкой повела глазами направо и налѣво.

Тутъ она замѣтила мой взглядъ, покраснѣла, какъ будто я былъ нежелательнымъ свидѣтелемъ, и тотчасъ же замѣшалась въ толпу молящихся, такъ что я потерялъ ее изъ виду.

Я вышелъ наружу.

Страничка жизни.

Все небо было покрыто тучами; палуба была сырая отъ перепавшаго дождичка и блестѣла фіолетовыми пятнами.

Городъ совсѣмъ скрылся въ темнотѣ и тишинѣ, и рѣдкіе огоньки въ немъ указывали на рано замирающую жизнь.

Подошла лодка, и нѣсколько паломниковъ-болгаръ съ узлами въ разноцвѣтныхъ покрышкахъ поднялись на пароходъ и затѣмъ также спустились въ трюмъ, откуда глухо доносилось монотонное пѣніе.

Проходя мимо рубки перваго класса, я и оттуда услышалъ пѣніе: атташе успѣлъ побывать на берегу и вернулся въ сопровожденіи двухъ молодыхъ иностранцевъ одного съ нимъ типа. Они пили вино и подпѣвали шансонетку, мотивъ которой ловко наигрывалъ на пароходномъ піанино одинъ изъ нихъ.

Эти игривые звуки, съ одной стороны, и несмолкавшее пѣніе паломниковъ внизу, были до такой степени чужды другъ другу, что, несмотря на то, что звуки эти возникали почти въ одной плоскости, они какъ-то не сливались вмѣстѣ, а проходили мимо другъ друга; иногда же мнѣ представлялось, что веселые скачущіе звуки піанино падали на тѣ, что звучали внизу и скользили по нимъ, какъ сало скользитъ по поверхности глубокихъ и тихо переливающихся волнъ.

Но вотъ тяжелый и густой ревъ парохода покрылъ тѣ и другіе голоса, и опять заохала и зазвучала машина.

Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ въ трюмѣ все успокоилось, и фигурка молившейся тамъ дѣвушки промелькнула передо мной на палубѣ.

Черезъ полчаса, поднимаясь на спардекъ, я услышалъ слащавый мужской голосъ:

— Нѣтъ, Танечка, тебѣ уже надо забыть теперь о своихъ еретикахъ, потому что они хоть и родители тебѣ, а все-жъ-таки еретики. А ты теперь, Танечка, наша.

Я взглянулъ направо и увидѣлъ на скамейкѣ дѣвушку, а рядомъ съ ней фигуру въ сомнительномъ монашескомъ одѣяніи.

Не знаю, какіе ужъ разговоры происходили у нихъ дальше, только дѣвушка вдругъ поднялась и съ негодованіемъ воскликнула:

— Оставьте меня, пожалуйста!

Мужская фигура заерзала и, согнувшись, скользнула внизъ со спардека. Дѣвушка, взволнованная, не могла сдержать себя, а, можетъ быть, ей просто не хотѣлось, чтобы я истолковалъ происшедшее не въ ея пользу, и сама стала объяснять мнѣ:

— Онъ все время пристаетъ ко мнѣ. Даже выдалъ себя за священника. Я не знала, повѣрила, а онъ сейчасъ вотъ совсѣмъ нетрезвый и такъ... нехорошо...

Она затруднялась разсказать, что еще было нехорошо. По ея не вполнѣ четкому выговору я узналъ нѣмку и отвѣтилъ ей по-нѣмецки. Тогда она разговорилась и, въ концѣ концовъ, откровенно сообщила мнѣ свою исторію.

Она—изъ Прибалтійскаго края, изъ довольно зажиточной семьи; была лютеранка, но теперь приняла православіе.

— Это было не легко... вѣрьте мнѣ... Но видите ли... Ахъ, это ужасно трудно разсказать!..

Однако, она, очевидно, сама мучилась тѣмъ, что сдѣлала и старалась мнѣ все разъяснить такъ, чтобы я понялъ.

Родители ея довольно равнодушны къ религіи. Сама она въ шестомъ классѣ гимназіи, по ея словамъ, совсѣмъ стала атеисткой и перестала ходить въ церковь. Но вотъ она уѣхала изъ дому на югъ Россіи, на мѣсто. Тутъ у нея случилось какое-то горе; она, не зная куда дѣть себя, зашла однажды въ православную церковь.

— Такъ, сама не знаю почему...

И тутъ торжественность ли богослуженія, или что-нибудь еще... такъ на нее подѣйствовали, что она долго рыдала въ церкви и потомъ почувствовала такое облегченіе, точно горя ея совсѣмъ и не бывало.

— Вотъ и все...—закончила она.—Но меня мучитъ, что отецъ и мать этого не знаютъ. Я теперь все молюсь, чтобы они простили меня. Я имъ напишу.

— А давно вы приняли православіе?

— Три мѣсяца.

— И до сихъ поръ не писали?

— Духа не хватало. Вотъ какъ пріѣду, напишу. Теперь я ѣду въ Іерусалимъ. Я буду и тамъ молиться о томъ же. Можетъ быть, они простятъ меня. Я не могла иначе, я повѣрила въ Бога, въ Іисуса Христа... во все... Я не могу вамъ разсказать... но я такъ была благодарна церкви за это, что крестилась... И я не раскаиваюсь...—поспѣшила заявить она.—Увѣряю васъ, что не раскаиваюсь. Вотъ я вижу, какъ молятся и вѣрятъ простые русскіе люди, и мнѣ хочется быть такой же, какъ они...

Меня нѣсколько ошеломила эта исповѣдь. Исторія показалась мнѣ совсѣмъ не такой простой, какъ была разсказана дѣвушкой. Однако, я никакъ не могъ сразу усмотрѣть ея корней: они были скрыты гдѣ-то въ землѣ, въ той самой землѣ, къ которой такъ близки простыя, искреннія сердца.

Море и люди.

На разсвѣтѣ меня разбудилъ отчаянный ревъ парохода. Я потянулся съ койки къ окну, открылъ его, и холодная сырость морского тумана коснулась меня, какъ живая. Стало жутко и тревожно отъ пароходнаго рева и отъ этой сѣрой мути, касающейся тѣла, какъ щупальцами. Я закрылъ окно и закутался въ одѣяло.

Но уснуть мнѣ больше не пришлось. Растерянный ревъ парохода почти не умолкалъ, и мы подвигались медленно; туманъ, обволакивавшій пароходъ, мѣшалъ движенію и тащился за нами вплоть до самаго Бургаса, цѣпляясь за воду и за берегъ, который хотя и долго не проступалъ даже при утреннемъ свѣтѣ, все же близко чувствовался по обилію птицъ, перекликавшихся вокругъ парохода.

Бургасъ остался въ моей памяти, какъ и Варна, довольно блѣднымъ намекомъ на Востокъ, который я люблю за яркость красокъ и за весь его благородный самобытный характеръ. Суровыя Балканы, обступающія Бургасъ съ сѣвера, дохнули на меня печалью огромныхъ могилъ, гдѣ погибло такъ много родного, гдѣ пролилось столько нашей крови, часто черезчуръ дешево цѣнимой во время войнъ.

Среди трюмныхъ пассажировъ-паломниковъ есть старикъ, участвовавшій не въ одной только русско-турецкой войнѣ. Все перепуталось и перемѣшалось въ его большой лысой головѣ, на которую, къ слову сказать, онъ все не можетъ найти подходящую шляпу: малы. Такъ вотъ этотъ старикъ безъ конца, и кстати и некстати,

все разсказываетъ о своемъ участіи въ военныхъ походахъ. И ни злобы, ни горечи не замѣтилъ я въ его разсказахъ: одно недоумѣніе.

— И сколько этого народу пропало на моихъ глазахъ,—счесть нельзя. Въ крови захлебывались. А спроси—зачѣмъ? Неизвѣстно. Былъ я въ плѣну у враговъ, враговъ видѣлъ въ плѣну у насъ,—народъ, какъ народъ. И зачѣмъ дрались другъ съ другомъ—неизвѣстно.

Надо вообще сказать, не воинственъ русскій народъ и незлобивъ. Склонность къ прощенію, забвенію обидъ и покорности—одинъ изъ глубочайшихъ корней его натуры. Впрочемъ, утѣшительнаго, какъ мы видимъ, покуда въ этомъ мало.

Однако, я долженъ сознаться, что здѣсь, на пароходѣ, по пути къ Христу, эта черта трогаетъ и умиляетъ меня. Когда бы я ни спустился ночью въ трюмъ, всегда слышу разговоры о святыхъ мученикахъ, о страстотерпцахъ, покорно переносившихъ всѣ гоненія и злодѣйства и, въ концѣ-концовъ, если не побѣждавшихъ своимъ смиреніемъ самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, то все же, такъ или иначе, вознагражденныхъ за свои мученія свыше.

Блѣдно и жидко свѣтятъ въ огромномъ трюмѣ, набитомъ людьми, электрическія лампочки. Я прохожу мимо мѣшковъ, корзинъ и спящихъ и бодрствующихъ людей къ той кучкѣ, гдѣ сѣдой старикъ, шамкая и то и дѣло утирая слезы, разсказываетъ:

— ... Тутъ царь видитъ, что съ раскаленнымъ оловомъ не вышло, приказалъ привязать святому Ермолаю камень на шею, и бросили его съ тѣмъ камнемъ въ море. А камень-то въ чурбачекъ оборотился. Сѣлъ на него Ермолай и опять къ берегу приплылъ.—Вотъ я,—говоритъ,—берите меня. —Подивился царь, однако, не унялся. Бросьте его, говоритъ, ко львамъ въ пещеру. Бросили того ко львамъ, что ни на есть самымъ злющимъ, въ пещеру. А Ермолай-то закрылъ имъ пасти руками.

Такъ они, львы-то, братцы мои, не токмо что терзать,— руки-ноги стали лизать ему, такъ что царь разсердился и приказалъ тѣхъ львовъ обезглавить.

И говоритъ царь Ермолаю:

— Донялъ ты меня,—говоритъ Ермолай,—измаился я съ тобой. Прикажу я тебя саблей казнить.

Взялъ тутъ палачъ кривую саблю острую, привязалъ святого къ дереву, да ка-а-къ размахнется...

Старикъ полными ужаса глазами взглянулъ на слушавшихъ, и тѣ машинально отразили выраженіе его подвижного морщинистаго лица. Но въ ту же минуту лицо это торжественно просвѣтлѣло и, растягивая слова и обводя всѣхъ радостнымъ взглядомъ, старикъ закончилъ:

— А сабля-то, братцы мои, лычкомъ обернулась вокругъ шеи святого,—вотъ и все...

Онъ залился смѣхомъ, качая изъ стороны въ сторону головой съ жидкими бѣлыми волосами. И всѣ также умиленно и радостно засмѣялись.

— Ишь ты, лычкомъ! Ну и диво!

— Послѣ этого,—опять оборвавъ смѣхъ, добавилъ старикъ внушительно,—кенешно, палачъ-то сразу увѣровалъ. Но тутъ объявился св. Пантелеймонъ Ермолаю и говоритъ ему:

— Ну,—говоритъ,—ты свое дѣло сдѣлалъ: душу обратилъ, теперь, говоритъ, и умереть тебѣ не грѣхъ мученической смертью. Палачъ-то обращенный сперва было не соглашался, да Пантелеймонъ внушилъ ему: такъ, говоритъ, крѣпче дѣло-то. Ну, тотъ понялъ и выполнилъ приказъ: обезглавилъ святого Ермолая.

Слушавшіе покачали головами, однако, повидимому, поняли по-своему и это. Только старый солдатъ съ большой головой спросилъ:

— А царь какъ?

— Послѣ того-то?

— Да.

Разсказчикъ махнулъ рукой:

— У-вѣ-ро-валъ!

Разсказы эти не всегда протекаютъ столь мирно. Такъ какъ на пароходѣ не мало такихъ разсказчиковъ, людей бывалыхъ — тщеславія тутъ не меньше, чѣмъ во всякомъ искусствѣ. И нерѣдко мирное сказаніе вдругъ прерывается со стороны рѣзкимъ окрикомъ ревниваго соперника:

— Чего несешь-то? Чего несешь? Развѣ это съ Пантелеймономъ было?

— А то съ кѣмъ же?

— Съ Георгіемъ-Побѣдоносцемъ, вотъ съ кѣмъ.

— А ты тамъ былъ? Видѣлъ?

— А ты былъ? Видѣлъ?

— Я въ книгѣ читалъ.

— А книгу кто писалъ твою?

— Кто?

— То-то вотъ, кто. Можетъ, она нарочно, по внушенію злого духа написана, чтобы вашего брата путать. Вотъ я, можно сказать, отъ достойнаго человѣка слышалъ: отъ каливита-сиромаха Іеронима.

— Да вѣдь онъ тоже изъ книги знаетъ.

— Книга книгѣ—рознь. Его бѣсъ не проведетъ. Онъ книгу-то наскрозь читаетъ.

Эти пререканія переходятъ часто въ жестокія схватки, и ревнивые соперники не стѣсняются въ средствахъ для взаимнаго униженія. Тутъ вѣра часто колеблется дикимъ вымысломъ, и становится жутко слушать чудовищныя небылицы, фантазіи и предразсудки, которые приплетаются къ религіи и опутываютъ мрачнымъ туманомъ невѣжества и суевѣрія даже Христа, такого свѣтлаго и яснаго для большинства простыхъ людей.

Но это только пѣна, накипающая во время волненія. Успокоится, отстоится,—и опять вы чувствуете глубину человѣческой души, таящей непреоборимую жажду истинной, равной для всѣхъ, правды.

Разсвѣтъ.

Еще съ моря не ушла ночь, но на востокѣ пробивался сквозь тучи день, оттого уже ночь не казалась живой; она качалась на волнахъ, какъ утопленница, съ распустившимися темными волосами, съ безжизненными тусклыми глазами. Бѣлая большая звѣзда маяка мерцала надъ ней вдали, подобно погребальной свѣчѣ, и непріятный холодъ шелъ снизу въ то время, какъ съ неба тянуло лаской и тепломъ.

Наканунѣ я просилъ разбудить меня при входѣ въ Босфоръ, который я видѣлъ много разъ и всегда съ несравнимымъ наслажденіемъ.

Въ окно постучали и какъ бы нѣсколько отсырѣвшій отъ туманной безсонной ночи голосъ возвѣстилъ мнѣ:

— Сейчасъ Босфоръ. Вставайте.

Но я уже умывался. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ на палубѣ.

Ночная темнота успѣла исчезнуть: она утонула, унеслась быстрыми волнами Босфора, но все, кромѣ востока, было еще сѣро, и сѣрые клочья тумана держались за воду, какъ проклятыя тѣни. Несмотря на облачное небо, востокъ казался такъ далеко, что свѣтъ его, золотисто-алый и тонкій, еще не достигъ до насъ, глохнетъ въ тучахъ. Но тамъ тучи уже уступаютъ ему: открываются глубокіе зеленоватые провалы, между ними вспыхиваютъ ихъ края, разбиваются, таютъ. Пронеслись птицы оттуда, бѣлыя птицы, большія и медлительныя. За ними—цѣлая стайка маленькихъ, черныхъ. Неожиданно возникъ громадный парусъ впереди, сѣрый

и тяжелый, на черномъ молчаливомъ баркасѣ, который какъ будто явился, чтобы забрать послѣднихъ призраковъ ночи и исчезнуть съ ними... Но золотой свѣтъ съ востока настигъ его и онъ притворился обыкновеннымъ турецкимъ баркасомъ, на кормѣ котораго стоитъ, поднявъ къ востоку руки, черная тѣнь рулевого. Баркасъ, какъ и мы, идетъ въ Босфоръ.

Узко и извилисто, между высокими великолѣпными берегами, свѣтлѣетъ проливъ. Земля разступилась здѣсь, чтобы принять стремительную стихію и открыть ей съ обѣихъ сторонъ все, что у ней было наиболѣе красиваго и нѣжнаго: цвѣтущія деревья, зеленые ковры травъ, холмы, прекрасные, какъ древніе алтари или памятники, поставленные самой любовью. Все въ первомъ расцвѣтѣ, все еще не успѣвшее ни распуститься какъ слѣдуетъ, ни запылиться и потускнѣть. Даже дома, развалины крѣпостей, мечети и башни—все это единосущно съ природой, все кажется ея твореніями.

Сваливаются тучи на западъ. Оживаетъ все кругомъ и открываются небеса, то зеленоватыя, какъ старая бирюза, то золотыя, какъ само пламя. Изъ мрачныхъ и тяжелыхъ облака преображаются въ легкія и радостныя. Кажется, вотъ-вотъ запоютъ какіе-то стройные ликующіе голоса счастливой весенней жизни, самая вода, позабывшая о туманѣ и мракѣ ночи, свѣтящаяся теперь цѣлой радугой красокъ, зазвучитъ, какъ серебряная арфа.

Пароходъ оставилъ далеко позади себя парусъ и несется впередъ стремительнымъ теченіемъ пролива. Лодки, птицы, дельфины—все кажется одинаково обрадованнымъ этимъ необыкновеннымъ утромъ, все ликуетъ и молится жизни и восходящему солнцу.

Оно уже озолотило сѣрые камни Генуэзскихъ развалинъ и кое-гдѣ упало въ долины, полныя росистой зеленью травъ. Минута,—и лучи его на водѣ догоняютъ

волны, пронизываютъ паруса, заставляютъ блестѣть жирныя спинки перекатывающихся дельфиновъ.

Даже трюмные паломники высыпали наружу. Но среди нихъ не мало и такихъ, которые считаютъ чуть-ли не грѣхомъ любоваться красотою жизни: они нараспѣвъ тянутъ священные стихи, читаютъ по складамъ старыя книги, пахнущія осеннею плѣсенью, не отрываясь отъ наивныхъ первобытныхъ буквъ и титлъ.

Я давно замѣтилъ вотъ этого сѣдого, высохшаго старика съ пронзительными напряженными глазками, которыми онъ искоса смотритъ изъ-за жесткаго низкаго козырька фуражки. И все въ немъ жестко и сухо: и черты лица, и посѣдѣвшіе колкіе усы и борода. Даже складки его платья кажутся жесткими и скупыми.

Онъ всегда сидитъ одинъ и вертитъ быстро-быстро большіе пальцы одинъ вокругъ другого.

Плотно сжатыя губы, сухія и неровныя, какъ устья стараго кошелька скряги, рѣдко раскрываются, чтобы сказать одно-два слова, падающія, какъ плоскія мѣдныя монеты.

Я пробовалъ раньше заговорить съ нимъ, но онъ бросалъ мнѣ вмѣстѣ съ скупыми взглядами изъ-подъ козырька скупыя слова: «не знаю-съ... Очень можетъ быть-съ...» Но на этотъ разъ я съ радостью вижу, что онъ обращается ко мнѣ и, кивая козырькомъ на крутящихся колесомъ, почти у самаго парохода, жирныхъ дельфиновъ, говоритъ что-то.

Я живо отзываюсь на его глухой, скрипучій голосъ. Мнѣ почти совѣстно, что я думалъ о немъ не совсѣмъ хорошо и даже осуждалъ его за то, что онъ, когда на пароходъ приходили что-нибудь продавать въ Варнѣ, въ Бургасѣ, всегда сухо прицѣнивался, но ничего ни разу не купилъ.

— Что вы сказали?—спрашиваю я его, убѣжденный, что онъ растроганъ ласкою этого утра и природы, какъ и все живое.

Онъ опять пронзительнымъ взглядомъ какъ бы прокалываетъ сначала меня, потомъ перевернувшагося плавно дельфина и сухо щелкаетъ устьемъ рта-кошелька:

— Вотъ бы его изъ ружья, да пулей срѣзать-съ.

— Кого?—спрашиваю я, пораженный неожиданностью.

— А вотъ...—онъ на мгновенье бросаетъ вертѣть пальцами и указываетъ на дельфина.

— За что?—вырывается у меня.

— А чтобы не баловался.

И опять защелкивается ротъ-кошелекъ съ заржавленными монетами и опять быстро-быстро вертятся одинъ вокругъ другого большіе пальцы сомкнутыхъ рукъ, какъ будто безпрерывно ткутъ злобную безконечную паутину, и справа налѣво, слѣва направо,—недоброжелательно и неодобрительно шныряютъ сухіе, тоже похожіе на маленькія монетки, зрачки.

Все очарованіе Босфора на минуту меркнетъ предо мною. Становится даже жутко и я спѣшу уйти отъ этого страннаго, несчастнаго человѣка.

Босфоръ.

Мы останавливаемся въ заливчикѣ у восточнаго берега Румели-ковакъ. Я-было хватаюсь за краски, чтобы написать этюдъ, но тутъ же бросаю ихъ. Господи, что за красота!

Въ то время, какъ западный берегъ—Анатоли-ковакъ—весь освѣщенъ солнцемъ и тамъ вспыхиваютъ звѣздами, меркнутъ и вспыхиваютъ рядомъ стекла оконъ, которыя солнце какъ будто провѣряетъ и считаетъ, какъ свои владѣнія, здѣсь на водѣ лежитъ неподвижная тѣнь отъ высокаго, погруженнаго въ свѣжую утреннюю тѣнь берега. Но все проснулось, все дышетъ и ждетъ солнечнаго луча, чтобы откликнуться, какъ тамъ, яркой вспышкой, улыбкой счастья. И Генуэзская крѣпость, и дома съ опущенными жалюзи, которыя сейчасъ кажутся бѣльмами на глазахъ, и бѣлая тонкая башенка мечети, какъ восковая свѣча изъ чугуннаго подсвѣчника, выступающая изъ-за стараго, чернаго кипариса.

Поютъ пѣтухи. Играютъ зори. Наивная нестройность голосовъ и всего утренняго шума волнуетъ дѣтскими воспоминаніями. И мнѣ пока еще смутно, но радостно представляется, что, не будь по пути въ Іерусалимъ этой удивительной красоты, что-то могло бы ускользнуть отъ души тамъ, гдѣ иная природа, гдѣ возникла иная религія, а, значитъ, и иная исторія.

Какъ поразительно соотвѣтствуетъ здѣсь природа не только исторіи, но и характеру мусульманства. Можно подумать, что все это—созданіе единой творческой силы, и самъ народъ, при знакомствѣ съ нимъ, является так-

же живымъ сочетаніемъ и воплощеніемъ этихъ трехъ великихъ силъ.

Весь міръ былъ изумленъ тѣмъ необычайнымъ переворотомъ, который произошелъ въ Турціи. Изумлялись его неожиданности, его почти безшумной техникѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что это и не могло быть иначе тамъ, гдѣ религіозные законы тѣсно связаны съ государственными, гдѣ склонность къ созерцательной жизни удерживаетъ народъ отъ политической авантюры и опрометчивыхъ вспышекъ и гдѣ, такимъ образомъ, историческія событія вызрѣваютъ почти такъ же, какъ земные плоды.

Деспотизмъ отжилъ и упалъ при первомъ же стихійномъ дуновеніи и уже никогда не воскреснетъ. Въ этомъ отношеніи послѣдняя попытка султана оказалась въ высшей степени знаменательной: были мобилизованы всѣ возможности, которыя представлялись Абдулъ-Гамиду цѣнными, и какъ скоро все это кончилось.

Конечно, будутъ ошибки, можетъ быть, даже—несчастья, но если алчная Европа не поспѣшитъ использовать ихъ на пользу себѣ, Турція все переживетъ и создастъ вѣрный и соотвѣтствующій народному духу строй жизни.

Пароходъ нашъ останавливается въ самомъ котлѣ Босфора, гдѣ кипитъ движеніе, подобное которому я видѣлъ только въ заливѣ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ. Весело и радостно смотрѣть на эту освобожденную жизнь, на эти тысячи судовъ, снующихъ во всѣхъ направленіяхъ, какъ безчисленные челноки одной колоссальной невидимой машины, которые ткутъ нити крѣпкой и дружной жизни.

Кажется, птицы, и тѣ помогаютъ этой великой общей работѣ, не говоря о солнцѣ, горячо озаряющемъ все это страстное движеніе и этотъ дивный сказочный городъ, жизнь котораго тянетъ меня къ себѣ почти такъ же, какъ стихія.

Какая это радость просыпаться рано утромъ и видѣть рожденіе дня, почти слышать музыку первыхъ солнечныхъ лучей. Волны, волны! Птицы, птицы! Вѣтеръ, вѣтеръ!

Но какъ все это слабо. Какъ много словъ, которыя внезапно кажутся новыми, получаютъ здѣсь какъ будто новое крещеніе.

Оттого хочется передать свое настроеніе не словами, а подобіемъ словъ, пѣсней дикаря, въ которой больше звуковыхъ сочетаній, чѣмъ логики, и которая, будучи переведена на нашъ языкъ, покажется безсмысленной.

Тутъ, на морѣ, чувствуешь, какой удивительной упругостью и жизнеспособностью обладаетъ человѣческая мысль. Нѣсколько дней вдали отъ земли, нѣсколько дней безъ газетъ, и почти физически ощущаешь, какъ эта мысль освобождается отъ сора, подобно живому источнику, бьетъ все сильнѣе и свѣжѣе; и сливается съ другими источниками, текущими на свободѣ.

На широкихъ сѣрыхъ парусахъ, близко около нашего парохода, проходитъ турецкій бригъ. Сильно, весело и важно несется онъ навстрѣчу солнцу, поднявъ свои высокія мачты, какъ хоругви.

Нѣсколько человѣкъ турокъ въ красныхъ фескахъ, пылающихъ на солнцѣ, какъ макъ, стоятъ на колѣняхъ на ютѣ и молятся на востокъ, поднимая и опуская руки.

— Благословеніе небу! Благословеніе солнцу! Благословеніе Аллаху, создавшему и небо, и море, и солнце!

Сознаюсь, въ эти минуты я забываю о цѣли своего пути, и даже паломники на время становятся мнѣ чужими. Особенно этотъ старикъ, съ большой книгой въ кожаномъ переплетѣ, который все не отрываетъ глазъ отъ славянскихъ титлъ, отъ мрачныхъ страницъ съ красными заставными буквами, гдѣ повѣствуется только о мукахъ, о самоуниженіи, объ умерщвленіи плоти. Зато съ настоящимъ восторгомъ я слышу смѣхъ и голоса дѣтей, играющихъ на палубѣ въ гусей: держа за руба-

шенки другъ друга, бѣгутъ они вереницей, размахивая свободными руками, нескладно припѣвая:

«Гуси-лебеди, домой,
Гуси-лебеди, домой,—
Волкъ за горой!»

Они сразу разсыпаются и, кажется, дѣйствительно, вотъ-вотъ поднимутся и полетятъ, какъ тѣ птицы, которыя нѣтъ-нѣтъ да опускаются къ намъ на палубу, чтобы отдохнуть отъ далекаго пути, а тамъ летѣть и летѣть опять на сѣверъ.

Все это пробуждаетъ во мнѣ смутныя и сладкія волненія, воспоминанія о томъ, чего никогда не было, предчувствія, которыя никогда не сбудутся. Я начинаю ощущать въ себѣ душу бродяги, для котораго слово «родина» теряетъ свое очарованіе; близкіе—всю цѣну. Иногда, какъ будто изъ другого міра, прозвучатъ голоса, тоскующіе и зовущіе, возникнутъ дорогія черты. Но за ними и съ ними—вѣчная боль, вѣчный страхъ утраты,— и отрезвѣвшая, освобожденная душа въ инстинктивной самозащитѣ замыкается отъ нихъ. Душа бродяги, которая лѣчится здѣсь отъ ранъ, неизбѣжныхъ на землѣ, гдѣ сторожитъ и терзаетъ ее предательство и измѣна, счастье и горе, которыя ранятъ, въ сущности, одинаково сильно.

Бродяги.

Среди паломниковъ не мало бродягъ; они тоже направляются въ Іерусалимъ, но для нихъ святыя мѣста не цѣль, а средство. Они, такъ сказать, промышляютъ ими и собираютъ мзду съ довѣрчивыхъ людей на свои странствованія, обѣщая донести до Гроба Господня, или до иной святыни, чужія молитвы, скорби и покаянія.

Маленькій, сухой старичокъ, съ постоянно мигающими глазами, съ рѣденькой сѣдой бородкой, которую онъ нервно крутитъ двумя пальцами, объясняетъ мнѣ это дѣло вполнѣ искренно:

— Видите ли, господинъ, людямъ недосугъ, дѣла, суета всяческая. У иного семья, тамъ, али другое что... Куда тутъ въ этакій путь далекій пускаться. Да и страховито по морю-то. А мы къ этому привычны. Я ужъ, небойсь, въ девятый разъ ѣду въ Іерусалимъ. А про старый Афонъ, Новый Афонъ, Лавру Кіевскую или иныя святыя мѣста и говорить нечего. Можно сказать, лучше ихъ знаю, чѣмъ палка тамошняго слѣпого. Надо и то сказать, не у всякаго достатокъ есть, чтобы самому пойти. А мнѣ—съ голаго по волосу—и то корысть. На дорогу и на пропитаніе—вотъ и довольно. Зато я имъ землицу святую, камешки тамъ, или воду Іорданскую приношу. Другія, особенно бабы, на это горазды,— ядовито прибавляетъ онъ, косясь въ сторону бойкой, сварливой старушонки, которая вездѣ суетъ свой острый носикъ.—Глупостью разной морочатъ людей: тьму египетскую въ пузыречкахъ развозятъ, слезы Богородицы, или тамъ кусочки лѣстницы, которую Іаковъ во снѣ

видѣлъ. (Старушонка при этомъ быстро исчезаетъ, позванивая жестянымъ чайникомъ за спиной).—А я людей не обманываю. Я—чесь-честью. Грѣха на душу не возьму. Зато ужъ какъ весной запахнетъ, не могу усидѣть на мѣстѣ, такъ вотъ и потянетъ меня нивѣсть куда: чѣмъ дальше, тѣмъ душѣ слаще. Шатаюсь, какъ неприкаянный.

— И давно такъ?

— А вотъ, какъ солдатчину отбылъ. Пришелъ въ деревню, тошно мнѣ стало дома-то.—Онъ призадумался немного, потомъ улыбнулся какъ-то застѣнчиво и добавилъ:

— Да, признаться вамъ сказать, я изъ солдатчины-то бѣгалъ раза два. И не то, чтобы притѣсняли меня тамъ, а такъ вотъ... И самъ не знаю почему. Кровь у меня, видно, такая. И на старости лѣтъ угомону нѣтъ ей.

— А вы одинокій?

Онъ нѣсколько замялся.

— Въ родѣ того. Пробовали-было меня женить, какъ изъ солдатъ пришелъ, да толку изъ этого не вышло: и жена не удержала, и отъ жены ушелъ. Какое бабѣ житье съ такимъ шатуномъ, какъ я!

Онъ говорилъ все это мнѣ, и самъ себѣ, видимо, удивлялся и вопросительно поглядывалъ на меня, какъ будто отъ меня ждалъ отвѣта и объясненія. Онъ видѣлъ, что меня не проведешь религіознымъ влеченіемъ, да и не зачѣмъ ему было лгать мнѣ, хотя онъ и стѣснялся своего бродяжества.

Я не разъ встрѣчалъ подобныхъ ему и по россійскимъ дорогамъ и далеко за предѣлами Россіи, встрѣчалъ даже въ Римѣ, откуда они идутъ въ Бари, гдѣ хранятся мощи Чудотворца-Николая. И тамъ я видѣлъ, что ихъ влечетъ не религія, а вотъ, какъ выразился старикъ,—кровь у нихъ такая.

Нельзя сказать, чтобы это были по натурѣ бездѣльники и лѣнтяи, ни къ чему неспособные люди. Наоборотъ, меня часто поражала ихъ неутомимая энергія въ странствованіяхъ, ихъ острая наблюдательность, изощренная множествомъ впечатлѣній и—что почти у всѣхъ—безконечная любовь къ природѣ, доходящая порой до экстаза и замѣняющая имъ религію.

Я замѣтилъ еще, что бродяжество увеличивается во время неурядицъ всякаго рода, а особенно—когда идетъ общественная ломка. Тогда эти «неприкаянные», какъ птицы осенью, встрѣчаются уже не въ одиночку, а цѣлыми стаями, и тогда это явленіе, особенно бросающееся въ глаза у насъ въ Россіи, уже не кажется безсмысленнымъ и зазорнымъ; оно получаетъ не только свое оправданіе, но и какъ бы предназначеніе, не лишенное мистическаго характера.

За ихъ безпокойнымъ движеніемъ и стремленіемъ оторваться отъ родной почвы чуется какой-то инстинктивный страхъ, внушенный безконечностью пустынныхъ полей, глушью лѣсовъ, топью болотъ,—всей этой забытой Господомъ шири, гдѣ гуляютъ дикіе вѣтры, бушуютъ зимнія метели и душитъ дикій произволъ. Пока все это еще не сознано или плохо осознано снизу,—только наиболѣе чуткіе стремятся уйти изъ этого ужаса, чувствуя свое безсиліе. Но какъ только сознаніе зашевелилось и, значитъ, поднялась борьба, за первыми появляются сотни, тысячи другихъ, инстинктивно чующихъ безплодность борьбы, или, въ большинствѣ случаевъ, непригодныхъ для такой борьбы.

Но, какъ птицы или пчелы, перелетающія съ мѣста на мѣсто и переносящія, такимъ образомъ, оплодотворяющую пыльцу, они безсознательно выполняютъ также нѣкую миссію, можетъ быть, творятъ дѣло не менѣе важное, чѣмъ тѣ, что открыто и сознательно жертвуютъ собою въ борьбѣ.

Крупицы истинной, Божьей правды они часто носятъ въ тьмѣ предразсудковъ, суевѣрій и всяческихъ небылицъ, но я бы не рѣшился утверждать, что эта скорлупа совершенно не нужна, даже вредна, какъ соръ, какъ плевелы. Вѣдь и камни храма, и церковная утварь могутъ показаться лишними тому, кто безъ нихъ способенъ постичь идею истиннаго Бога, но милліонамъ людей они долго будутъ необходимы. Земля, со всѣми ея тайнами, является хранилищемъ стихій властныхъ, почти непреоборимыхъ для тѣхъ, кто живетъ ея нѣдрами, чье существованіе и даже судьба находятся въ прямой зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ, люди, имѣющіе постоянно дѣло со стихіей,—будь это вѣтеръ, вода, огонь,—не могутъ не быть суевѣрными. Въ этомъ отношеніи прямымъ подтвержденіемъ служатъ моряки.

Чудо и суевѣріе.

Я не знаю моряка, проплававшаго въ морѣ десятокъ-другой лѣтъ, свободнаго отъ суевѣрій. Во время моихъ продолжительныхъ скитаній по океанамъ я любилъ бесѣдовать съ моряками, и почти у каждаго изъ нихъ находилась чудесная исторія, оставившая неизгладимый таинственный отпечатокъ въ душѣ на всю жизнь.

Капитанъ нашего парохода—вполнѣ интеллигентный человѣкъ, получившій къ тому же свое образованіе въ школѣ моряковъ въ Парижѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имя его облетѣло не только Россію, но и Францію, гдѣ такъ же, какъ у насъ, печатались его портреты и восхвалялось его благородство при спасеніи погибающихъ послѣ пожара и крушенія французовъ. Исторія эта, какъ она была напечатана, однако, ничѣмъ не выдѣляется изъ всѣхъ исторій такого рода, но разсказанная мнѣ лично имъ на пароходѣ, среди этой таинственной и въ своемъ безмолвіи и въ волненіи, граничащимъ нерѣдко съ бунтомъ,—стихіи, подъ яркими звѣздами, свѣтъ которыхъ на морѣ всегда западаетъ въ душу небесными намеками, эта исторія показалась мнѣ также значительной и странной.

Въ октябрѣ 1903 г., командуя пароходомъ р. о. п. и т. „Труворъ“, совершавшимъ персидскій рейсъ, капитанъ В. прочелъ въ одной изъ французскихъ газетъ, случайно захваченныхъ имъ въ одномъ изъ персидскихъ портовъ, сообщеніе о безвѣстно пропавшемъ французскомъ пароходѣ—«Адмиралъ Гвидонъ». Пароходъ,

плававшій между Франціей и Индо-Китаемъ, пятьдесятъ дней находился въ безвѣстности. Указаны были порты, откуда получились послѣднія извѣстія объ этомъ пароходѣ, и затѣмъ онъ пропалъ, и всѣ поиски его были безплодны.

— Это извѣстіе почему-то особенно взволновало меня,—разсказывалъ мнѣ капитанъ.—И не знаю ужъ, что толкнуло меня отойти отъ принятаго курса въ сторону. Собственно, я не имѣлъ даже права этого дѣлать: трата времени, расходъ угля и прочее. Однако, я дѣйствовалъ какъ будто подъ вліяніемъ чьей-то чужой воли. Знаете вы въ Аравійскомъ морѣ мысъ Кар-Tarłak? Ну, такъ вотъ, пройдя этотъ мысъ, мы взяли курсъ направо, и утромъ на другой день я замѣтилъ вдали два бота подъ парусами. Прежде чѣмъ можно было разглядѣть флагъ, я уже почти былъ убѣжденъ, что это то, что тянуло меня къ себѣ. Такъ оно и оказалось.

Миляхъ въ двухъ отъ этихъ ботовъ можно было разглядѣть сигналы о помощи, а затѣмъ и французскій флагъ на мачтѣ.

Была довольно свѣжая зыбь. Боты швыряло изъ стороны въ сторону, и видно было, что люди тамъ устали и плохо справляются съ ними. Скоро мы окончательно убѣдились, что это—пассажиры съ пропавшаго парохода. Ихъ было много; они метались на несчастныхъ, валкихъ, безпалубныхъ судахъ и простирали къ намъ руки.

Когда мы подошли къ нимъ совсѣмъ близко, ихъ радость и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасъ, мольбы и все такое невозможно описать. Я только потомъ понялъ, чего они боялись и, признаюсь, даже пораженъ былъ, когда ко мнѣ обратились оттуда съ вопросомъ, могу ли я принять погибающихъ на пароходъ.

— Ну, да!—вырвалось у меня.—Разумѣется.

Однако, были люди, которые думали иначе. Да, какъ это ни странно, такіе люди нашлись. Два англійскихъ

парохода прошли мимо погибающихъ и не хотѣли имъ подать никакой помощи.

Капитанъ сообщалъ мнѣ факты: одинъ изъ пароходовъ прошелъ мимо и исчезъ, такъ что даже растерявшіеся люди не запомнили его названія, другой, «Афганистанъ», подъ командою капитана Гудозена, даже остановился около одного изъ ботовъ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ дать полный ходъ и оставилъ жалкія суда на гибель.

Когда всѣ бѣдствовавшіе пассажиры были приняты на бортъ «Трувора», обласканы и успокоены тамъ, выяснилась вся трагическая исторія ихъ крушенія.

Пароходъ «Адмиралъ Гвидонъ» шелъ въ нѣсколькихъ десяткахъ миль къ востоку отъ острова Сокоторы; на немъ вспыхнулъ пожаръ. Къ несчастью и ужасу пассажировъ, дулъ сильный муссонъ, и волны бросали пароходъ изъ бездны въ бездну. Команда и экипажъ геройски пытались потушить пожаръ, но это было невозможно. Тогда «Адмиралъ Гвидонъ» на всѣхъ парахъ помчался къ сѣверному берегу Сокоторы. Но пожаръ начался на носовой части, вѣтеръ дулъ навстрѣчу, пламя все увеличивалось, и, наконецъ, на пароходѣ произошелъ взрывъ: рухнули спардекъ, штурманская и капитанская рубки, рулевая и даже вахтенный мостикъ, на которомъ стоялъ капитанъ съ помощниками.

Съ этого началось чудо спасенія ихъ. Послѣ взрыва капитанъ съ помощниками очутились въ огнѣ, но на обломкахъ того же мостика. Инстинктивно хватаясь за что попало, они перебрались по изорваннымъ и частью горѣвшимъ снастямъ на корму парохода, до которой огонь еще не успѣлъ добраться. Тамъ же сбились и пораженные ужасомъ пассажиры. Это былъ одинъ клочокъ, еще не захваченный пламенемъ, но оно уже подбиралось и къ нему.

Однако, капитанъ не переставалъ командовать этимъ все еще движущимся вулканомъ. Мало того, въ машинѣ

съ раскаленными отъ пламени стѣнами по поясъ въ водѣ, среди дыма и огня, продолжали работать кочегары. Вода, враждебная всегда огню, на этотъ разъ шла ему на помощь для гибели людей, и пароходъ сталъ крениться все больше и больше, заливаемый хлеставшими въ него волнами, которыя играли съ нимъ, съ одной стороны, какъ бы мѣшая огню, съ другой стороны—затопляя пароходъ и тѣмъ для его агонію. Изъ всѣхъ средствъ къ спасенію остались всего двѣ небольшихъ шлюпки. Тогда матросы, по приказанію капитана, сколотили два плота.

Этотъ адъ продолжался три дня. Наконецъ, пароходу, вѣрнѣе, горящему остову, удалось достигнуть Аравійскаго берега и выброситься на отмель въ заливъ Хоріа-Моріа. Пассажиры и оставшаяся провизія были кое-какъ доставлены на берегъ. Пароходъ сгорѣлъ. Но и это было не спасеніе. Аравійская пустыня грозила смертью отъ жажды и голода и разбойниковъ. Шли дни за днями; такъ прошло пятнадцать дней. По счастью, въ ближайшемъ мѣстѣ, гдѣ были люди (въ пяти дняхъ пути), въ Мербоа, тѣ узнали о крушеніи, и мербоатскій шейхъ послалъ имъ помощь—въ видѣ трехъ лодокъ для переправы въ Масимтъ. Двѣ изъ этихъ лодокъ и встрѣтилъ «Труворъ». Третья, по словамъ спасенныхъ, отбилась отъ нихъ вотъ уже около двухъ сутокъ.

«Труворъ» не остановился передъ этимъ розыскомъ, и къ вечеру нашли и третій ботъ. Такимъ образомъ, были спасены пятьдесятъ четыре человѣка.

Тутъ бы, кажется, и конецъ этой исторіи, странной и чудесной, трагической и трогательной, исторіи, въ которой такъ поразительно отразились нѣкоторыя коренныя свойства человѣческой натуры. Но судьба, въ которую такъ вѣрятъ моряки, еще не сказала своего послѣдняго слова. Она должна была его сказать, и ждать пришлось недолго.

— Ровно черезъ два мѣсяца послѣ этой исторіи,— сказалъ капитанъ, когда я напомнилъ ему о безчеловѣчномъ поступкѣ англичанъ,—ровно черезъ два мѣсяца пароходъ «Афганистанъ» погибъ у аравійскихъ береговъ вмѣстѣ со своимъ капитаномъ и экипажемъ, наскочивъ на коралловый рифъ. Такимъ образомъ, возмездіе совершилось, поразивъ воображеніе тайной, передъ которой суевѣрно молчитъ умъ моряка.

Я не пробовалъ даже заикнуться о случайности, потому что мнѣ сейчасъ же могли привести еще нѣсколько аналогичныхъ случаевъ и даже указать на гибель греческаго парохода «Parisice», который въ февралѣ нынѣшняго года потопилъ въ Черномъ морѣ пароходъ того же р. о. п. и т. «Святославъ».

Меня же въ этой исторіи поражаетъ другая сторона: та изумительная чуткость, которая возникаетъ у людей, находящихся въ постоянномъ соприкосновеніи со стихіей,—чувство, постепенно утрачиваемое людьми, далекими отъ природы и, можетъ быть, невознаграждаемое никакими культурными благами.

Аѳонъ.

Мы идемъ отъ Константинополя на Аѳонъ вблизи береговъ, на которыхъ вооруженныя крѣпости стоятъ рядомъ съ древнѣйшими развалинами, а мѣстами и самыя развалины скрываютъ въ своихъ камняхъ жерла самоновѣйшихъ пушекъ, ревниво оберегающихъ Дарданеллы.

Городокъ Дарданеллы, гдѣ раньше всегда стоялъ ободранный турецкій флотъ, нынѣ мирно блещетъ бѣлыми стѣнами домиковъ, за которыми идутъ великолѣпные сады, орошаемые рѣкой: рѣка далеко разливается по берегамъ и несетъ съ собою жестокую восточную лихорадку, отъ которой лица желтѣютъ и блекнутъ, а кровь становится отравленной и знойной; тѣло сохнетъ отъ нея, какъ отъ любви, а глаза горятъ, какъ погребальныя свѣчи.

Но когда смотришь на эти ласковые зеленые берега, гдѣ цвѣтущіе сады смѣются подъ солнцемъ отъ великаго материнскаго счастья земли,—кажется, что здѣсь только бы и жить. И какъ идетъ къ нимъ молодой весенній дождичекъ, который то брызнетъ, то остановится, то опять нерѣшительно пойдетъ, какъ будто не знаетъ еще, какъ вести себя и ужасно стѣсняется.

Неподалеку отъ Дарданеллъ Шлиманъ установилъ развалины древней Трои. Я вижу невысокіе курганы, которые носятъ имена Гектора, Аякса, Патрокла, Ахилла. Легенды древности, какъ золотыя вечернія облака, плывутъ надъ этими берегами; или, какъ выразился одинъ мой спутникъ «чувствуется тутъ, что

исторія виситъ надъ тобой». Но синее небо смѣется надъ легендами и исторіей, а капли дождичка изъ набѣжавшей тучки падаютъ на пустыню, гдѣ даже камни прошлаго величія разсыпались въ прахъ.

Вода измѣнила свой цвѣтъ: изъ яшмоваго тона она перешла въ бирюзовый. Мы приближаемся къ Аѳону, и вода становится глубокаго синяго тона, который ослѣпительно подчеркивается кипящей подъ солнцемъ пѣной за кормой.

Небо на закатѣ точно въ золотой пыли. Яркій блескъ струится по волнамъ. Солнце какъ-будто втягивается въ воду. Подъ нимъ вспыхнула золотая полоса, и, побагровѣвъ, солнце опускается на нее, какъ на золотое блюдо. Малиновый кругъ, какъ вѣнчикъ, окружаетъ его въ эти прощальныя мгновенія. Съ закатомъ его все какъ-то сразу тускнѣетъ, и небо, и вода,—остается малиновый столбъ на затемненномъ мглою фонѣ, и онъ скоро тускнѣетъ.

Свѣжѣетъ. Вѣтеръ поднимаетъ легкую рябь. Закутанная теплымъ платкомъ, баба оперлась на бортъ, и, глядя на курчавыя волны, покрывающіяся бѣлыми гребешками, говоритъ:

— Ишь-ты, свинятки кувыркаются въ водѣ.

— Это—волны,—говорю я.

Но она слышала о морскихъ свиньяхъ, какъ называетъ народъ дельфиновъ, и стоитъ на своемъ:

— Какія волны! Чай, я не слѣпая. Глянько, и шерстка бѣлая.

На Аѳонѣ пароходъ оставитъ добрая половина паломниковъ. Большинство—по нуждѣ: у кого одной, у кого двухъ «десятокъ» не хватаетъ, чтобы добраться до Іерусалима. Только священникъ изъ монаховъ, который приставалъ къ дѣвушкѣ-нѣмкѣ, пьяный отъ самой Одессы, несомнѣнно, сходитъ на Аѳонѣ по своей волѣ.

— Туда ему и дорога!—говоритъ бойкій мужичекъ-прибауточникъ.

— То-есть, какъ это ты такъ выражаешься!—строго останавливаетъ его миссіонеръ.—Куда это туда? Ты забылъ, что ли, про какія мѣста говоришь?

— Мѣста-то святыя, да люди пустые,—не задумываясь, отвѣчаетъ онъ.—Бывалъ я на Аѳонѣ, видѣлъ монаховъ и сиромаховъ всякихъ. Н-ну...

Онъ загадочно скашиваетъ глаза и встряхиваетъ видавшей виды головой, напоминающей почему-то перекати-поле, которое осенью гонитъ вѣтеръ по степному бездорожью, по холмамъ и буеракамъ. Онъ и на пароходѣ не можетъ ни минуту посидѣть на мѣстѣ и весь день перекатывается съ трюма на палубу, отъ одной группы къ другой, вездѣ прислушиваясь и вставляя летучія мѣткія словечки.

Скажетъ, и въ сторону. И тутъ онъ уже хотѣлъ увернуться, но миссіонеръ вцѣпился въ него, поднимая, какъ топоръ, свою жесткую бороду.

— Нѣтъ, стой! Ты, коль сказалъ, такъ докажи. Уставъ Аѳонскій, законъ ихъ, ты знаешь?

Онъ все время стоитъ на стражѣ закона и устава; онъ—строжайшій охранитель ихъ и знать не хочетъ ни чего, что за ними. Но его буквоѣдство уже успѣло надоѣсть паломникамъ, хотя они и сохраняютъ еще къ нему внѣшнее почтеніе.

Перекати-поле уклончиво отвѣчаетъ:

— Что тамъ законы да уставы, коль законники лукавы.

И вдругъ, какъ-то сразу обозлившись на этотъ допросъ, а, можетъ быть, и на то, что допрашивающій держитъ его за рукавъ, какъ пойманнаго преступника, онъ разражается цѣлой филиппикой противъ аѳонскихъ монаховъ:

— Тоже, бывалъ я тутъ, видалъ... Законы, законы... Всѣ ихъ законы—кресты да поклоны. Уставъ—одно, а онъ въ окно. Для виду-то и молитва, и постъ, а на дѣлѣ—къ бабѣ подъ хвостъ.

Всѣ такъ и покатились со смѣху при этой отповѣди. Русскій народъ вообще, да и паломники тоже, при всей своей религіозности и боязни ада и чертей, не долюбливаютъ не только монаховъ, но и священниковъ. Тутъ конечно, не мало «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», но есть и еще что-то похожее на отрицаніе посредниковъ между Богомъ и собой, посредниковъ, которые одной стороной примыкаютъ къ Богу, а другой—къ начальству, да и сами часто являются надъ мужикомъ чернымъ начальствомъ.

— Будешь ты за эти слова на томъ свѣтѣ языкомъ горячую сковородку лизать,—пригрозилъ ему миссіонеръ.

— За что же лизать-то, коли это правда! Поспрошайте-ка матросиковъ здѣшнихъ, коли мнѣ не вѣрите; они вамъ такое про аѳонскихъ монаховъ поразскажутъ, что въ ушахъ отъ этихъ разсказовъ черви заведутся.

— Ты постой языкомъ-то вертѣть. Ты вотъ о бабахъ сказалъ, а того не знаешь, что на Аѳонѣ не токмо бабъ, а никакой живности женскаго пола не полагается.

— Вѣрно!—подтвердилъ тотъ.—Говорятъ, что тутъ блохи и то не водятся, а одни блохачи. Только эту штуку очень даже свободно они обходятъ: перво-на-перво имъ всѣмъ поочередно отпускъ даютъ,—то въ Константинополь, то въ Одессу, то въ Салоники. Разъ, этакъ, по десяти въ годъ. Такъ ужъ тутъ только держись, что они продѣлываютъ, и мнѣ самому пришлось видѣть, какъ на пароходѣ, въ коровьемъ стойлѣ, монаха съ бабой накрыли. Это разъ. А второе—что у нихъ промежду собой на Аѳонѣ идетъ—тьфу!.. А то законъ!.. Законъ имъ купаться и то запрещаетъ, чтобы тѣла своего не видѣли и чтобы въ грѣхъ оно не вводило ихъ, а развѣ на дѣлѣ они исполняютъ этотъ законъ? Потомъ, скажемъ, любостяжаніе. Вѣдь у нихъ отъ денегъ сундуки ломятся, а они все попрошайничаютъ, жалобныя письма въ Рос-

сію къ благодѣтелямъ пишутъ. Отъ нищеты даютъ имъ, отъ послѣднихъ крохъ даютъ, а они кому что дали?

— Однако, самъ, небойсь, кормился около нихъ, какъ на Аѳонѣ бывалъ.

— Прокормишься у нихъ, гляди! Они сами изъ тебя норовятъ послѣдніе соки выжать. Съѣшь кусокъ, а выруби лѣсокъ. Я у нихъ такъ отощалъ, что кости какъ въ мѣшкѣ тряслись, а сами они, небойсь, что—вдоль, что поперекъ.

— А ежели на нихъ это благодать Господня?

— Чего и говорить—благодать! Благодать изъ кухни, да изъ кладовки экономичьей. Да о себѣ я ничего не говорю—что я! А вотъ, слыхалъ ли ты, что ежели въ матушкѣ-Россіи бѣдствіе: голодуха ли, война ли,— слыхалъ ли, чтобы они кроху изъ своихъ богатствъ пожертвовали?

Миссіонеръ вскипѣлъ:

— Да развѣ это—ихъ дѣло? Земными благами улещать! Они молятся за тѣхъ, кто бѣдствуетъ—благъ небесныхъ просятъ, а не земныхъ; это подороже будетъ для тѣхъ, кто о душѣ думаетъ, а не о животѣ... Чтобы душу сохранить...

— Вѣрно!—подтвердилъ кое-кто изъ мужиковъ, пораженныхъ этимъ открытіемъ. Но спорщикъ не растерялся.

— Вѣрно! Сжегъ мужикъ гумно, чтобы сохранить зерно. А вотъ они, видно, сами душу-то въ животѣ хранятъ, оттого у нихъ животы и пухнутъ.

Тутъ онъ крякнулъ съ досадой и отошелъ, предоставивъ миссіонеру подвергать свою отсутствующую личность всяческимъ нареканіямъ и обѣщаніямъ адскихъ мукъ.

Несомнѣнно, въ этихъ нападкахъ на аѳонскихъ монаховъ чувствовалось большое личное раздраженіе. Среди монаховъ есть, конечно, люди вполнѣ достойные и, можетъ быть, высокой праведной жизни, но и темныя

событія аѳонской жизни, какъ трупы, выплывающіе на поверхность этого тихаго житейскаго затона, тоже что-нибудь да значатъ. Воровство и даже убійство отъ времени до времени колышатъ смиренную гладь затона и тогда со дна его поднимается всякая падаль и муть.

Я самъ почти не наблюдалъ вблизи аѳонскую жизнь, но на обратномъ пути былъ свидѣтелемъ, какъ нѣсколько аѳонскихъ монаховъ, уже пьяными явившись на пароходъ, здѣсь довершали начатое, а одинъ изъ нихъ допился до того, что свалился гдѣ-то въ трюмѣ и очнулся только на пути въ Константинополь. Впрочемъ, труды послѣдняго кіевскаго духовнаго съѣзда достаточно обнаружили эти монастырскія свойства. Почему бы и Аѳону не имѣть ихъ!

А какая красота и великолѣпіе природы на самомъ Аѳонѣ и вокругъ него! Еще когда нашъ пароходъ только подходилъ къ Аѳону, на меня дохнуло съ его зеленыхъ высотъ благодатной лаской природы и величіемъ покоя горъ. Отъ яркой синевы моря Аѳонъ круто поднимался къ синевѣ неба, гдѣ облака опутали его вершину. И издалека по водѣ доносился оттуда ароматъ цвѣтущихъ деревьевъ и молодыхъ травъ и цвѣтовъ, который какъ бы тяжелилъ самую воду. Нѣжной женственной чистотой вѣетъ отъ этой горы. Недаромъ она считается подъ покровительствомъ Богоматери.

Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ наивная пѣсня о горѣ-Аѳонѣ, начало которой я приводилъ раньше:

Сквозь сумракъ древности глубокой
Я вижу, грѣшный, какъ теперь,
Корабль несется одинокій.
На немъ царя пророка дщерь.
Несется онъ изъ Палестины.
На островъ Критъ его полетъ.
Вдругъ вѣтръ. Волнуются пучины,
Корабль къ Аѳону пристаетъ.

На вопль кумировъ Аполлона
Спѣшатъ Марію всѣ встрѣчать,
И узнаютъ толпы Аѳона
Въ ней Бога истиннаго Мать.
«Сія гора—рекла Царица—
Да будетъ жребіемъ Моимъ.
Отсель простретъ Моя десница
Всегдашній кровъ надъ мѣстомъ симъ».

Я слышу, какъ гнусавыми тягучими голосами тянутъ паломники эту пѣснь, столпившись на носу парохода и не сводя глазъ съ священной горы. Я иду къ нимъ, черезъ узкій корридоръ, мимо кухни, гдѣ поваръ и поваренокъ въ бѣломъ рѣжутъ окровавленную тушу барашка.

Въ самомъ концѣ корридора вижу старшаго помощника, который, вспотѣвъ отъ работы, возится съ цѣлой кучей денежныхъ писемъ и переводовъ.

— Все для Аѳона,—сердито указываетъ онъ мнѣ на эти груды.—Сколько денжищъ туда уходитъ изъ Россіи ежегодно, вы вообразить себѣ не можете! Прямо сотни тысячъ. И не досадно, когда отъ купцовъ, а то отъ бѣдноты... прямо отъ нищихъ. Каждая копеечка на вѣсъ слезъ, а куда—на что все это идетъ!

Онъ подаетъ мнѣ одинъ изъ конвертовъ, запечатанный бурой сургучной печатью, на которомъ невѣроятными каракулями нацарапанъ адресъ, а внизу—«отъ куфарки Стипанидѣ Полубѣсовай».

И мнѣ сразу представляется при видѣ этого конверта глухой уголъ Россіи, гдѣ эта к у ф а р к а всю жизнь копитъ въ тряпицѣ гроши, чтобы послать ихъ аѳонскимъ монахамъ, можетъ быть, въ облегченіе ужаса, который всю жизнь преслѣдуетъ ее въ видѣ этой фамиліи, горшей, чѣмъ иное проклятіе для суевѣрной души.

Въ толпѣ, пахнущей по́томъ, ладаномъ и бѣдностью, одни еще тянутъ стихъ, другіе бесѣдуютъ объ Аѳонѣ.

Пьяненькій монахъ, лукаво сощуривъ свои мутные глаза, обращается ко мнѣ съ ядовитымъ вопросомъ:

— А не скажете ли вы, господинъ, отчего это верхушка Аѳонской святой горы—въ облацѣ?

— Такъ пришлось,—говорю я.

— То-то вотъ, такъ пришлось!—съ укоромъ подхватываетъ онъ и всѣмъ своимъ видомъ приглашаетъ присутствующихъ осудить меня за эту ересь.—Про эдакое чудо такъ оно выражаться немножечко какъ будто не тово!

— Я никакого чуда тутъ не вижу.

Онъ возмущенно всплескиваетъ руками, и я замѣчаю, что другимъ мое отношеніе къ облаку на Аѳонѣ тоже не нравится.

— Такъ... такъ... Нынѣ, дѣйствительно, образованные чудеса отрицаютъ. Вы, можетъ, и чудо съ преподобной Плакидіей отрицаете?

— Какое чудо?

— А такое, что когда Плакидія, жена римскаго императора Константина, прибыла къ монастырю Ватопеду и хотѣла войти,—изъ притвора въ храмъ раздался гласъ громкій:—«зачѣмъ ты сюда? Здѣсь иноки, а ты —жена. Остановись и ни шагу далѣе!» И остановилась Плакидія, пала на помостъ, взмолилась о помилованіи. Въ память этого событія она храмъ здѣсь воздвигла, а на томъ мѣстѣ, гдѣ гласъ былъ слышенъ, повелѣла изобразить ликъ Богоматери: «Живопріятная икона».

Я не возражалъ, тѣмъ болѣе, что никакого отношенія къ облакамъ на Аѳонѣ это событіе не имѣло.

Сундучки, узлы, корзинки выглядываютъ изъ трюма наружу. Вотъ-вотъ, сейчасъ Аѳонъ. Но пароходъ идетъ часъ другой, а все еще не на мѣстѣ. Веселой рябью расходится прозрачная синяя вода, яснѣе опредѣляются крутые, покрытые зеленью, склоны Аѳона. Но пристань

Дафны, гдѣ останавливается пароходъ, еще не видна за поворотомъ.

Странно, какъ мало здѣсь птицъ. И на Аѳонѣ, говорятъ, ихъ тоже немного. Зато соловьевъ!.. Вечеромъ они такъ пѣли, что дрожалъ и звенѣлъ воздухъ и пѣніе ихъ не могли заглушить ни человѣческіе голоса, ни даже грохотъ лебедки.

Вмѣсто птицъ скользятъ вдоль береговъ парусныя лодки, которыя издали, у подножія этой высокой горы, кажутся игрушками, пущенными дѣтьми. Эти лодки развозятъ провизію монахамъ келивотамъ-молчальникамъ, кельи которыхъ повисли на отвѣсахъ, и трудно пробраться къ нимъ и отъ нихъ, такъ что пищу принимаютъ они съ лодокъ при помощи веревокъ.

Среди деревьевъ эти кельи бѣлѣютъ такъ же, какъ паруса среди зеленыхъ волнъ, и, кажется, достаточно хорошенько дунуть вѣтру, чтобы унести ихъ. Мѣстами открываются великолѣпныя долины, гдѣ бѣлѣютъ монастыри, — свѣтлыя зеленыя долины, гдѣ хочется видѣть не ползущихъ, какъ муравьи, черныхъ монаховъ, а дѣтей, веселыхъ, порхающихъ, какъ птицы, смѣющихся дѣтей, которыя перебрасываются цвѣтами на солнцѣ и сами похожи на цвѣты. Но скучныя бѣлыя стѣны монастырей леденятъ эти желанія, а изъ часто поставленныхъ черныхъ оконъ глядитъ безконечная удушливая тоска. И представляется какимъ-то безуміемъ легкая, какъ бѣлый дымъ, звонкая струя водопада, которая мчится съ дикимъ буйствомъ внизъ отъ горной вершины, гдѣ лежитъ вѣчный снѣгъ.

Да что дѣти! Даже звѣрей мало на Аѳонѣ. Только шакалы, жадные шакалы, которые живутъ также среди камней, подобно монахамъ-келивотамъ.

Пароходъ нѣсколько разъ бросаетъ тяжелый ревъ въ горы, и эхо многократно повторяетъ его, точно въ этихъ горахъ великаны невидимо аукаются со всѣхъ сторонъ.

Такая простая и извѣстная вещь эхо, а, между тѣмъ, оно всегда возбуждаетъ нѣсколько суевѣрное чувство, и я понимаю крестьянъ, которые пугливо ежатся при этомъ и крестятся, озираясь на вершину, гдѣ продолжаютъ дышать и дымиться облака, въ то время, какъ два другихъ облачка, круглыхъ и пухлыхъ, какъ головки гигантскихъ одуванчиковъ, стоятъ невдалекѣ и какъ будто ждутъ своей очереди.

Чѣмъ ближе мы къ пристани, тѣмъ чаще монастырскія кельи и купола церквей. Наконецъ, пароходъ заворачиваетъ направо къ бѣлымъ домикамъ съ красными черепичными крышами. Глубочайшая, изогнутая бухта отражаетъ домики и прибрежные камни и покрытую зеленью гору и даже ослика, который идетъ надъ самой кручей по тропинкѣ. Точно черныя мухи, со всѣхъ сторонъ собираются монахи и копошатся на берегу. Пароходъ подходитъ почти къ самому берегу и еще не успѣваетъ остановиться, какъ громадныя лодки, наполненныя все тѣми же черными людьми, спѣшатъ къ намъ одна за другой въ непріятномъ безмолвіи.

Все бородатыя, большія, неподвижныя лица. Подбирая свои черныя рясы, монахи лѣзутъ на пароходъ съ зелеными вѣтками, ракушками, книжками и прочимъ вздоромъ, который тутъ же раздается паломникамъ. Съ ними приходитъ на пароходъ какой-то затхлый панихидный запахъ. Тѣ паломники, что высаживаются на Аѳонѣ, неуклюже спускаются въ лодки со своимъ бѣднымъ багажемъ. Сѣрые и покорные, они сбиваются тамъ въ кучу, точно стадо. При видѣ ихъ, нѣсколько человѣкъ нѣмецкихъ коммивояжеровъ, красномордыхъ, самодовольныхъ и наглыхъ разражаются «вицами» и смѣхомъ. Одинъ изъ коммивояжеровъ, самый толстый и самодовольный, вдругъ заблеялъ, какъ овца, и остальные такъ и покатились со смѣха:

— O, dast ist colossal! Colossal!

Туда же, въ эти лодки, идутъ громадныя бочки капусты, масла и всякой снѣди. Этой снѣди столько, что до самой ночи идетъ выгрузка и черные мрачные люди снуютъ взадъ-впередъ, нагружая и разгружая свои тяжелыя суда, насквозь пропахнувшія капустой и масломъ, какъ сырые погреба.

На берегу зажигается костеръ. Около сильно разгорѣвшагося пламени шевелятся все тѣ же черныя фигуры. Все больше и больше ихъ появляется и на пароходѣ, и къ нимъ съ какою-то подозрительной жадностью бросаются паломницы-бабенки за книжками, ракушками, «рогальнымъ» маслицемъ... И сами они все больше чернѣютъ въ углахъ, шепчась съ бабами. Ядовито шелестятъ ихъ черныя рясы и шаркаютъ большіе сапоги,—въ то время, какъ соловьи страстно навинчиваютъ въ воздухѣ огненныя спирали знойныхъ звуковъ, отъ которыхъ какъ-то острѣе и воспаленнѣе свѣтятся въ благоухающемъ мракѣ огни монастырскихъ келій. На этомъ восьмидесятиверстномъ пространствѣ въ эту ночь десятки тысячъ такихъ черныхъ людей томятся жаждой счастья, которую не смирить никакой молитвой, не уничтожить никакимъ постомъ. И становится жалко и обидно за человѣка, не нашедшаго въ жизни ничего, кромѣ самоуничтоженія и уничиженія для борьбы съ тѣмъ, что онъ считаетъ грѣхомъ.

Мнѣ почти страшно глядѣть въ темнотѣ на эту гору, которая крутымъ и плоскимъ силуэтомъ рисуется въ лунномъ сумракѣ. Ароматъ травъ и цвѣтовъ, смѣшиваясь съ ночной влажностью, становится тяжелъ для дыханія. Тѣнь упала на воду отъ горы и ее прорѣзаетъ огонь уже догорающаго костра, который кажется въ темнотѣ живымъ золотымъ цвѣткомъ, опустившимъ дрожащій стебель въ воду.

Я ушелъ съ палубы на пустой мостикъ. Послѣ береговыхъ и пароходныхъ огней и свѣта, мнѣ здѣсь показалось совсѣмъ темно, но тѣмъ ярче въ глаза запроси-

лись звѣзды. Внизу спало стадо овецъ, такихъ же молчаливыхъ и покорныхъ, какъ тѣ люди, что слѣзли здѣсь.

Я вспомнилъ нѣмецкій «вицъ» коммивояжера и почувствовалъ горькую обиду за эту бѣдную сѣрую толпу, ищущую Бога, правды и милосердія въ называемыхъ святыми мѣстахъ, въ то время, какъ ихъ безхитростныя сердца поятъ эту правду своей собственной кровью и слезами.

Олимпъ!

Послѣ Аѳона, который, несмотря на всю свою красоту, оставляетъ нѣсколько удушливое впечатлѣніе, дикая красота Олимпа, обнаженнаго до самой вершины, въ это удивительное яркое утро является величественной и строгой.

Въ такое утро, какъ сегодня, Аѳонъ и Олимпъ отлично видны другъ другу. Два міра, столь далекіе и враждебные. Но снѣга холодной сѣдиной покрыли вершину Олимпа и всѣ морщины его. Голы и мертвы кажутся издали каменистые склоны. Умеръ, умеръ великій Панъ!

Я вижу, какъ сѣрая толпа паломниковъ смотритъ на эту гору, а широкобородый миссіонеръ что-то насмѣшливо объясняетъ имъ и толстымъ пальцемъ указываетъ на эту одинокую и прекрасную гору. Его внимательно слушаютъ, покачивая головами. Кое-кто съ отвращеніемъ плюнулъ, узнавъ, какія дѣла творились на этой горѣ, и какія особы на ней обитали.

Я долго не могъ отвести глазъ отъ Олимпа. Онъ весь на виду, легкій, несмотря на всю свою громадность, и хотя пароходная машина сильно и торопливо работаетъ, и волны, клокоча, разбѣгаются длинной рябью, кажется, что Олимпъ заворожилъ насъ: мы бьемся на одномъ мѣстѣ и все никакъ не можемъ уйти отъ него.

Поразительный закатъ. Море за кормой, все оранжевое, необыкновенно спокойное. Среди оранжевыхъ трепетаній голубыя пятна. Лазурь и золото подъ малиновымъ небомъ съ фіолетовыми облаками.

Огромнаго роста, плечистый, русобородый человѣкъ стоитъ спиной къ морю и оскорбляетъ меня не меньше, чѣмъ если бы онъ стоялъ спиной къ алтарю, гдѣ совершается великое таинство. Этотъ богатырь давно меня интересуетъ: въ его лицѣ и, особенно, въ глазахъ есть что-то, внушающее жуткость и... жалость. Маленькіе, красные, мучительные глаза! Или этотъ человѣкъ пьетъ запоемъ, или глаза его воспалены отъ горя, котораго нельзя выплакать. Но тогда какъ онъ можетъ отворачиваться отъ этой красоты, въ которой столько божественнаго покоя!

— Посмотрите, что тамъ дѣлается!—указывая я ему на предвечернее волшебство.

Онъ застѣнчиво оглядывается, но тотчасъ же отворачивается.

— Трудно мнѣ это.

— Что трудно?

— Да вотъ на воду смотрѣть.

— Почему?

Онъ не сразу отвѣчаетъ; черная тѣнь проходитъ по его бородатому лицу.

— Нехорошо мнѣ дѣлается.

Немножко помолчалъ и вздохнулъ.

— Еще теперь, слава Богу, лучше, а прежде прямо непереносно было. Особенно когда луна убываетъ. Когда прибыль луны—легче, а на убыли—страшно было.

Мнѣ неловко разспрашивать дальше, но онъ самъ мало-по-малу разсказываетъ мнѣ свою исторію. Ѣдетъ съ Оби, изъ Барнаульскаго округа, въ Іерусалимъ по обѣту. Торговецъ. Далъ обѣтъ послѣ двухъ страшныхъ испытаній, которыя послала ему судьба.

Первое: нѣсколько лѣтъ тому назадъ его укусила бѣшеная собака. Онъ прижегъ укушенное мѣсто каленымъ желѣзомъ, полилъ деревяннымъ масломъ и жегъ опять. Не помогло, и вотъ онъ изъ Барнаульскаго округа поѣхалъ въ Самару для прививки. Тамъ сдѣлали ему двѣнадцать прививокъ и велѣли ходить двѣнадцать часовъ подрядъ.

— Увидалъ я себя тогда нечаянно въ зеркало и задрожалъ: голова опущенная, шея опухшая, какъ бревно, глаза, кровью налитые.—Ежели,—говоритъ докторъ,—опухоль спадетъ за эту ходьбу, есть надежда на выздоровленіе.

Замѣтилъ,—спала немножко опухоль. Полегчало. Тутъ я далъ первый обѣтъ мой Богу. Только не могъ я этого обѣта вскорѣ выполнить, оттого, вѣрно, и не сподобилъ Господь совсѣмъ вылѣчиться. Вода, вотъ, безпокоитъ меня; дыма не могу видѣть, а пуще всего—зеркала. Сейчасъ меня мутить начинаетъ.

Онъ покосился на легкій дымокъ моей папиросы, но я моментально швырнулъ ее за бортъ. Онъ глубоко передохнулъ и продолжалъ:

— Второй обѣтъ я далъ во время холеры. Холера нонче у насъ была. Ну, докторовъ и въ поминѣ въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ, а у меня кромѣ мануфактуры всякой и аптекарскій товаръ въ лавкѣ имѣется. Сталъ я лѣчить народъ скипидаромъ, на красномъ перцѣ настоянномъ. Челдоны сперва было чурались, лѣчились сами шепотомъ, да заговоромъ, а потомъ пошли ко мнѣ. Жена мнѣ въ этомъ дѣлѣ помогала. Глядь, и она заболѣла. Ну, тутъ ужъ я взмолился ко Господу и далъ второй обѣтъ. Выздоровѣла. Я бросилъ всѣ дѣла и пошелъ.

Онъ сразу оборвалъ свою рѣчь и опустилъ на грудь голову.

Когда онъ снова поднялъ ее, широкое бородатое лицо сразу какъ будто просвѣтлѣло и изъ красныхъ вос-

паленныхъ глазъ лились умиленныя слезы. Понизивъ голосъ, онъ сказалъ:

— Можетъ, Господь снизойдетъ къ грѣхамъ моимъ, ослобонитъ меня отъ послѣдняго недуга.

Пароходъ входитъ въ Солунскій заливъ.

На синемъ фонѣ горы Кисса Салоники кажутся фарфоровымъ городомъ. Весна здѣсь сіяетъ своимъ первымъ расцвѣтомъ и съ парохода городъ производитъ впечатлѣніе молодости и радости. Къ борту парохода подходитъ большая лодка съ пассажирами-турками, главнымъ образомъ, военными, и кого-то привѣтствуютъ съ сдержаннымъ восторгомъ, и только тутъ обнаруживается, что на пароходѣ съ нами въ Салоники прибылъ одинъ изъ знаменитыхъ младо-турецкихъ вождей, тотъ самый, который вызвался отъ имени салоникскаго младо-турецкаго комитета объявить султану требованіе конституціи. Онъ шелъ почти на вѣрную смерть, на пытку, и возвратился съ побѣдой, и его друзья толпятся на набережной, чтобы достойно его привѣтствовать.

Съ нимъ красавица-жена, которая безъ обычнаго вуаля проходила иногда по пароходу. Но сейчасъ ее невидно. Онъ одинъ встрѣчаетъ и обнимаетъ своихъ друзей, одинъ садится съ ними въ большую лодку, а она украдкой спускается въ другую. И въ то время, какъ толпа на берегу восторженно привѣтствовала его апплодисментами и криками, женщина въ черной чадрѣ съ маленькой бѣлой шлюпки жадно слѣдила въ отдаленіи за этимъ тріумфомъ. Она то поднималась, то опускалась въ волненіи, между тѣмъ, какъ ея повелитель, стоя въ лодкѣ, красивымъ покойнымъ жестомъ прикладывалъ руку ко лбу и къ груди. А когда, по мановенію его руки, толпа замолкла, онъ сказалъ нѣсколько словъ пріятнымъ мягкимъ голосомъ, послѣ которыхъ еще сильнѣе былъ взрывъ народнаго восторга.

Онъ высокъ, красивъ. У него — черные молодые усы и манеры, полныя достоинства и восточной мягкости. И, однако, это—человѣкъ безумной отваги и желѣзной воли. Мой константинопольскій знакомый, хорошо знающій его, добавлялъ мнѣ при этомъ, что у него душа Марата и, если исторія потребуетъ, онъ ко всѣмъ своимъ качествамъ прибавитъ кровавую черту—жестокость.

Я сажусь въ трамвай, который мчитъ меня по великолѣпной набережной вплоть до самой окраины города, гдѣ сіяютъ на солнцѣ бѣлыя дачи. Одна изъ этихъ дачъ—темница Абдулъ-Гамида.

Точно осыпанныя снѣгомъ, стоятъ фруктовыя деревья, то въ бѣломъ, то въ розовомъ цвѣту. Цвѣты на улицѣ, цвѣты въ рукахъ у женщинъ и даже на осликахъ, которые везутъ ободранныя кровавыя туши барашковъ, распластанныхъ на деревянныхъ доскахъ, прикрѣпленныхъ по бокамъ ослика.

Салоники—городъ, по преимуществу, еврейскій, но и на евреяхъ отражается тотъ живописный восточный колоритъ, который, конечно, идетъ отъ самой природы. Женщины-еврейки одѣты въ яркіе восточные цвѣта, среди которыхъ особенно бросается въ глаза зеленый цвѣтъ; костюмы ихъ и уборы остались тѣ же, что были въ древности, и лица ихъ совсѣмъ иного типа, чѣмъ у нашихъ евреекъ.

На базарѣ—груды рыбы. Грязно и смрадно. Но поразительно живописно. И какихъ только рыбъ и морскихъ чудищъ нѣтъ въ этихъ громадныхъ корзинкахъ! Отливы рыбьей чешуи отъ серебристаго тона до оранжеваго; мѣстами рыба еще бьется и трепещетъ, а на днѣ корзины шевелятъ жадными липкими щупальцами спруты.

Другой базаръ—старый, крытый деревянными досками. Сквозь щели досокъ падаютъ солнечные лучи и яркими пятнами освѣщаютъ пестрыя ткани и яркіе костюмы еврейскихъ женщинъ.

Отсюда городъ поднимается вверхъ, туда, гдѣ въ древности стоялъ акрополь и семибашенный замокъ, а теперь остались однѣ развалины.

Пара лошадей везетъ насъ по грязнымъ закоулкамъ, мимо мечети Эски-Джаму, нѣкогда—храма Термейской Венеры. Вардарскія ворота—тріумфальная арка Октавіана Августа. Колонны и арки, связанныя съ именемъ Константина Великаго. Остатки этихъ древностей то-и-дѣло попадаются на пути, какъ обрывки великолѣпной книги, на которыхъ остались окаменѣлыя письмена исторіи, свидѣтельствующія о былой красотѣ и величіи, возникшемъ изъ крови и въ крови потонувшемъ.

Здѣсь Θеодосій Великій казнилъ 7,000 солунскихъ гражданъ и здѣсь же родились Кириллъ и Меθодій, а апостолъ Павелъ проповѣдывалъ христіанство.

Что такое? Неужели это кровь, цѣлый ручей крови льется навстрѣчу? Но спутникъ мой весело смѣется надъ моимъ испугомъ; дѣло гораздо невиннѣе и проще: въ ближайшей лавочкѣ перекрашиваются старыя фески.

Но какая убійственная нищета тутъ, на высотѣ, откуда удивительный видъ на городъ. Лачуги, похожія на собачьи конуры, и люди, напоминающіе загнанныхъ животныхъ. Старая-старая арабка съ бородой, которая пробилась на ея лицѣ, какъ мохъ и трава пробиваются на древнихъ камняхъ, протягиваетъ за подаяніемъ руку, похожую на черный сучекъ высохшаго дерева, и только дѣти, маленькія, ничего не вѣдающія дѣти, пускаютъ щепочки по теченію краснаго ручейка, который я принялъ за кровь. Жалкое впечатлѣніе производятъ на меня развалины крѣпостей. Противъ кого онѣ построены? Противъ враговъ? Гдѣ же враги и гдѣ тѣ, что съ страшными усиліями воздвигали ихъ?

Съ этой вышины крыши домовъ, сбѣгающихъ далеко внизъ, къ самому морю, представляются такъ тѣсно прижавшимися одна къ другой, что, кажется, по нимъ можно спуститься внизъ, переходя съ одной на другую.

Среди нихъ минареты мечетей и купола и колокольни церквей вырываются вверхъ, какъ будто имъ душно въ этой тѣснотѣ. Христіанскій крестъ и мусульманскій полумѣсяцъ одинаково освѣщаются солнцемъ и кажущаяся бездна между этими двумя символами отсюда представляется пустымъ недоразумѣніемъ, выдумкой.

Море внизу блеститъ, какъ синій шелкъ, а движущіеся паруса и пароходы на немъ—не болѣе, какъ вытканные искусной рукой узоры. Бѣлые голуби летаютъ надо мною, и когда, слѣдя за ними, я поднимаю голову отъ синевы моря къ синей безднѣ неба, у меня начинаетъ сладко кружиться голова.

Лошади спускаются внизъ.

Узкія извилины улицъ, изрытая дорога и крутизна... Лошади упруго вытягиваютъ ноги, напрягаютъ грудь и пружинятъ все тѣло, чтобы сдержать накатывающуюся на нихъ коляску, которая вздрагиваетъ при каждомъ ихъ движеніи впередъ. Съ большимъ трудомъ мы одолѣваемъ этотъ спускъ и подъѣзжаемъ, наконецъ, къ дверямъ старой мечети, гдѣ заключенъ прахъ Дмитрія Солунскаго.

Въ прохладѣ, пустотѣ и тишинѣ старыхъ церквей, будь это христіанскій храмъ или мусульманская мечеть, есть всегда что-то умиротворяющее. И послѣ жаркаго солнечнаго воздуха, взбудораженнаго шумомъ и криками жизни, здѣсь какъ будто погружаешься въ глубокій бассейнъ со свѣжей водой.

Старый мулла, съ лицомъ пророка и съ глазами отъявленнаго плута, приближается къ намъ, и послѣ всякихъ церемоній ведетъ насъ куда-то мимо древнихъ стѣнъ съ остатками византійской мозаики, мимо темнокрасныхъ колоннъ, поддерживающихъ куполъ. Мы влѣзаемъ за нимъ сквозь узкую дверь въ подобіе пещеры, гдѣ лежитъ на землѣ пожелтѣлая каменная плита. Это и есть могила Дмитрія Солунскаго. Вѣчныя лампады освѣщаютъ эту могилу, но мулла зажигаетъ еще свѣчи

и вручаетъ ихъ намъ; а самъ съ важнымъ видомъ и восточной медлительностью начинаетъ продѣлывать что-то возлѣ могилы.

На камнѣ бросается, прежде всего, въ глаза трещина, гдѣ поблескиваютъ мѣдныя и серебряныя монетки. Мы прибавляемъ къ нимъ нѣсколько нашихъ піастровъ и уже хотимъ итти, но мулла останавливаетъ насъ.

Онъ смѣрилъ камень шерстяной ниточкой и вручаетъ ее моему спутнику съ какимъ-то серьезнымъ внушеніемъ. Затѣмъ лѣзетъ подъ камень, достаетъ оттуда щепотку земли, завертываетъ ее весьма бережно въ бумажку и также вручаетъ намъ.

Мой спутникъ, понимающій по-турецки, улыбается. Однако, даетъ мелочь муллѣ.

Когда мы выходимъ изъ мечети, сопровождаемые важными напутствіями муллы, мой спутникъ разражается веселымъ смѣхомъ.

— Ахъ, шарлатанъ! Ахъ, мошенникъ!—выпаливаетъ онъ по адресу муллы.—Знаете ли, что значитъ эта ниточка и земля? Вотъ, слушайте: если женщина безплодна, ей достаточно выпить воды, настоенной на этой землѣ, и она забеременѣетъ. А чтобы родить благополучно и даже безъ особой боли, ей достаточно перевязать талію этой ниточкой.

— Такъ, такъ!—еще веселѣй рѣшаетъ онъ при взглядѣ на первую встрѣчную женщину, которая по странной случайности оказывается беременной.—Очевидно, чудодѣйственная земля здѣсь въ большомъ ходу.

Когда коляска наша снова трогается, къ мечети подходятъ наши паломники. Они еще далеко отъ дверей мечети нерѣшительно берутся за шапки, но не знаютъ хорошо, снимать имъ шапки, или нѣтъ: съ одной стороны—мечеть, а съ другой—бывшая христіанская церковь, да еще съ могилой Дмитрія Солунскаго.

Ихъ проводникъ—миссіонеръ. Онъ и у самыхъ дверей не трогается за шапку. Значитъ, не надо снимать.

Они мнутся, переглядываются, но, въ концѣ концовъ, снимаютъ.

Вечеромъ на пароходѣ я узнаю, что они всѣ оказываются съ землей и ниточкой.

Старый старикъ съ громадной лысой головой, и тотъ имѣетъ нитку и землю.

— Тебѣ-то зачѣмъ, дѣдъ?—спрашиваю я его.—Развѣ ты женатъ?

— Какое тамъ! Бобыль былъ,бобылемъ и умру.

— Такъ зачѣмъ же тебѣ эти штуки?

— А какъ же... Мало ли у насъ по деревнямъ бабъ пропадаетъ отъ родовъ. Я это не о себѣ, а для міра... Тоже у иной и дѣтей не бываетъ... Землица-то святая поможетъ. Все для міра.

Ночью я проснулся отъ легкаго толчка. Пароходъ содрогнулся, и я сразу догадался, что спустили якорь. Въ то же время бѣшеные крики раздавались со всѣхъ сторонъ: кричали лодочники, обступившіе пароходъ. Пришли въ Смирну.

Въ иллюминаторѣ видны были яркіе огни порта; множество огней, которые сіяли и звали, какъ на праздникъ. Огни дрожали и шевелились на водѣ, на судахъ и шлюпкахъ, которыя только и отмѣчались этими безпокойными огоньками.

По водѣ, изъ открытыхъ на набережной кафе, доносилась музыка, и я снова уснулъ подъ эти легкіе, мелодичные звуки, которые издали казались очень пріятны.

Я не въ первый разъ въ Смирнѣ, но каждый разъ испытываю удивительное очарованіе этого прекраснаго города, существованіе котораго извѣстно было за цѣлое тысячелѣтіе до Р. Х. Десятки разъ онъ погибалъ и возникалъ снова. Его разрушило во II вѣкѣ ужасное землетрясеніе, которое затѣмъ повторилось еще пять разъ. Тамерланъ, этотъ Наполеонъ Востока, опустошилъ и

сжегъ его до основанія, но жизнь никогда не умираетъ тамъ, гдѣ цвѣтетъ красота природы, и Смирна выростала вновь.

Гезіодъ, Анакреонъ, Геродотъ, Пифагоръ, Анаксагоръ, Пракситель—родились или въ Смирнѣ,или въ ея цвѣтущихъ окрестностяхъ. И среди этихъ именъ, какъ солнце, сіяетъ имя Гомера. Я съ особеннымъ чувствомъ погрузилъ свои руки въ струи рѣки Молеса, связанной съ именемъ Гомера.

Языческая красота—языческія пѣсни!

Онѣ исчезли вмѣстѣ съ языческими богами. Ни новый Гомеръ, ни Пракситель не воскресли на этихъ берегахъ. Древнія легенды о гордыхъ временахъ язычества, подобно мшистой травѣ, облекаютъ руины, за которыми стоятъ тысячелѣтія. Да, и здѣсь исчезли языческіе боги, боги Олимпа, и все нивеллирующее христіанство разрушило статуи и храмы языческихъ боговъ, которые такъ шли къ этой природѣ, какъ будто они выросли здѣсь, подобно великолѣпнымъ лаврамъ, померанцамъ и кипарисамъ. Магометанство было снисходительнѣе. Оно воспользовалось древними христіанскими церквами и приспособило ихъ для мечетей.

Горы, окружающія Смирну, безжизненны и голы, зато смирнскія долины—сплошной садъ. Здѣсь какъ бы символизируется христіанство, стремящееся въ высь, и язычество, связанное съ землею. О, конечно, язычество варварски грубо и къ нему нѣтъ уже возврата. Но можно ли жителямъ Востока привить истинное христіанство? Какъ хотите, несмотря на всѣ усилія миссіонеровъ, мнѣ трудно связать эту простую, великую, ясную и бѣдную религію хотя бы съ природой Индіи, полной феерическаго величія и великолѣпія. Во всякой религіи есть творческое начало, которое трудно оторвать отъ природы, и мнѣ кажется, что природѣ Востока больше соотвѣтствуетъ тонкій полумѣсяцъ, чѣмъ великолѣпный крестъ.

Съ этими еретическими мыслями я вернулся на пароходъ, послѣ дивной прогулки по Смирнѣ и ея ближайшимъ окрестностямъ.

Почти весь экипажъ былъ въ городѣ. Послѣ Аѳона трюмъ также значительно опустѣлъ, однако всѣ почти паломники сбились тамъ въ кучу.

И въ то время, какъ весь городъ и портъ, подъ луннымъ свѣтомъ, полные огней, муки и весенняго ночного трепета, опьяняли и дразнили таинственными сказками, въ глубинѣ трюма, во тракѣ и смрадѣ, паломники съ страстной жадностью слушали завѣтъ Іоанна Богослова. Голосъ чтеца, котораго я не видѣлъ за сотней сгрудившихся тѣлъ и головъ, читалъ внушительно и напряженно:

«Ангелу церкви Смирнскія напиши: такъ глаголетъ первый и послѣдній, иже бысть мертвъ и се живъ есть»...

«Не бойся ничесоже, я же имѣше пострадати... Буди вѣренъ даже до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота».

И опять мнѣ вспомнились катакомбы и первые христіане. Мнѣ стало даже жутко и, какъ это ни странно,— какъ-то неловко за свои еретическія мысли, съ которыми я вернуся сюда изъ Смирны. Какое дѣло было этимъ темнымъ, дѣтски простымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно загадочнымъ для меня людямъ до той погибшей красоты, о которой невольно вздохнулъ я тамъ, наверху! Правды, высокой, смиренной, сошедшей съ Креста и окропленной мученической кровью правды жаждали ихъ бездонныя, неразбуженныя души.

И тутъ же, вспоминая мученика Піонія, распятаго въ Смирнѣ, они съ сладостными слезами повторяли его предсмертныя слова:

«Мы не говоримъ, чтобы все, что мы видимъ нашими тѣлесными очами, не было прекрасно; мы не ненавидимъ творенія Божьяго, но есть міръ иной, невидимый, который превосходитъ красотою все нами видимое».

Подавленный, я вышелъ опять на палубу. Ночь сіяла все тѣмъ же сказочнымъ великолѣпіемъ. Первое, что я увидѣлъ, была яхта милліонера-американца, на которой онъ совершалъ кругосвѣтное плаваніе. Я видѣлъ ее еще въ Константинополѣ, любовался ея удивительнымъ изяществомъ и, признаюсь, страшно завидовалъ американцу.

Легко и гордо уходила она изъ Смирны къ новымъ берегамъ, къ новой красотѣ природы, подъ новыя звѣзды. Южный Крестъ будетъ качаться надъ ней въ Индійскомъ океанѣ, и серебряныя летающія рыбки, какъ стрѣлки, проноситься около ея сильныхъ бортовъ.

Снизу глухо донеслось пѣніе:

«Господи, помилуй! Господи, помилуй!».

И вдругъ, зависть моя,—я почувствовалъ это такъ ясно,—пропала, и новый непонятный холодокъ прошелъ по всему тѣлу. Я было сдѣлалъ шагъ внизъ, къ нимъ но что-то остановило меня.

На палубѣ играютъ дѣти.

Въ лѣтнее солнечное утро имъ такъ хорошо бѣгать и даже кататься по этимъ чистымъ, вымытымъ, точно отполированнымъ доскамъ. Ихъ смѣхъ и голоса звенятъ весело, какъ синія струйки воды, съ стекляннымъ звономъ разбивающіяся у бортовъ парохода. Отецъ и мать изрѣдка останавливаютъ дѣтей, когда тѣ очень расшалятся. Совсѣмъ особенная грустная нѣжность и снисходительность къ дѣтскимъ шалостямъ убѣждаетъ меня, что это—евреи, прежде, чѣмъ я слышу ихъ разговоръ и внимательно всматриваюсь въ ихъ лица.

— Какъ славно здѣсь дѣтямъ!—говорю я.

— Ну, да,—отвѣчаетъ мать.—Такая чудная погода, точно дома сидишь.

— Э, что дома!—возражаетъ отецъ.—Можно ли сравнить? Да и что значитъ «дома»? Развѣ мы были когда-нибудь дома? Вотъ теперь, Богъ дастъ, будемъ дома.

Мать съ грустнымъ вздохомъ поводитъ бровями и робко говоритъ:

— Ну, ужъ ты... Намъ совсѣмъ не такъ плохо жилось въ Вильно.

— Не такъ плохо. Намъ совсѣмъ-таки хорошо жилось, но я говорю—мы не были дома. Никогда не были дома!—съ удареніемъ повторяетъ онъ и тутъ же съ грустной ироніей поджимаетъ губы.—Но это, однако, вовсе не значитъ, чтобы мы были въ гостяхъ. Совсѣмъ-таки нѣтъ, потому что всѣ евреи въ Россіи и не дома и не въ гостяхъ.

— А вы ѣдете въ Палестину?—догадываюсь я.

— Ну, да... Мы ѣдемъ домой,—не безъ гордости говоритъ онъ.—Они,—онъ указываетъ на жену и дѣтей,—они ѣдутъ домой въ первый разъ, а я уже былъ тамъ. Я два года прожилъ въ Палестинѣ, прежде чѣмъ рѣшиться повезти туда семью. Два года учился тамъ въ агрономической школѣ и обрабатывалъ родную землю вотъ этими руками. Теперь я знаю, куда я ѣду, что тамъ ждетъ меня.

Жена опять украдкой вздыхаетъ. Но онъ съ улыбающейся бодростью и увѣренностью подмигиваетъ мнѣ на нее.

— Женщины! Женщины всегда желаютъ и боятся всего новаго, до тѣхъ поръ, пока сами за это новое не уцѣпятся. Ну, конечно, не такъ легко бросать свое теплое мѣсто, но, вѣдь, я не изъ-за своей шкуры бросилъ его; о, моей шкурѣ было совсѣмъ-таки хорошо!

Онъ занималъ мѣсто завѣдующаго благотворительнымъ еврейскимъ домомъ въ Вильно и получалъ очень порядочное жалованье, и пользовался общимъ уваженіемъ и даже почтеніемъ со стороны начальства. Но мысль о томъ, что онъ все-таки не дома, что вокругъ его единомышленники унижены и каждый день, каждый часъ дрожатъ за свою шкуру, отравляла его благополучіе мучительной горечью, и онъ рѣшилъ, наконецъ,

скорѣе зарабатывать свой хлѣбъ болѣе тяжкимъ трудомъ на своей землѣ, чѣмъ дѣлить горькое униженіе со своими гонимыми и презираемыми соплеменниками.

Средства у него самыя ограниченныя, но есть надежда на палестинскій земельный банкъ.

— Все будетъ хорошо. Все будетъ хорошо,—съ твердой увѣренностью говоритъ онъ, глядя на жену.—Мы еще молоды и сумѣемъ завоевать землю. Хлѣбъ и виноградъ будутъ нашими сообщниками. Мы будемъ какъ побѣдители, и подъ нашими ногами заблещутъ ковры, какихъ не имѣетъ ни одинъ король въ мірѣ: ковры изъ пшеницы и виноградныхъ листьевъ. Э-хе-хе!..—засмѣялся онъ, растроганный своими надеждами.—А наши дѣти! Никто не посмѣетъ сказать имъ, что они проклятое Богомъ племя. Никто. Потому что трудъ на землѣ даетъ благословеніе неба... Да, да, трудъ на землѣ даетъ благословеніе неба... Да, да, вотъ оно что.

Онъ съ волненіемъ умолкаетъ, ловитъ подвернувшагося подъ руку мальчика своего и гладитъ его головку успѣвшими загрубѣть на трудной работѣ руками.

Я вижу слезы на глазахъ его жены, но это—свѣтлыя слезы. Чтобы дать свободу ихъ прекрасному порыву, я ухожу съ палубы, искренно пожелавъ имъ самаго полнаго осуществленія ихъ надеждъ.

И, удивительно, съ какой ясностью я теперь вижу, что эта еврейская семья близка по духу православнымъ паломникамъ. Развѣ не такой же паломникъ этотъ еврей, бросающій насиженное и обогрѣтое гнѣздо ради пріобщенія себя къ чистой, безупречной жизни, къ сліянію съ священной землей, у которой онъ собственными руками долженъ вырвать изъ камней тайну новаго бытія, новыхъ свѣтлыхъ душевныхъ переживаній?

Кромѣ этой семьи, есть на пароходѣ и еще нѣсколько евреевъ, главнымъ образомъ, молодежь. Они также ѣдутъ въ еврейскія колоніи, ѣдутъ только со своими надеждами и со своими собственными руками, жаждущими работы.

Среди нихъ есть одинъ, который уже прожилъ въ палестинскихъ колоніяхъ цѣлый годъ. Онъ довольно внушительно охлаждаетъ пылъ своихъ спутниковъ разсказами о тяжеломъ трудѣ, ожидающемъ ихъ, о человѣческой алчности и нерѣдко—жестокости, съ которой относятся къ новымъ работникамъ хозяева. Они не въ правѣ будутъ роптать, если увидятъ на мѣстѣ, какъ хозяева-евреи нерѣдко предпочитаютъ брать въ качествѣ работника туземца, араба, человѣка, способнаго довольствоваться малымъ, чѣмъ своего брата-еврея, съ которымъ волей-неволей приходится церемониться.

Но всѣ эти обстоятельства, однако, не помѣшали ему самому вернуться въ Палестину, хотя въ Россіи представлялось болѣе выгодное дѣло. Нѣтъ, нѣтъ. Кто разъ, и два, и три встрѣтилъ солнце за работой на землѣ, кто видѣлъ, какъ эта земля сильными зелеными побѣгами выбрасываетъ наружу зерна, тотъ не уйдетъ отъ нея никогда къ другому дѣлу.

До сихъ поръ насъ не оставляютъ эти великія блага: солнце, тепло и тишина.

Даже голоса на пароходѣ въ этой тишинѣ пріобрѣтаютъ легкость и прозрачность и такими же легкими и прозрачными кажутся попутные острова, которые одновременно какъ будто приближаются къ намъ.

Островъ Хіосъ. Сѣро-пепельные склоны. Въ котловинѣ горъ—городокъ съ красными крошечными крышами, съ мельницами-вѣтрянками, парусныя крылья которыхъ машутъ и манятъ насъ издали. Старыя крѣпостныя стѣны, уцѣлѣвшія и послѣ землетрясенія и войны, какъ остатки древняго скелета, торчатъ надъ водою изъ оранжевой и изумрудной травы и садовъ.

Мачты рыбачьихъ и парусныхъ судовъ въ гавани ребятъ въ воздухѣ, точно стрѣлы изъ колчана. Къ намъ мчатся лодки, нагруженныя мандаринами, апельсинами,

отъ которыхъ еще издали несется ароматъ. Или это пахнетъ съ острова, который сейчасъ увидятъ всѣ? Какъ далеко и чуждо около этихъ береговъ звучатъ унылыя священныя пѣсни паломниковъ!

Я только на минуту бросаю взглядъ на противоположный берегъ: тамъ грудой бѣлѣющихъ камней разбросанъ городокъ Чесма, гдѣ нѣкогда погибъ турецкій флотъ. Унылое паломническое пѣніе какъ будто звучитъ теперь ближе: у него нерасторжимая, вѣчная связь со смертью.

Утромъ мы приходимъ въ Родосъ, и опять то же золотое впечатлѣніе, которое остается въ воспоминаніи, какъ пѣснь сказочной древности.—Острова, острова... Горы, покрытыя снѣгами тамъ, гдѣ бѣлѣютъ облака, такъ что часто нельзя разобрать, гдѣ кончается снѣгъ и гдѣ начинаются облака.

Патмосъ.

Близко проходятъ сѣрые паруса рыбачьихъ судовъ и ловцовъ губокъ. Пароходъ нашъ выходитъ изъ водъ Архипелага и вступаетъ въ Средиземное море.

Мы держимъ курсъ на Мерсину. Миляхъ въ сорока отъ Мерсины я случайно взглядываю въ иллюминаторъ и ахаю отъ изумленія: синей воды какъ не бывало; пароходъ нашъ рѣжетъ желтую муть. Я выбѣгаю на палубу, и все сразу объясняется: здѣсь впадаетъ въ море рѣка Каликоднусъ, какъ называлась она въ древности, а нынче—Шіу-Су. Поразительно видѣть эту широкую, мутно-желтую ленту среди глубокой сини, которая отчеркиваетъ рѣку съ обѣихъ сторонъ сильными, яркими полосами.

Паломники, конечно, видятъ чудо и здѣсь. Сколько я ни старался объяснить, почему воды не сливаются такъ, какъ бы хотѣлось паломникамъ, они не желаютъ и слушать: имъ пріятнѣе чудо. Здѣсь они почти склонны видѣть грань новаго мѣста, грань, положенную Самимъ Господомъ Богомъ.

По Килійскому берегу, тоже съ парохода, видны развалины древности: колонны, остатки амфитеатра, акведуковъ и храмовъ. Странно видѣть возлѣ нихъ бѣдныя деревушки. Сторожевыя башни крестоносцевъ возвышаются надъ ними, какъ великаны, стерегущіе чужія стада. Прошлое стоитъ надъ настоящимъ, но и въ своемъ разрушеніи оно величественнѣе этихъ нищенскихъ безнадежныхъ лачугъ.

Имена этихъ великановъ: Помпеіополисъ, Петрополисъ, Аспера.

Мерсина.

Мы подходимъ къ Мерсинѣ.

Съ мостика бодро раздается голосъ капитана:

— Лѣво якорь пойдетъ.

— Такъ держать.

— Такъ держать.

— Стопоритъ.

— Есть стопоритъ.

Звенитъ телеграфъ, и машина сразу перестаетъ стучать.

— Какъ ходъ?

— Пять съ четвертью.

— Такъ держать.

— Есть.

Прекрасный городокъ, полный покоя, цвѣтовъ и зелени у подножья голубыхъ горъ, такъ мирно улыбается намъ, что если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что черезъ какой-нибудь мѣсяцъ тутъ, у подножья лиловатыхъ горъ, въ прозрачной водѣ станутъ всплывать трупы изувѣченныхъ, растерзанныхъ во время чудовищной бойни армянъ, я бы счелъ это безумнымъ бредомъ. Но религія въ рукахъ деспотовъ всегда превращается въ окровавленное оружіе, хотя бы душой ея были сами Милосердіе, Кротость и Любовь.

Лодочники-арабы съ дикими криками осаждаютъ нашъ пароходъ, хватаютъ меня за руки и дѣлаютъ видъ, что желаютъ разорвать на части, чтобы каждому досталось что-нибудь. Но у меня есть защитникъ: студентъ московскаго университета, кровный арабъ, блондинъ, что, впрочемъ, вовсе не чудо.

Онъ бросаетъ имъ нѣсколько словъ и моментально охлаждаетъ ихъ рвеніе. Къ тому же, за нимъ пріѣхалъ его пріятель, высокій, мощный Абдала, бывшій кавасъ, съ которымъ они дружески облобызались. Одного жеста этого человѣка оказалось достаточно, чтобы лодочники почтительно разступились передъ нами. Абдала пользуется среди нихъ огромнымъ уваженіемъ за свою поразительную отвагу и неподкупность. Когда въ Мерсину былъ назначенъ призванный турецкимъ правительствомъ архимандритъ изъ арабовъ, чтобы примирить двѣ враждующія церкви, арабскую и греческую, греки хотѣли подкупить каваса, чтобы отравить архимандрита, а когда онъ съ отвращеніемъ отвернулся, предлагали ему большія деньги, чтобы онъ хоть отказался отъ его защиты, но и это не удалось, и, такимъ образомъ, архимандритъ былъ спасенъ.

Мы садимся съ арабомъ въ лодку, и гребцы съ пѣсней везутъ насъ къ берегу.

— Что они поютъ?—спрашиваю я, заинтересованый новымъ для меня страстнымъ мотивомъ.

Студентъ вслушивается и съ улыбкой переводитъ мнѣ строку за строкой:

«Гдѣ та, которая своимъ изяществомъ
Меня истощила?
У нея черныя очи,
Взглядъ которыхъ поразитъ тебя,
И если ихъ сіянье падетъ на льва,
Оно и сердце льва заставитъ истечь кровью».

— Неужели это—народная пѣсня?—спрашиваю я изумленно.

— У насъ всѣ пѣсни народныя, хотя бы онѣ были сочинены самимъ пророкомъ!—съ гордостью отвѣчаетъ арабъ.—И чѣмъ изысканнѣе и прекраснѣе пѣснь, тѣмъ скорѣе она становится народнымъ достояніемъ. Видите ли, въ древности поэты устраивали состязаніе въ пѣс-

нях, и пѣснь побѣдителя вырѣзывалась на стѣнахъ города; поэтому называется такая пѣсня «моалляки», что значитъ «вывѣшенная».

«Нашаратъ саляса завайбенъ
Менъ шагриха фи лайла»,

Поетъ арабъ новую пѣсню, въ то время, какъ другіе тихо подтягиваютъ ему, а волны аккомпанируютъ хрустальнымъ плескомъ.

«Распустила три косы свои
И сразу показала мнѣ четыре ночи.
Обернулась лицомъ къ лунѣ,
И я увидѣлъ сразу луну и солнце».

Эти языческія пѣсни плѣняютъ меня. Въ маленькихъ короткихъ строчкахъ мнѣ открывается уголокъ новой для меня души.

— Христіане ли эти лодочники?—спрашиваю я.

— Да, они христіане. Здѣсь очень усердно работаютъ миссіонеры. Нѣтъ уголка, куда бы ни проникали миссіонеры, особенно англійскіе, но эти—христіане древніе.

Миссіонерамъ еще никого не удалось окрестить здѣсь.

Я вспоминаю эти слова на обратномъ пути, когда съ нами въ Мерсину идетъ красавецъ англичанинъ-миссіонеръ, почти юноша, съ такой же красивой молодой женой. И еще разъ вспоминаю я эти слова, когда черезъ нѣсколько дней послѣ того читаю телеграмму, извѣщавшую, что этотъ юноша звѣрски убитъ толпой во время все той же чудовищной армянской рѣзни въ этихъ мѣстахъ.

Но теперь мы съ легкой душой, обласканной красотою земли, блуждаемъ по маленькой Мерсинѣ до самаго вечера. Сады, сады, сады кругомъ! Ручьи вьются, шуршатъ и плещутъ въ травѣ, и это обиліе воды даетъ землѣ удивительную силу плодородія.

Здѣсь нашъ капитанъ купилъ клочекъ земли, нѣсколько больше десятины, всего за 800 рублей, и мечтаетъ о томъ времени, когда въ состояніи будетъ удалиться сюда на покой и заняться садоводствомъ и земледѣліемъ. Къ тому времени, несомнѣнно, въ Мерсинѣ будетъ портъ и желѣзная дорога, которая соединитъ этотъ живой городокъ, еще такъ недавно бывшій простой рыбачьей деревушкой, съ Аданой, Тарсисомъ и Константинополемъ.

Мы заходимъ попутно въ маленькія арабскія и греческія церкви, мимо которыхъ важно идутъ верблюды, нагруженные товарами; покупаемъ табакъ, финики, разныя восточныя сладости. Меня соблазняютъ кусты розъ, растущихъ за маленькой оградой. Спутникъ мой ведетъ меня туда, и къ намъ выходитъ черная женщина, которая, послѣ обычныхъ привѣтствій, срываетъ розы и подаетъ ихъ мнѣ.

Когда я опускаю руку въ карманъ, чтобы заплатить за цвѣты, мой спутникъ почти съ ужасомъ останавливаетъ меня: деньги оскорбятъ хозяйку. Къ тому же это —жена мѣстнаго народнаго учителя.

Она любезно предлагаетъ намъ кофе, но я и безъ того смущенъ и ея вниманіемъ, и своимъ незнаніемъ восточныхъ обычаевъ. Я прошу передать ей мою благодарность и мы опять идемъ блуждать по городу.

Въ одномъ изъ открытыхъ кабачковъ я вижу нашихъ паломниковъ, и среди нихъ нашего миссіонера-начетчика. Здѣсь онъ пьетъ, пьетъ до того, что его, мертвецки пьянаго, приносятъ на пароходъ, а на другой день онъ всѣхъ увѣряетъ, что нехристи подсыпали ему въ вино какое-то зелье.

Мы возвращаемся домой, когда небо горитъ звѣздами, и въ ожерельяхъ изъ огней, похожихъ на звѣзды, сіяютъ мечети по случаю праздника.

Пока мы разгуливали по окрестностямъ Мерсины, поднялся вѣтерокъ и развелъ въ морѣ порядочную зыбь, но это не мѣшаетъ арабамъ-лодочникамъ пѣть свои пѣсни,

и эти пѣсни какъ-то особенно идутъ къ пышной благоухающей красотѣ восточной ночи.

Одинъ поетъ, другой отвѣчаетъ:

«Признаки любви не могутъ скрыться ни отъ кого,
Какъ тотъ, кто носитъ флаконъ духовъ, не скроетъ ихъ запахъ,
О, вы, сонмы влюбленныхъ, скажите мнѣ,
Что дѣлать влюбленному въ пылу страсти его?»

И другой голосъ отвѣчаетъ:

«Пусть взлелѣетъ свою любовь и скроетъ свою тайну,
И пусть будетъ покорнымъ во всемъ».

И опять вступаетъ первый голосъ:

«Я все это давно зналъ, но горе въ томъ,
Что не могу я скрыть свою тайну,
А потому передайте ей въ послѣднiй разъ,
Что я ее люблю и умираю».

Пароходъ нашъ издали сверкаетъ огнями, и огни отражаются въ плещущей водѣ змѣистыми извивами. Мнѣ становится какъ-то грустно разставаться съ Мерсиной, съ пѣвцами-лодочниками, и я еще прошу ихъ спѣть мнѣ одну, послѣднюю пѣсню.

Они бросаютъ весла и, покачиваясь, поютъ подъ плескъ волнъ томительными гортанными голосами:

«Если бы она пошла по тернистому полю,
Терніи подъ ея ногами обратились бы въ свѣтлую зеленую траву.
Если бы она плюнула въ соленое море,
Оно обратилось бы въ медовыя соты,

Если бы она случайно прошла мимо кельи от-
шельника,
Онъ забылъ бы и книгу, и келью и пошелъ
бы за ней.
О, ты, пребывающая въ моемъ сердцѣ!
Ѣду-ли, стою-ли на мѣстѣ,
Будь сострадательна къ моему сердцу,
Которое ушло съ тобой въ хаадашѣ»*).

Александретта.

На другой день, рано утромъ, послѣ двѣнадцати-часового пути, мы приходимъ въ Александретту, замѣчательную, главнымъ образомъ, тѣмъ, что этотъ городокъ основанъ Александромъ Великимъ.

Растительность здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ въ Мерсинѣ, такъ какъ воды тутъ еще больше, чѣмъ тамъ.

О, слишкомъ много воды! Земля не въ состояніи впитать ее въ себя, а солнце, которое такъ знойно палитъ здѣсь, не въ силахъ ее высушить, и она гніетъ среди камышей и болотныхъ травъ, заражая воздухъ убійственной маляріей.

Меня поразили испитыя лица здѣшнихъ арабовъ и ихъ зловѣщіе глаза: это малярія пьетъ изъ нихъ кровь и зажигаетъ сухимъ блескомъ расширенные зрачки. Даже пальмы, которыя здѣсь высоки и прекрасны, кажутся по временамъ погребальными перьями на пышномъ катафалкѣ.

Мы завтракаемъ у американскаго консула-грека. Кромѣ насъ, еще гость,—капитанъ американскаго парохода, который вотъ уже около года находится въ плаваніи, страшно тоскуетъ по своей семьѣ, по женѣ и ребенку, и съ какой-то жадностью хватаетъ на руки малютку сына консула, съ изумленіемъ таращущаго глаза на красное обвѣтренное лицо моряка.

Послѣ завтрака консулъ любезно угощаетъ насъ граммофономъ. Ужасный инструментъ извергаетъ такіе оглушительные звуки, что у меня трещитъ барабанная перепонка. Но наивный восточный хозяинъ не унимается:

улыбаясь во весь ротъ, онъ заводитъ и заводитъ свою адскую машину. Затѣмъ онъ показываетъ и другія достопримѣчательности свои: ружье, превращающееся въ палку, изъ котораго онъ на глазахъ у меня убиваетъ мгновенно весело щебетавшую птичку, и прочія, не менѣе «прекрасныя» вещи.

Онъ страшно доволенъ собой, своимъ городомъ и даже, кажется, лихорадкой. Онъ съ восторгомъ разсказываетъ, какъ однажды, вернувшись вечеромъ домой, увидѣлъ на лампѣ висящую змѣю.

— О, змѣй здѣсь такъ много, что изъ нихъ можно плести сѣти!—говоритъ онъ съ восхищеніемъ, послѣ чего я нѣсколько теряю охоту гулять среди болотъ, украшенныхъ цвѣтущими олеандрами, пальмами и тысячами великолѣпныхъ деревьевъ.

Признаюсь, я пожалѣлъ время, потраченное у гостепріимнаго консула, пока наши паломники успѣли побывать у часовни, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, гдѣ, по увѣренію миссіонера, успѣвшаго проспаться за эту ночь, китъ выбросилъ Іону.

Анатолія за нами. Отсюда начинается Сирія.

Мани-Факелъ-Фересъ.

Темно-красная занавѣска моего каютнаго окна свѣтится золотистой рябью: восходитъ солнце.

Я просыпаюсь сразу, какъ бываетъ всегда послѣ крѣпкаго, здороваго сна. Пароходъ, очевидно, стоитъ. Вмѣсто глуховатаго, равномѣрнаго стука машины доносится твердый трескъ лебедки и тотъ безпокойный людской шумъ, который всегда поднимается на пароходѣ при каждой остановкѣ въ порту.

Мы—въ сирiйскомъ Триполи. Спѣшно одѣваюсь. Выхожу на палубу только-что вымытую и въ первую минуту закрываю глаза отъ этого ослѣпительнаго свѣта, который хлынулъ на меня вмѣстѣ съ запахомъ апельсинныхъ деревьевъ и дикихъ благоухающихъ травъ. За опущенными вѣками я чувствую трепетанiе оранжевыхъ, голубыхъ, серебристыхъ огоньковъ, въ то время какъ грудь глубоко и страстно вбираетъ въ себя свѣжiй весеннiй утреннiй воздухъ.

Да, восходитъ солнце. Оно встаетъ изъ-за снѣжныхъ горъ Ливана, которыя кажутся розовыми, какъ будто такъ же покрыты сплошнымъ цвѣтомъ, какъ эти апельсинныя рощи, гдѣ живыми веселыми пятнами пестрѣютъ три города, объединенные однимъ именемъ. Легкiе бѣлые минареты, какъ стрѣлки, поднимаются изъ-за полукруглыхъ куполовъ мечети, изогнутыхъ подобно луку, и синiй дымокъ, смѣшиваясь съ парами земли, стелется надъ этой свѣтлой равниной, гдѣ когда-то цвѣла пышная Финикiя, лилась кровь мусульманъ и крестоносцевъ, отъ которой розовѣла рѣка Эль-Кадишъ. Но нынѣшнiя апельсинныя рощи не хотятъ знать о далекихъ кровавыхъ

битвахъ; онѣ такъ наивно чисты и веселы при восходѣ солнца, и такъ чисты и прекрасны вершины Ливанскихъ горъ, что хочется кого-то благодарить за эту красоту и ясность.

«На восходѣ солнца молятся птицы и цвѣты;
На восходѣ солнца роса поднимается къ небу;
На восходѣ солнца,
Вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ, ароматомъ цвѣтовъ
И дыханіемъ росы
Скорѣе доходитъ къ Богу молитва—
На восходѣ солнца».

Такъ поется арабская пѣсня, и я вижу ея живую иллюстрацію на ютѣ, гдѣ на пестромъ коврѣ стоятъ на колѣняхъ въ одинъ рядъ три мусульманина—багдадскіе купцы.

Матросы, волоча тяжелый канатъ, осторожно обходятъ молящихся, и когда сонный, гунявый, вѣчно почесывающійся мужикъ-богомолецъ съ глупой улыбкой указываетъ имъ, тыча пальцами въ сторону мусульманъ, матросы безцеремонно выталкиваютъ его съ юта.

Это въ первый разъ я замѣтилъ со стороны русскаго мужика неделикатное отношеніе къ чужой религіи. Самое бо̀льшее, что проявлялось въ этихъ случаяхъ къ иновѣрцамъ, это—сожалѣніе.

— Вѣдь вотъ,—говоритъ мнѣ старикъ изъ Самарской губерніи,—сколько народу пропасть должно!

Онъ съ сокрушеніемъ киваетъ на черныхъ арабовъ-лодочниковъ и на этотъ цвѣтущій берегъ, гдѣ живутъ такіе же черные люди, и вздыхаетъ о нихъ.

— Почему же пропасть?

— А какже! Въ нашего Бога не вѣруютъ. Тутъ молись-ни-молись своему Богу, дѣлу не поможешь. Да и слыхано ли, чтобы такихъ черномордыхъ да въ царство небесное пустили? Чистые чиганашки, прости Господи! Ихъ, небойсь, и святой водой не отмоешь.

Тяжелая барка съ дровами плыветъ мимо черныхъ островковъ на большомъ, лѣнивомъ парусѣ. Эти островки, скорѣе—отмели, пусты и безплодны. На одномъ изъ нихъ нѣсколько десятковъ лѣтъ росла пальма, одинокая пальма, надъ моремъ, Богъ вѣсть, какъ занесенная сюда. Она придавала трогательное очарованіе этимъ голымъ клочкамъ земли, но страшная буря недавно сломала ее, и островки сразу осиротѣли, какъ-будто потеряли послѣднюю надежду на радость жизни.

Мы стоимъ около Триполи недолго и далеко отъ берега. Нечего и думать о томъ, чтобы осмотрѣть Триполи. Меня утѣшаютъ тѣмъ, что я не найду здѣсь ничего такого, чего не встрѣтилъ бы въ другихъ восточныхъ городахъ.

— Прощайте!—слышу я знакомый голосъ.

Арабъ-студентъ протягиваетъ мнѣ руку. Здѣсь его родина. Онъ проведетъ все лѣто среди близкихъ людей и природы, которая взрастила его и о которой онъ тосковалъ всю зиму.

Уже лодка съ знакомыми арабами приняла его вещи, и черные люди нетерпѣливо кричатъ ему на родномъ языкѣ и машутъ руками. Онъ имъ откликается и черезъ минуту быстро спускается по трапу и машетъ мнѣ фуражкой уже изъ лодки.

Синій дымокъ, лежащій надъ городомъ, таетъ. Выше поднимается солнце, отчетливѣе опредѣляются контуры. Отходитъ пароходъ, и почему-то только въ эту минуту мнѣ бросаются въ глаза громадное старинное зданіе въ среднемъ городѣ и мрачная, круглая башня нѣсколько въ сторонѣ отъ него. И то, и другое зданія такъ не похожи на всѣ остальныя сооруженія. Сразу видно, что они принадлежатъ другому міру: сильнымъ древнимъ людямъ и вѣкамъ.

Это—старая крѣпость и башня львовъ. Но нынѣшніе люди превратили старую крѣпость въ тюрьму, а черныя

впадины башни львовъ, какъ провалы въ черепѣ, зіяютъ пустотой и мракомъ.

Долго провожаютъ насъ синія горы съ ослѣпительно бѣлѣющимъ на солнцѣ снѣгомъ, въ то время какъ голубой покой и тишина все глубже и глубже втягиваютъ насъ въ морскую даль.

Въ трюмѣ паломники сгрудились около чтеца, который медленно и монотонно тянетъ евангельскія строки. Воздухъ спертый и душный: сыро и полутемно, а, между тѣмъ, какъ шли бы къ этимъ евангельскимъ строкамъ тихая, кроткая, безконечная морская синь и этотъ трепещущій отъ солнца воздухъ. Но вотъ, поди-жъ ты, какъ только дѣло коснется молитвы или даже просто чтенія священныхъ книгъ, православные паломники непремѣнно забираются подъ низкіе своды, въ сумракъ, въ берлогу. А мусульмане, наоборотъ, разстилаютъ свои пестрые коврики во время молитвъ на открытой палубѣ, благословляя солнце, напоминающее имъ о свѣтозарномъ Богѣ, подъ яснымъ небомъ благословляющемъ ихъ молитву.

И опять на восходѣ солнца новый городъ: ярко-красочный, солнечный Бейрутъ. Онъ поднимается отъ самаго моря на взгорье въ томъ великолѣпномъ восточномъ безпорядкѣ, отъ котораго весело становится глазамъ и сердцу. Тепло и сильно среди бѣлыхъ камней смѣются красныя кровли, точно жаровни, полныя раскаленныхъ углей. Шумъ портовой и городской жизни такъ идетъ къ этому городу, точно это голосъ его пестрыхъ, одинъ на другомъ громоздящихся, камней.

Бейрутъ—истинный городъ шумливаго, торговаго, приморскаго Востока.

Почти тотчасъ за нимъ начинается другой Востокъ, таинственный и важный, величаво-печальный и дикій, полный руинъ, таящихъ въ себѣ вѣчную скорбь нищеты

и запустѣнія, отъ котораго вѣетъ холодомъ библейскихъ преданій и ужасомъ тяготѣющаго проклятія.

Но среди этого запустѣнія, скорби и рыдающаго отчаянія, которое слышится изъ развалинъ древнихъ камней, все ближе и нѣжнѣе звучитъ имя Христа, точно неумирающій источникъ пробился изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ этой земли и возвѣстилъ о новой жизни, о спасеніи міра, гнушающагося земной пышностью и великолѣпіемъ.

Недаромъ рѣка Нахаръ-Эль-Кельбъ отрѣзала когда-то Іерусалимское королевство отъ графства Триполисъ, какъ бы знаменуя границу двухъ разныхъ міровъ.

Среди массы неподвижныхъ и движущихся судовъ мы медленно, осторожно и удивительно ловко подходимъ почти къ самой набережной. Десятки лодокъ съ сумасшедшимъ гамомъ бросаются къ пароходу, и арабы съ разъяренными лицами, толкая и сбивая другъ-друга, врываются на пароходъ. Но матросы съ ружьями внушительными криками охлаждаютъ ихъ пылъ, и тѣ, по-звѣриному скаля зубы, ежатся, хищными глазами слѣдятъ за пассажирами, выискивая жертвъ.

Не далѣе, какъ въ прошломъ году на борту нашего парохода разыгралась цѣлая трагедія: арабы-лодочники бросились на палубу, силой захватывая багажъ пассажировъ вмѣстѣ съ первыми попавшимися дѣтьми, которыхъ они тащили въ лодки, несмотря на ихъ отчаянные вопли и крики ихъ отцовъ и матерей. Матросы и экипажъ бросились на помощь; тогда арабы пустили въ ходъ ножи и даже ранили старшаго помощника. Съ другой стороны схватились за револьверы; въ концѣ-концовъ съ обѣихъ сторонъ—кровь и стоны. При первыхъ же выстрѣлахъ арабы струсили и, захвативъ своихъ раненыхъ, бросились къ лодкамъ.

— Смотрите, это мстительный народъ,—предупреждали меня, когда я рѣшилъ отправиться въ городъ.

Но путь мой въ лодкѣ до города былъ такъ недалекъ, солнце свѣтило такъ ярко и городъ манилъ столь соблазнительно, что я ни на минуту не задумался и прыгнулъ въ первую попавшуюся лодку. Конечно, все обошлось какъ нельзя болѣе благополучно. И арабъ-лодочникъ, ссаживая меня у таможни, необычайно привѣтливо прикладывалъ руку ко лбу и груди за ту серебряную мелочь, которую онъ принялъ на свою мозолистую огромную ладонь.

— Дамаскъ, Дамаскъ!—весело скаля зубы, указывалъ онъ мнѣ на поѣздъ, идущій по самой набережной.

— Ля Дамаскъ!—отвѣтилъ я ему такъ же весело, и, насколько понялъ изъ его дальнѣйшихъ дружескихъ указаній на городъ и на лодку, онъ собирался ждать меня вплоть до моего возвращенія.

День оказался праздничный, весь городъ былъ на улицѣ и плѣнялъ тѣмъ лѣнивымъ и красивымъ бездѣйствіемъ, которое на Востокѣ совсѣмъ не то, что у насъ. Всѣ лавки были закрыты, и только на базарѣ красовались на виду всѣ предметы потребленія, начиная отъ кровавыхъ тушъ мяса и кончая грудами фруктъ, отъ которыхъ идетъ свѣжее, трезвое благоуханіе.

Арабы въ бѣлыхъ бурнусахъ и чалмахъ легко и важно проходятъ въ толпѣ, ухитряясь не задѣвать васъ даже въ самой сутолокѣ базара. Въ окрестныхъ кофейняхъ дымятся затѣйливые наргиле, и запахъ дыма смѣшивается съ ароматомъ жирнаго кофе.

Я иду дальше, туда, гдѣ гремитъ музыка въ саду, на площади. Но эта музыка хороша только издали, когда она сливается съ праздничнымъ шумомъ и какъ-бы пропитывается ароматами апельсиновъ и розъ, которыя свѣшиваются черезъ заборы изъ садовъ, окутывающихъ таинственные восточные дома съ завѣшанными окнами и спущенными жалюзи.

Изъ небольшой церковки съ открытыми дверями, откуда пахнетъ воскомъ и масломъ, выходятъ молящіеся,

кармелитки, въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ чепцахъ и молоденькія дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ, точно стая птицъ, вырвавшихся изъ душной каменной неволи.

Послѣ унылой и строгой церковной службы на нихъ хлынулъ восточный шумъ, который какъ будто ведетъ за собою издали ликующая духовая музыка.

И вотъ онѣ остановились и прислушиваются, полураскрывъ улыбающіеся рты, розовѣя отъ солнца и воздуха, опьяняющаго, какъ счастье. Въ рукахъ ихъ молитвенники съ золотыми обрѣзами и цвѣты, пахучія вѣтки флеръ-д'-оранжа; и когда онѣ тихо расходятся въ разныхъ направленіяхъ, кажется, что онѣ призваны разнести по всему городу свѣтлыя улыбки молодости.

Меня тянетъ наверхъ, на вышину холма, куда ведутъ извилистыя узкія улицы: оттуда я не только увижу весь городъ, сбѣгающій внизъ, къ морю, но и снѣжные гребни Ливана, очаровавшіе меня вчера.

Случайно я попадаю на громадный плацъ, гдѣ стоитъ прекрасный дворецъ, кажется, резиденція паши, а на плацу маршируютъ турецкіе солдатики въ красныхъ фескахъ, пылающихъ на черныхъ головахъ, подобно опрокинутымъ цвѣтамъ мака. На минуту весь парадъ кажется мнѣ представленіемъ маріонетокъ,—такъ смѣшна и жалка эта механичность движеній тамъ, гдѣ вся жизнь полна достоинства и внутренней свободы и силы, придающихъ переливную красочность движенію, нестройному и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гармоничному.

Пароходъ, не останавливаясь, идетъ отъ Бейрута до Кайфы.

Солнце и тишина все время слѣдуютъ за нами, но съ жуткимъ чувствомъ смотрю я на берега, гдѣ, подобно грудамъ камней, или кучамъ мусора, выступаютъ города:

Сидонъ. Тиръ. Акра.

Имена этихъ трехъ городовъ кажутся мнѣ написанными огнемъ и кровью, какъ роковыя слова: Мани. Факелъ. Фаресъ.

«Сидонъ,—вслухъ повторяю я нѣсколько разъ это имя,—Сидонъ». И чувствую, какъ холодъ охватываетъ все мое существо. Какъ будто въ этихъ нѣсколькихъ буквахъ звучитъ эхо погребальнаго звона.

Болѣе, чѣмъ за тысячелѣтіе до Рождества Христова, здѣсь цвѣла жизнь и красота. Самъ царь Соломонъ настолько былъ плѣненъ этой красотой, что, вмѣстѣ съ искуснѣйшими мастерами, работавшими надъ украшеніемъ Соломонова храма, привезъ въ Іерусалимъ для своихъ нечестивыхъ женъ-язычницъ сидонскихъ идоловъ и водрузилъ ихъ на Елеонской горѣ. Финикійскіе цари, ученые, торговцы и поэты прославили этотъ великолѣпный городъ на весь міръ. Но пророчество Іезекіиля, даже въ пору расцвѣта Сидона, тяготѣло надъ нимъ предвѣстіемъ Божьяго гнѣва.

«И пошлю на тя смерть, и кровь въ стогнахъ твоихъ будетъ, и падутъ язвеніи среде тебе мечемъ, въ тебѣ и окрестъ тебе, и увидитъ, яко Азъ Господь».

Навуходоносоръ разрушилъ его такъ же, какъ и Тиръ. Онъ возникалъ и падалъ снова, этотъ великій городъ, какъ называлъ его Іисусъ Навинъ, городъ, основанный, какъ гласитъ библейское преданіе, первороднымъ сыномъ Ханааномъ—Сидономъ.

Впослѣдствіи одинъ изъ путешественниковъ, побывавшій въ этихъ мѣстахъ, разсказывалъ мнѣ, что среди развалинъ онъ видѣлъ колонну, на которой было начертано:

«Да, Септимій Северъ такъ же, какъ Навуходоносоръ, прошелъ здѣсь съ своимъ побѣдоноснымъ мечемъ». И крестоносцы, и мусульмане, и персы, и Александръ Великій и множество другихъ завоевателей, которые составляютъ цѣлое кровавое созвѣздіе: но темна слава подвиговъ

ихъ, и только одинъ завоеватель свѣтитъ чистымъ и немеркнущимъ свѣтомъ надъ этими руинами:

Христосъ!

Евангеліе кратко упоминаетъ о томъ, что Іисусъ Христосъ удалился въ страны тирскія и сидонскія.

Среди яркаго языческаго великолѣпія мнѣ представляется необычайно трогательной фигура Іисуса Христа, поучающаго народъ. Здѣсь, передъ властью язычества, особенно торжественно и мощно должно было казаться каждое слово Христа. Начиналась новая исторія, новое отношеніе къ человѣку. Въ душу человѣческую вносился новый свѣтъ, освобождавшій ее отъ всякой связи съ установленными формами жизни государственной. Христу не было дѣла до того, правилъ ли Кесарь или правилъ народъ. Онъ говорилъ не объ освобожденіи отъ земной власти, а о свободѣ души, о сліяніи ея съ Богомъ, передъ Которымъ и цари и рабы—песчинки на берегу морскомъ.

Но они—дѣти одного Творца и, какъ единое стадо, должны имѣть одного пастыря. И все же изъ великаго творческаго начала, даннаго Христомъ, люди ухитрились сдѣлать орудіе разрушенія: погибъ Сидонъ, погибъ древнѣйшій Тиръ, который Іезекіилъ сравнивалъ съ херувимомъ посреди камней огненныхъ.

«Въ сладости рая Божія былъ еси, всякимъ каменьемъ драгимъ украсился еси, сардіемъ и топазіемъ, смарагдомъ... и златомъ наполнялъ еси сокровища твоя»...

Если Сидонъ производитъ впечатлѣніе печальное, Тиръ—мрачнѣе кладбища:

«Кто замолкнулъ такъ, какъ Тиръ среди морей!»—восклицаетъ пророкъ.

Но молчитъ водяная могила, на днѣ которой покоятся камни великаго города, подобно Венеціи, выходившаго далеко въ море. Одна вершина Гермона сіяетъ прежней славой надъ этимъ разрушеніемъ, и арабская поэзія вѣнчаетъ его восторженными стихами подъ именемъ «Санина».

«Санинъ носитъ зиму на челѣ своемъ, весну на плечахъ, осень на лонѣ, а лѣто дремлетъ у подножія его».

Очнувшійся отъ похмѣлья миссіонеръ собралъ вокругъ себя на бакѣ толпу и густымъ басомъ читаетъ мрачное пророчество Іезекіиля о Сидонѣ и Тирѣ.

За все время пути моего я ни разу не слышалъ ни отъ него, ни отъ другихъ начетчиковъ-христіанъ ни одного свѣтлаго слова. Они только и дѣлаютъ, что пугаютъ вѣрующихъ людей жестокостью библейскихъ проклятій, ужасами страшнаго суда, мракомъ прошлаго и безнадежностью будущаго.

Даже имя Христа въ ихъ устахъ встаетъ только въ кровавомъ вѣнцѣ на черномъ фонѣ смерти.

Мы подходимъ къ Кайфѣ, и поразительный по красотѣ закатъ солнца раскрываетъ передъ нами всѣ краски, всѣ лучи угасающаго дня. Солнце заходитъ въ тучу и сѣровато-дымная тѣнь ложится на море. Горы здѣсь не такъ высоки, покрыты рѣдкими деревьями, мѣстами растительность ихъ напоминаетъ подъѣденный молью бархатъ. Высокія, тонкія пальмы выступаютъ надъ самымъ моремъ въ сторонѣ отъ города, какъ будто совсѣмъ чужія ему, напоминающія объ иномъ мірѣ, съ которымъ самый городокъ не имѣетъ ничего общаго. Даже поверхностнаго взгляда на Кайфу съ моря достаточно, чтобы понять, что тамъ преобладающее населеніе—нѣмцы.

И это не только въ типѣ построекъ и въ педантичномъ распланированіи полей, самодовольно зеленѣющихъ хлѣбомъ, не только въ аккуратно подстриженныхъ, жирно сѣрѣющихъ маслинахъ, но и въ чемъ-то неуловимомъ, что всюду сопутствуетъ нѣмцамъ: можетъ быть, ихъ педантизмъ.

Надъ всѣмъ городомъ возвышается гора Кармель съ прекраснымъ монастыремъ на вершинѣ ея. Какъ разъ противъ этого монастыря внизу, изъ моря, горбомъ торчитъ большой камень, и неподалеку отъ него подозрительно чернѣетъ вода.

Здѣсь всего за мѣсяцъ передъ нашимъ приходомъ налетѣлъ на камень большой итальянскій пароходъ, разбился и затонулъ. Капитанъ, по винѣ и небрежности котораго погибло судно, совершенно обезумѣлъ отъ отчаянія, и три дня его не могли оторвать отъ борта, на которомъ онъ рѣшился погибнуть. Наконецъ, отцы-кармелиты убѣдили его сойти на берегъ подъ кровлю ихъ монастыря, гдѣ уже три дня проживали сто человѣкъ спасенныхъ ими пассажировъ.

Божье стадо.

Переходъ изъ Кайфы до Яффы—всего нѣсколько часовъ. Великолѣпный вечеръ. Тихія звѣзды повторены отраженіями, и, когда отъ моря поднимаешь взглядъ къ небу, кажется, что оно также зыблется и переливается, какъ морская вода.

Завтра будетъ спокойное море; значитъ, паломники благополучно высадятся въ Яффѣ. Это радуетъ прежде всего самого капитана. Не далѣе, какъ въ прошлый рейсъ по случаю сильнаго сѣверо-западнаго вѣтра паломники никакъ не могли высадиться. Пароходъ принужденъ былъ съ ними уйти въ Портъ-Саидъ, но, и вернувшись, высадилъ ихъ не сразу; двое сутокъ проболтались паломники въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, съ ужасомъ поглядывая на каменистую гряду, недалеко отъ набережной, около которой бѣшено кипѣли и вздымались волны.

Всю дорогу они не переставали молиться о благополучномъ прибытіи и, несмотря на явное отсутствіе опасности завтра, и въ этотъ послѣдній вечеръ морского пути всю ночь въ трюмѣ совершалось богослуженіе, и стукъ и вздохи машины заглушались многоголоснымъ пѣніемъ паломниковъ.

Подъ самымъ окномъ моей каюты расположилась кучка паломниковъ. Но ихъ не было слышно: они съ глубокимъ вниманіемъ ловятъ каждое слово разсказчика. Я поднимаюсь на койкѣ, смотрю въ окно и вижу странника, который трогательно повѣствуетъ среди нихъ.

— ...Вотъ, значитъ, придворные злыдни и говорятъ царю: «царь, говорятъ, сынъ-то твой незаконный, не твой, значитъ. Зачала, говорятъ, его царица твоя отъ твоего ловчаго».—Ну, огорчился царь духомъ и говоритъ: «что-же мнѣ, говоритъ, теперь дѣлать?» А одинъ изъ его министровъ, которому было внушеніе отъ Бога, и который былъ, значитъ, противъ злыдней, и скажи: «а ты, говоритъ, царь, испытай правду огнемъ. Брось, говоритъ, младенца въ огонь. Ежели, говоритъ, младенецъ твой,—цѣлъ останется, а не твой—сгорѣть долженъ».

— Ишь ты, дѣла-то какія! — съ ужасомъ всплескиваетъ руками одинъ изъ слушателей.

Разсказчикъ продолжаетъ:

— Смутился царь, однако, послушался министра. А злыдни ничего: думаютъ, сгоритъ, дескать, все равно. Бросили, значитъ, младенчика въ пещь огненную, — глядь, а онъ всталъ тамъ среди пламени, распространилъ вотъ такимъ образомъ свои ручки бѣлыя, словно херувимъ, и запѣлъ ангельскимъ голосомъ.

— Ахъ, ты, сдѣлай милость! Вотъ чудо-то какое!— радостно воскликнули слушатели.

— Ну, царь тутъ, значитъ, увѣровалъ...

— Какъ не увѣровать!

— Назвалъ его Онуфріемъ.—Увѣровалъ; однако, совѣсть-то зазрила его, бросилъ онъ все царство свое, взялъ младенчика на ручки и пошелъ съ нимъ въ пустыню: такой голосъ ему во снѣ былъ, чтобы въ пустыню итти.

— А мать-то какъ же?—перебиваетъ все время молчавшая баба.

— Мать въ тѣ поры умерла. Родила, значитъ, и преставилась.

— Такъ, такъ... Ишь ты, болѣзная!...

— Вотъ идетъ царь по пустынѣ съ ребенкомъ, куда глазыньки глядятъ. А только вѣдь ребеночку молочка

надо, потому—младенчикъ. Заплакалъ, значитъ, царь и, вдругъ, видитъ лань бѣжитъ: дичина такая пустынская. Подбѣгаетъ лань прямо къ младенчику. Ну, царь сдогодался, прямо младенчика къ ея сосцамъ. Напился младенчикъ молочка ея и уснулъ.

Возблагодарилъ царь Создателя, и съ того часа, какъ младенчикъ взалкаетъ, лань сейчасъ—тутъ, какъ тутъ.

Ну, долго-ли, коротко-ли шелъ царь, только приходитъ въ пустынѣ къ монастырю. Стоитъ тотъ монастырь среди песковъ, какъ садъ райскій. И сталъ проситься царь вмѣстѣ съ младенчикомъ въ монастырь, потому, какъ тутъ ему предѣлъ былъ положенъ.

«Такъ и такъ, говоритъ, хочу съ моимъ младенчикомъ постриженіе принять». Ну, братія согласна. Только, говорятъ, какъ съ младенчикомъ быть? А царь говоритъ: «ежели, говоритъ, Господь въ пустынѣ о насъ позаботился, не оставитъ и теперь». И разсказалъ про лань. Ну и дѣйствительно, два года такъ-то кормила лань младенчика, а какъ прошла нужда, сокрылась и никто ее съ той поры не видалъ.

Померъ вскорѣ царь, а ребеночекъ остался въ монастырѣ, и вотъ какое чудо съ нимъ было.

Питался онъ хлѣбомъ однимъ и водицей. Только сталъ отецъ-келарь замѣчать, что ребеночекъ-то, святой Онуфрій, свой хлѣбецъ уноситъ куда-то: не самъ, видно, съѣдаетъ его. Думали сначала, дичину какую кормитъ, да нѣтъ, изъ стѣнъ монастырскихъ не выходитъ св. Онуфрій.—А съ нимъ, значитъ, такое чудо было.

Запримѣтилъ онъ въ придѣлѣ образъ Богоматери съ Младенчикомъ. Жалко ему стало Младенчика. «Ты, говоритъ, Маленькій, можетъ хлѣбушка хочешь?»

Протянулъ Ему хлѣбецъ, а Спаситель рученьки Свои съ иконы-то простеръ и взялъ у него хлѣбушко. Такъ каждый день святой Онуфрій дѣлился съ Нимъ монастырскай трапезой.

Только о. келарь-то, не знаючи этого, захотѣлъ испытать мальчика, куда онъ свой хлѣбушко прячетъ и говоритъ ему: «больше, говоритъ, я тебѣ хлѣбушка не дамъ. Бери тамъ, гдѣ ты пряталъ его».

Ну, потерпѣлъ первый день св. отрокъ Онуфрій, а потомъ приходитъ къ Младенцу-Спасителю и говоритъ: «Я, говоритъ, Маленькій, давалъ Тебѣ хлѣбушка, когда у меня былъ, а теперь голодно мнѣ. Дай мнѣ, коли у Тебя есть».

Тутъ Младенецъ Христосъ улыбнулся и протянулъ ему изъ Своихъ ручекъ хлѣбецъ, да такой большой и бѣлый, бѣлый, точно снѣгъ. Еле могъ обхватить хлѣбецъ святой Онуфрій. Обрадовался, побѣжалъ къ отцу-келарю, да и показываетъ: «вотъ, говоритъ, какой хлѣбецъ дивный мнѣ тотъ Маленькій далъ».

«Какой, спрашиваетъ, Маленькій?»

Тутъ святой Онуфрій разсказалъ имъ о чудѣ, и дивились всѣ не мало.

И, правду, дивный тотъ хлѣбецъ былъ: ежели давали крошечку его больному, онъ сейчасъ выздоравливалъ. Съѣстъ и выздоровѣетъ. И не было такого недуга, который тѣмъ хлѣбомъ бы не исцѣлялся.

Разсказъ произвелъ на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе: я видѣлъ, какъ они вытирали слезы, сморкались и вздыхали.

— А гдѣ же монастырь этотъ? Въ какой пустынѣ?— спросилъ одинъ.—Я бы пошелъ туда съ Божьей помощью.

— Монастырь тотъ въ пустынѣ Египетской, а гдѣ— не могу тебѣ доподлинно сказать, милый человѣкъ. Знаю только, что ефіопы въ той пустынѣ живутъ.

— Ахъ, ты жалость какая! У ефіоповъ, да такое чудесное прибѣжище! Отвоевать бы!

— Какъ же отвоевать его, ежели ефіопы-то тѣ же христіане?

— Да вѣдь они черномордые, вродѣ какъ бы сажей вымазаные!

— А ты на морду-то не смотри. Можетъ, душа-то у нихъ бѣлѣе твоей!—строго останавливаетъ его старикъ въ соломенной шляпѣ, похожей на лукошко.—Ты читалъ житіе преподобнаго отца нашего Марка Афинскаго?

— Нѣтъ, не читалъ. А что?

— А то, что онъ тоже жилъ въ Ефіопіи, на горѣ Ѳрачеcкой. Въ четьи-минеи это точностью пропечатано. И какъ его бѣсы искушали и какъ онъ на глазахъ святого Серафима на небо былъ взятъ.

Съ разсвѣтомъ на пароходѣ поднялся такой шумъ, что спать было невозможно. Я вышелъ изъ каюты, и волнующая предутренняя свѣжесть вѣтра дохнула на меня близостью земли, ароматами апельсинныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, бодрящей влажностью спокойнаго моря.

И небо и море—все было мутно-синее, и Яффа еле намѣчалось передъ нами темной крутой возвышенностью, надъ которой дрожали огни. На востокѣ за нею чуть пробивалась красноватая полоска зари, но звѣзды улетали, и только Венера становилась все крупнѣе и прекраснѣе.

Въ трюмѣ была суета. Народъ возился съ мѣшками и прочимъ скарбомъ. На шканцахъ, надѣвъ свой талесъ и ни на кого не обращая вниманія, раскачиваясь взадъ и впередъ, молился старый еврей въ арабской абайѣ, а около будочки кафеджи турецкіе солдаты пили кофе изъ маленькихъ чашечекъ и курили папиросы.

Полоса на востокѣ изъ мутно-красной становилась оранжевой. На глазахъ замѣтно свѣтлѣло. Палуба какъ-то сразу намокла отъ сырости, и на желѣзныхъ прутьяхъ лебедки, два хобота которой перекрещивались надъ трюмомъ, начинали поблескивать капли росы.

Мужикъ въ котелкѣ, бѣлыхъ подштанникахъ и распоясанный, выскочилъ изъ трюма, перекрестился на востокъ, гдѣ уже проступали громоздкимъ треугольникомъ Яффскія зданія, и также быстро исчезъ. Еврей кончилъ молиться, свернулъ свои уборы, взялъ подъ мышку свой зонтикъ и сѣлъ на корзину, перевязанную веревкой.

Пароходъ шелъ медленно навстрѣчу все болѣе и болѣе разливавшейся звѣздѣ и алѣющей полосѣ зари, отъ которой оживало море и земля, и контуры, и краски города. На рейдѣ уже различались суда и движущіяся черныя полоски—лодки.

Ужъ и солнце взошло; огненнымъ мостомъ отъ берега до парохода задрожало его отраженіе на водѣ, а звѣзда все еще горѣла, и почему-то не хотѣлось оторваться отъ нея до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не исчезнетъ.

Вотъ она стала похожа на улетающую бѣлую птичку... на пчелку... и, наконецъ, совсѣмъ пропала. Пароходъ совсѣмъ приблизился къ Яффѣ, такъ что весь городъ былъ теперь на виду, и черной грядой скалили зубы камни вдоль яффскаго побережья.

Десятки арабскихъ лодокъ моментально осадили пароходъ съ безумнымъ гвалтомъ. Арабы хватались за русленя, готовясь по нимъ влѣзть на палубу, но неожиданная работа винта отбросила большинство лодокъ въ сторону. Другіе съ силой удерживались за канаты и, наконецъ, бросались наверхъ, перескакивая черезъ бортъ и забирая пассажирскій багажъ. Кричали лодочники; кричали пассажиры. Казалось, что на пароходъ ворвались пираты и сейчасъ пойдетъ жестокій грабежъ и рѣзня.

Кое-гдѣ уже начиналась драка, такъ что потребовалось энергичное вмѣшательство помощника капитана.

Но русскіе паломники были предупреждены, что отъ Полестинскаго общества явится кавасъ Марко и съ розданными имъ билетами они спокойно сойдутъ въ лодки.

И вотъ, держась за свои мѣшки и другъ за друга, повылѣзли паломники изъ трюма на палубу. Эта молчаливая растерянная толпа съ пугливымъ любопытствомъ глазѣла на осаду арабовъ и на море, и на городъ, откуда доносился нестройный восточный шумъ. Многіе изъ паломниковъ чуть не первый разъ всматривались, какъ слѣдуетъ, въ кубическія восточныя постройки, громоздившіяся какъ-будто одна на другую. Нѣкоторые крестились и облегченно вздыхали. Самой Яффой если и интересовались, то ровно постольку, поскольку это относилось къ ихъ прямой цѣли—Іерусалиму.

Въ Яффѣ, какъ извѣстно, святынь мало и она ничѣмъ непосредственно не связана съ именемъ Христа. Правда, здѣсь жилъ апостолъ Петръ въ домѣ Симона кожевника и ознаменовалъ свое пребываніе воскрешеніемъ Тавифы, но и самое это чудо очень туго воспринималось паломниками. Что Яффа едва-ли не самый древнѣйшій городъ на землѣ (Плиній утверждалъ, что она существовала еще до потопа),—до этого паломникамъ ровно никакого дѣла не было. Всѣ мысли ихъ теперь были заняты Іерусалимомъ; всѣ они рвались въ этотъ великій городъ: болѣе нетерпѣливые съ поѣздомъ, а многіе рѣшили итти пѣшкомъ и считали недостойнымъ христіанина ѣхать на чугункѣ по той землѣ, которую освятили стопы Христовы.

Особенно горячился старикъ лѣтъ шестидесяти, съ истощеннымъ болѣзненнымъ лицомъ. Онъ высокимъ слабымъ теноркомъ убѣждалъ колеблющихся не поддаваться дьяволу и не оскорблять священной земли своимъ нерадѣніемъ:

— Что тамъ семьдесятъ верстъ! На третьи сутки непремѣнно дойдемъ. Христосъ-то нашъ Батюшка всю эту землю пѣшой исходилъ съ Своими учениками!

Черезъ недѣлю послѣ этого я въ Іерусалимѣ на Сіонской дорогѣ, за Яффскими воротами, увидѣлъ похороны.

Большая толпа паломниковъ шла за гробомъ и пѣла «Святый Боже, Святый крѣпкій»... Гробъ былъ не закрытъ и, взглянувъ въ него, я увидѣлъ этого старика, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу.

Привилегированные паломники и туристы также высыпали на палубу. Среди нихъ я замѣтилъ древнюю старушку, которая помѣстилась во II-мъ классѣ и за весь путь ни разу не появлялась на палубѣ.

Это была помѣщица Пензенской губерніи, отправлявшаяся въ Іерусалимъ не по своей волѣ, а по чужому обѣту. Ея знакомая дала обѣтъ съѣздить въ Іерусалимъ, но передъ смертью, чувствуя, что этого обѣта выполнить не въ состояніи, въ духовномъ завѣщаніи отказала пріятельницѣ двѣсти цѣлковыхъ съ завѣтомъ, чтобы та выполнила за нее нерушимое слово.

Я взглянулъ на эту хилую старческую физіономію, на птичье маленькое сморщенное личико, на эти слабые слезящіеся глаза, и сразу увидѣлъ за этимъ лицомъ, за этими перепуганными глазами, глухой уголокъ нашей провинціи, скудную, духовно-нищенскую жизнь и врожденный испугъ передъ всѣмъ, что за предѣлами этой жизни. Что должна была чувствовать теперь эта старушка, вѣроятно, никогда не выѣзжавшая никуда дальше сосѣдей изъ своего глухого угла, при видѣ моря, арабовъ и этого древняго города, откуда шелъ чуждый тревожный шумъ? Ахъ, родина моя, родина, и какихъ только людей нѣтъ на твоей землѣ!

Зато нѣмцы коммивояжеры чувствовали себя и тутъ какъ дома: они, съ сигарами въ зубахъ, распоряжались своимъ багажомъ и добивались лодочниковъ, которые говорили бы по-нѣмецки. И такіе нашлись. Тогда они, не выпуская изо рта сигаръ, спокойно спустились въ лодки и отправились во-свояси.

Здѣсь я долженъ былъ разстаться съ русскими паломниками. Богъ знаетъ, встрѣчу-ли я ихъ въ Іерусалимѣ. За этотъ тринадцатидневный путь я успѣлъ при-

глядѣться къ кое-кому изъ нихъ и многихъ полюбить. Больше всего меня интересовало: вернутся-ли они изъ Іерусалима съ просвѣтленной душой, или, наоборотъ, эти простыя наивныя души замутитъ то торгашество, безчинство и человѣческая мерзость, которая у гроба Господня и у Его яслей завела наглую унизительную торговлю не только своей совѣстью, но и самыми святынями.

Я простился со всѣми моими дорожными знакомыми и пошелъ собирать свои вещи.

Когда я вышелъ минутъ черезъ двадцать снова на палубу,—кавасъ Марко уже былъ здѣсь и паломники окружили его со всѣхъ сторонъ.

Кавасъ Марко—очень популярная личность и не только въ Палестинѣ. Его знаютъ во всѣхъ углахъ русской земли, благодаря паломникамъ, которые вотъ уже лѣтъ тридцать подъ его руководствомъ и защитой колесятъ вдоль и поперекъ палестинскую землю. Въ эти три десятка лѣтъ не мало перебывало въ Палестинѣ и русскихъ писателей, и каждый изъ нихъ непремѣнно упоминаетъ о старомъ Марко.

Положительно такой популярности можно позавидовать, тѣмъ болѣе, что отцы и матери, отправляя въ Іерусалимъ своихъ дѣтей, поминаютъ непремѣнно о кавасѣ Марко. Сколько онъ за эти тридцать лѣтъ перевидалъ народа, сосчитать невозможно! Но, несмотря на постоянное соприкосновеніе съ русскими паломниками, старый Марко очень плохо говоритъ по-русски и надо привыкнуть къ его путанному языку, чтобы понимать, наконецъ, свободно то, что онъ говоритъ.

Кромѣ стараго Марко, есть еще младшій Марко, который здѣсь также лѣтъ пятнадцать, и тотъ говоритъ по-русски очень плохо. Младшаго Марко также зовутъ Георгіевичъ и фамилія его также Джуричъ, и онъ также водитъ караваны паломниковъ и въ Назаретъ и на Іорданъ и къ Мамврійскому дубу, но ему далеко до популярности старика.

Есть и еще два каваса, но тѣ еще менѣе популярны. Марко старшій надъ ними. Мало того, всѣ черногорцы-кавасы поставлены имъ и даже подъ его отвѣтственностью.

Вотъ его высокая, сухая фигура, въ круглой шапочкѣ, со значкомъ, стоитъ среди паломниковъ; онъ спокойно отдаетъ приказанія.

— Не торопись, сестрица... Все будетъ. И лодка будетъ и все будетъ...

— Ма...—онъ поднимаетъ руки вровень со своимъ худощавымъ, усатымъ, краснымъ отъ солнца и вѣтровъ, лицомъ, и доканчиваетъ со снисходительной улыбкой.— Мало надо стерпѣться... надо стерпѣться...—Изъ-за круглой шапочки на затылкѣ выступаетъ, какъ серпъ мѣсяца, лысинка, отъ которой идутъ бѣлые, какъ пухъ, мягкіе волосы. Марко раздаетъ паломникамъ билеты на мѣсто въ лодкѣ и предупреждаетъ, что никто за переправу не долженъ платить ни копейки.

— Они будутъ у васъ парички тамъ требать, бакшишъ, а вы не платить!—добродушно внушаетъ онъ и, махнувъ рукой, командуетъ:

— Ну, съ Богомъ!

Паломники, спотыкаясь и спѣша, спускаются по трапу въ лодку, въ то время, какъ лебедка гремитъ, выгружая ихъ мѣшки съ одеждой и сухарями, помѣченные крестиками, кружками, буквами и всякими установленными и кабалистическими знаками.

Я вижу ихъ, набитыхъ въ лодкѣ—голова къ головѣ.

— Христово стадо!—говоритъ Марко, улыбаясь въ усы, и машетъ рукой другимъ:

— Съ Богомъ!

Я также машинально повторяю за нимъ: «Съ Богомъ!»

И чувствую, какъ въ душѣ моей закипаетъ что-то острой горечью и тоской.

— Съ Богомъ, Христово стадо!

На древней землѣ.

— Алла Саидъ! Алла Саидъ!

Упираясь одной ногой въ скамейку лодки, гребцы привстаютъ, опуская въ воду весла и съ силой откидываясь назадъ.

Съ черныхъ, бо̀льшей частью молодыхъ и красивыхъ, лицъ льется потъ, и огромная лодка проскальзываетъ среди камней, гдѣ море нынче веселыми струйками набѣгаетъ отъ движенія нашей лодки и ласково шевелитъ мохъ, покрывающій камни.

По обыкновенію, проходимъ черезъ таможню, гдѣ горой свалёнъ паломническій скарбъ; сами они галдятъ и толкутся здѣсь, тревожась, что разворуютъ ихъ имущество. На узкой набережной суета.

Пароходная контора, лавки, кофейни открыты, и восточная толпа, среди которой европейцы кажутся смѣшными и неуклюжими, шумитъ и движется до ряби въ глазахъ.

На набережную ведутъ улицы, узкія, какъ трещины. Экипажъ никакъ не можетъ проникнуть сюда, и вещи до самой площади, гдѣ стоитъ мечеть, тащитъ носильщикъ.

Проходимъ черезъ узкій, грязный, пахучій базаръ, гдѣ зелень, фрукты, рыба, мясныя туши, обувь, табакъ и всѣ прочіе товары переливаются на солнцѣ яркими пятнами. За этими запахами совсѣмъ теряется тотъ ароматъ, который ощущался съ моря. Еще слава Богу, что не начались настоящія жары, когда земля трескается, и по городу разносится одуряющій трупный запахъ. Ма-

гометанское кладбище вотъ тутъ близко; мусульмане зарываютъ покойниковъ едва ли не на аршинъ, и случается, что по ночамъ на кладбищѣ находятъ кости, обглоданныя за ночь шакалами.

Нынче пятница, арабскій праздникъ. Со всѣхъ окрестностей въ Яффу собираются арабы. Площадь биткомъ набита бедуинскими полосатыми плащами, чалмами и тюрбанами. Среди толпы шевелятся длинныя уши ословъ и вытягиваются змѣиныя шеи верблюдовъ съ смѣшными бородатыми мордами.

Когда посмотришь съ улицы, поднимающейся вверхъ, изъ экипажа на эту толпу, она кажется сплошной, и головные уборы сливаются въ одинъ пестрый восточный коверъ, который неустанно движется на солнцѣ, мелькая яркими затѣйливыми узорами. Экипажъ осторожно поднимается вверхъ мимо кузницъ, постоялыхъ дворовъ и ящичныхъ лавокъ, откуда пахнетъ свѣжимъ деревомъ, а рядомъ лежатъ въ ожиданіи нагрузки большіе, спокойные верблюды. Верблюды попадаются и навстрѣчу, верблюдовъ мы и обгоняемъ; тѣ, которыхъ мы обгоняемъ, идутъ съ цѣлыми горами пустыхъ ящиковъ къ апельсиннымъ рощамъ; тѣ, что попадаются навстрѣчу, идутъ, нагруженные апельсинами.

Большая часть апельсиновъ отправляется отсюда въ Лондонъ и Ливерпуль: тамъ на нихъ нѣтъ пошлины, и Петербургъ оттуда получаетъ яффскіе апельсины. Это, на первый взглядъ, кажется нелѣпостью, тѣмъ болѣе, что въ Ливерпуль апельсины идутъ 15 дней, между тѣмъ какъ въ Одессу ихъ можно переправлять въ 7—8 дней. У насъ пошлина на нихъ 4 франка ящикъ, потому и падаетъ спросъ на апельсины. Пароходы плачутся на отсутствіе груза. Между тѣмъ, если бы пошлину понизить до 1 франка, то, по вычисленію свѣдущихъ людей, это дало бы казнѣ, по крайней мѣрѣ, 800 тысячъ франковъ дохода и облагодѣтельствовало бы пароходныя общества.

Я, однако, плохой коммерсантъ и вѣрю на слово дѣловымъ людямъ, которые знаютъ это доподлинно и принимаютъ надлежащія мѣры къ осуществленію своихъ проектовъ по этому поводу. Далекій отъ всякихъ коммерческихъ соображеній, глядѣлъ я на великолѣпные яффскіе апельсинные сады, среди которыхъ поднималась вверхъ моя дорога, ослѣпительно бѣлая подъ солнцемъ. Эти сады еще за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. были прославлены на недавно открытомъ египетскомъ пергаментѣ, и, вѣрно, восторгавшійся ими египтянинъ вотъ такъ же, какъ я, ѣхалъ по этой древней дорогѣ и восторгался ихъ пышностью и красотой и наслаждался ихъ благоуханіемъ. Громадные кактусы, точно безчисленные зеленые спруты, топорщатся съ обѣихъ сторонъ живыми сѣнами. Но изъ-за этихъ стѣнъ поднимаются зеленыя апельсинныя деревья, то пылая на солнцѣ оранжевыми и ярко-красными померанцами и апельсинами, то свѣтясь, какъ снѣгомъ, бѣлыми пахучими цвѣтами. Въ первую минуту такъ странно видѣть эти цвѣты рядомъ съ плодами. Часто цвѣты и тутъ же плоды на одномъ и томъ же деревѣ! Среди апельсинныхъ безконечныхъ рощъ пальмы колеблютъ свои длинныя легкія перья въ прозрачномъ солнечномъ воздухѣ, и золотистые эвкалипты свѣтятся узорнымъ кружевомъ на глубокой небесной синевѣ.

Среди апельсинныхъ рощъ, на скрещеніи двухъ дорогъ,—изъ которыхъ одна—древне-іерусалимская, та самая, по которой доставляли въ Іерусалимъ ливанскіе кедры на постройку Соломонова храма,—стоитъ фонтанъ св. Тавифы, древнее каменное сооруженіе на подобіе часовни. Здѣсь—обильный источникъ, около котораго постоянно останавливаются и караваны и отдѣльные путники. Тутъ же нѣчто въ родѣ сторожевого поста, и захудалые стражи, съ допотопными винтовками, цѣлый день пьютъ здѣсь кофе и курятъ кальянъ. А старые темные кипарисы дѣлаютъ эту часовню похожей на древ-

нюю могилу. Отсюда минутъ десять до русскаго сада, этого райскаго уголка, созданнаго покойнымъ архимандритомъ Антониномъ. Церковь Вознесенія, воздвигнутая въ этомъ саду, видна издалека со всѣхъ сторонъ. Вокругъ церкви—зданія, расчитанныя на паломниковъ, но зданія эти всегда пусты, такъ какъ паломники стремятся въ Іерусалимъ. Сюда заѣзжаютъ только такіе странники, какъ я, да иностранцы, которыхъ привлекаетъ красота этого удивительнаго мѣста.

Исколесивъ Палестину вдоль и поперекъ, я всюду, гдѣ красота природы улыбалась моей душѣ, слышалъ имя архимандрита Антонина. И здѣсь, и на Елеонѣ, и въ Хевронѣ, и въ Горней, и въ Іерихонѣ—всюду сады, православныя церкви, страннопріимные дома созданы о. Антониномъ. Вотъ уже воистину былъ собиратель Русской Земли въ Палестинѣ. И предо мной изъ этихъ живыхъ свидѣтельствъ его ума, чуткости и энергіи вставала сама интересная фигура монаха-астронома, который съ построенныхъ имъ высокихъ башенъ наблюдалъ съ телескопомъ въ рукахъ теченія небесныхъ свѣтилъ, не забывая въ то же время о землѣ, упрямый и отважный въ осуществленіи своихъ цѣлей, несмотря ни на какія препятствія.

Сколько разъ фанатики грозили ему смертью, но онъ безстрашно шелъ навстрѣчу опасности и всегда побѣждалъ. Пріобрѣтая землю въ Хевронѣ, онъ темной ночью пріѣзжалъ къ Мамврійскому дубу и тамъ велъ переговоры съ владѣльцами земли, за которыми слѣдили и до сихъ поръ фанатичные хевронскіе мусульмане. Наконецъ, онъ побѣдилъ ихъ, и теперь на пріобрѣтенномъ имъ мѣстѣ уже существуетъ большое зданіе для паломниковъ, наполовину отстроена церковь и на самомъ высокомъ мѣстѣ также возвышается каменная башня.

Говорятъ, и помимо астрономическихъ цѣлей у о. Антонина были цѣли болѣе важныя, когда онъ воздвигалъ эти башни на высотахъ Палестины: съ высоты Іерихон-

ской колокольни видна въ ясную погоду колокольня Вознесенской яффской церкви, а съ башни въ Горней—и та и другая. Этотъ маленькаго роста старикъ съ проницательнымъ взглядомъ, можетъ быть, обладалъ умомъ государственнаго человѣка, и не только дѣла его, но и его мечты особенно приходится цѣнить тамъ, гдѣ каждое проявленіе самостоятельности и иниціативы встрѣчаютъ окаменѣлую рутину, тупоуміе и вялость, ненавидящіе порывы духа живого.

Послѣ о. Антонина остался дневникъ. Первыя главы этого дневника были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а затѣмъ онъ куда-то исчезъ. Между тѣмъ, записки такого замѣчательнаго человѣка представляютъ огромный интересъ, и психологическій и общественный. Пробыть десятки лѣтъ въ Палестинѣ, которая для русскаго народа является какъ бы священной купелью духа, уже само собой событіе большое, а вѣдь о. Антонинъ былъ здѣсь не только наблюдателемъ. Будетъ очень жаль, если этотъ дневникъ не понравился кому-нибудь изъ духовнаго начальства и лежитъ подъ спудомъ или, еще печальнѣе, если онъ исчезъ, какъ исчезаютъ иногда документы, которые служатъ обличительнымъ зеркаломъ.

Экипажъ мой остановился у желѣзныхъ воротъ. Я постучалъ, и арабъ-сторожъ отперъ мнѣ ворота и впустилъ меня.

Черезъ маленькій дворикъ я вошелъ прямо въ садъ и былъ сразу очарованъ картиной, которая открылась предо мной. Почти отовсюду, со всѣхъ садовыхъ аллей и площадокъ предо мной громоздилась Яффа, дома и кровли которой сіяли подъ солнцемъ вдали за густой зеленью апельсинныхъ рощъ, высокими колоннами пальмъ и золотыми кружевами эвкалиптовъ; все это сплошной зеленой покатостью спускалось внизъ, къ подножью города. А за городомъ синѣло море, и въ благодатной тишинѣ сюда мягко и зыбко приливалъ городской гулъ,

похожій на сдержанный шумъ моря. Съ другой стороны сада открывалась Саронская долина, колоніи, дачи и деревушки бедуиновъ. Съ церковной колокольни окрестности видны на десятки верстъ, но я не люблю наслаждаться природой съ разныхъ искусственныхъ вышекъ. Пусть я увижу немного меньше, но съ созданнаго Господомъ Богомъ мѣста, а не съ вышки винтовой лѣстницы, куда любятъ взбираться туристы, особенно нѣмцы, чтобы при этомъ испортить своимъ никому не нужнымъ именемъ еще не испачканное мѣсто.

На закатѣ я стоялъ въ этомъ саду, обласканный его нѣжностью, красотой и ароматомъ. Оранжевое солнце опускалось за яффскими кровлями; море изъ синяго стало сиреневымъ, и благоуханіе садовъ было такъ сильно и влажно, что начинала кружиться голова.

Странно, что тутъ такъ мало птицъ. Вѣроятно, уже улетѣли на сѣверъ? Изрѣдка слышится слабый свистъ или короткая трель. Пальмы съ освѣщенными закатомъ стволами стали еще воздушнѣе и какъ-будто еще ближе къ небу. Около меня алымъ свѣтомъ налились бѣлые померанцевые цвѣты—и вдругъ сразу потускнѣли, точно помертвѣли: солнце закатилось.

Западъ еще весь былъ багряно-золотистый, но уже сады потеряли свою красочность и воздушность. Вмѣстѣ съ солнечными лучами исчезла какая-то музыка свѣта, которая какъ-будто звучала днемъ. Гдѣ-то жалобно заплакалъ оселъ. Потомъ все притихло, и вечеръ съ востока сталъ подходить съ легкими серебристыми тѣнями и прохладою весенней росы.

Я прошелъ по аллеѣ. Пещера, идущая къ церкви, зіяла открытымъ зѣвомъ. Въ этой пещерѣ была похоронена св. Тавифа. Красные маки расцвѣли кругомъ нея. Ихъ легкіе лепестки уже стали опадать у меня на глазахъ, точно ихъ поддерживали только солнечные лучи, а съ сумерками они умирали. Я повернулъ направо и увидѣлъ черный крестъ надъ новой могилой. На кре-

стѣ еще висѣлъ полуувядшій вѣнокъ. Я прочелъ надпись на крестѣ и вздрогнулъ отъ неожиданности, встрѣтивъ знакомое имя.

Вотъ какъ! Онъ умеръ и схороненъ здѣсь, этотъ красивый, удивительно любезный старикъ, съ которымъ такъ недавно мы совершили путешествіе въ Америку? Онъ былъ контролеромъ на томъ пароходѣ, на которомъ я плылъ съ эмигрантами-евреями. Въ Яффѣ онъ былъ агентомъ Русскаго Общества пароходства и торговли, и вотъ теперь отъ его красиваго лица и любезной улыбки остался одинъ холмъ.

Смерть людей, которыхъ мы знали, всегда представляется чѣмъ-то неестественнымъ, что бы тамъ ни говорили. Но здѣсь, среди этого благоухающаго и цвѣтущаго сада, она поразила меня только въ первую минуту, а затѣмъ я ужъ безъ всякой грусти глядѣлъ на этотъ холмъ и крестъ: вѣрно, безсмертіе природы, которое въ уединеніи особенно приближаетъ насъ къ себѣ своимъ очарованіемъ, заставляетъ, помимо воли, относиться къ этому концу лишь какъ къ переходу въ новую жизнь, пріобщенію къ вѣчно-сіяющей жизни земли.

Зазвонилъ колоколъ.

Я, вообще говоря, люблю церковный звонъ, особенно почему-то субботній звонъ, и еще лучше, если этотъ звонъ слышу издали, гдѣ-нибудь за городомъ, ранней весной. Въ вечерній часъ, когда земля уже темна, а глубина небесъ—водянисто-зеленаго, прозрачнаго тона, этотъ звонъ мнѣ дороже музыки.

Сейчасъ я былъ въ саду при церкви, и церковь стояла предо мной дѣйствительно такъ, какъ-будто она была хозяйкой этого сада. Я видѣлъ, какъ прошелъ въ церковь сѣденькій священникъ, и рѣшилъ также пойти туда. Я такъ давно не былъ въ церкви. Послѣднее богослуженіе, которое я видѣлъ, происходило въ трюмѣ парохода, и оно очень растрогало меня.

Стукъ шаговъ моихъ такъ гулко зазвучалъ по каменному полу, что я почувствовалъ сразу какую-то неловкость и пошелъ дальше чуть не на цыпочкахъ. Впрочемъ, никто не могъ обратить вниманія,—церковь была почти совершенно пуста: кромѣ священника, дьякона и служки всего двѣ старухи, да и тѣ—прислужницы мѣстныя.

Слабо мерцали свѣчи и лампады. Но въ церкви было еще свѣтло отъ послѣдняго заревого свѣта, и мнѣ бросились въ глаза недавно и очень плохо написанныя иконы и событія евангельской жизни на церковныхъ стѣнахъ. Своды церкви были высоки и также новы, и слабый голосъ священника и скучное пѣніе служки дребезжали въ прохладной пустотѣ невѣрными и безпріютными звуками.

Женщины какъ-то механически молились и кланялись, когда священникъ кадилъ въ церкви. Запахъ ладана былъ такъ непохожъ на запахъ апельсинныхъ и померанцевыхъ цвѣтовъ. Дымъ заволакивалъ свѣчи и лампады, и огни ихъ, и безъ того скучные и одинокіе, казались въ дыму еще болѣе растерянными и печальными.

Ночь еще не успѣла настать вполнѣ. Небо еще было свѣтло, но уже въ немъ тихо и тепло засвѣтились звѣзды. Апельсинныя рощи закутались въ вечерній сумракъ, который залилъ пространство мглою, смѣшался съ деревьями, и они казались сплошной мягкой тѣнью кругомъ меня, и такими же тѣнями, но только вытянувшимися вверхъ, стояли кипарисы въ аллеѣ, ведущей отъ церкви.

Изъ искусственнаго водоема, устроеннаго въ саду, доносился сплошной трескъ: это наперебой кричали лягушки; но онѣ какъ-то не разрушали тишины, соединившейся съ сумракомъ и съ благоуханіемъ апельсинныхъ деревьевъ и какъ-будто даже со звѣздами. Какими бѣдными и убогими показались церковныя свѣчечки и

лампадки передъ этими вѣчными лампадами въ глубокомъ, все болѣе и болѣе синѣвшемъ, небѣ!

И тутъ мнѣ представилось, что опять ко мнѣ возвращается вѣра дѣтскихъ лѣтъ; захотѣлось молиться,—но всѣ слова молитвы показались слабыми и охладѣвшими. Выйдя изъ церкви, я остановился и долго такъ стоялъ, не надѣвая шляпы, подъ этими древними свѣтилами, на древней землѣ, по которой ступали апостолы, гдѣ, можетъ быть, не разъ былъ и Самъ Христосъ, хотя въ Евангеліи и не поминается объ этомъ: вѣдь это такъ недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Онъ жилъ, училъ и былъ распятъ!

Была первая ночь, которую я проводилъ въ Палестинѣ, и эта мысль странно волновала меня и долго не давала заснуть.

Окна комнаты, въ которой я ночевалъ, оставались открытыми, но, какъ вездѣ на востокѣ, они были заколочены желѣзной рѣшеткой. Съ своей постели я видѣлъ звѣзды, и цвѣточный ароматъ, отяжелѣвшій отъ влаги, проникалъ какъ-будто въ самую кровь.

Лягушки въ водоемѣ продолжали трещать однообразно и неумолчно, такъ что я скоро пересталъ сознавать ихъ трескъ. Зато послышались новые голоса, похожіе на смѣхъ и крики дѣтей: это—шакалы перекликались въ окрестности, разыскивая падаль и преслѣдуя зазѣвавшихся степныхъ звѣрковъ.

И къ этимъ звукамъ я скоро привыкъ, и они какъ-будто не нарушали библейскаго очарованія этой ночи. И съ необыкновеннымъ вниманіемъ и новымъ чувствомъ слушалъ я въ этой тишинѣ глубокій, печальный перезвонъ бубенчиковъ, съ которыми мимо проходилъ караванъ верблюдовъ по древней Іерусалимской дорогѣ. Вяло переговаривались голоса погонщиковъ на незнакомомъ мнѣ арабскомъ языкѣ. И эти голоса, этотъ мелодичный звонъ мѣди подъ качающимися верблюжьими мордами приближали меня къ библейскимъ временамъ, когда

такъ же шли караваны верблюдовъ по этой самой дорогѣ и за ними, съ длинными посохами въ рукахъ, служившими въ то же время и пиками на случай встрѣчи съ дикими звѣрями или недобрыми людьми, вотъ такъ же шли бѣдно одѣтые полудикіе люди, отъ которыхъ врядъ ли чѣмъ отличаются нынѣшніе арабы-погонщики верблюдовъ, кочевые бедуины и пастухи.

Кесарія.

Была суббота, день безусловнаго отдыха для еврейскихъ колонистовъ, и я съ компаніей рабочей молодежи отправился изъ Хедеры въ Кесарію.

Большая часть нашей компаніи ушла впередъ. Я нѣсколько позамѣшкался съ остальными изъ-за провизіи. Надо было, какъ-нибудь тайкомъ отъ правовѣрныхъ евреевъ, устроиться въ субботній день съ лошадью и осликомъ, чтобы не тащить корзины въ рукахъ. Да и путь былъ не маленькій: туда и обратно—верстъ 25—30. Кто-нибудь могъ очень утомиться, занемочь: лошадь и осликъ были необходимы.

Ихъ доставили въ рощу за колоніей, подальше отъ зоркихъ глазъ стариковъ, ревниво блюдущихъ обычаи и законъ. Оттуда мы и двинулись за остальными.

Былъ конецъ марта; день ясный и не жаркій. Отъ апельсинныхъ бояръ шелъ сильный ароматъ цвѣтовъ, покрывающихъ, какъ бѣлый снѣгъ, не только деревья, но и землю. Запахъ эвкалиптовъ, нѣкоторое время провожавшихъ насъ своею тѣнью, придавалъ этому аромату пріятную остроту.

Но эта дорога скоро кончилась. Надо было свернуть въ сторону направо. Чтобы поскорѣе догнать своихъ, для сокращенія дороги, рѣшено было пойти черезъ пашню, гдѣ прошла первая партія. Тропинка была протоптана здѣсь раньше, и мы спокойно отправились по ней.

Впереди ѣхалъ на осликѣ д-ръ Х. со своей пѣнковой трубочкой въ зубахъ; за нимъ шло насъ человѣкъ пять и позади, верхомъ на арабской лошади, ѣхалъ

сынъ одного изъ старѣйшихъ колонистовъ—студентъ, каждое лѣто пріѣзжающій изъ-за-границы домой—Ш. Далеко во всѣ стороны шло красноватое взрыхленное поле, и земля, разогрѣтая солнцемъ, пахла ржанымъ хлѣбомъ. Слѣва у дороги едва виднѣлись палатки бедуиновъ, еще болѣе темныя, чѣмъ земля, а на полѣ почти у самаго конца его, гдѣ золотился песокъ подступающихъ съ моря дюнъ, шевелились люди, работавшіе на землѣ.

— Какъ бы арабы не взбунтовались, что мы идемъ черезъ ихъ землю!—осторожно замѣтилъ докторъ, хорошо знакомый съ мѣстными нравами.

Но ему отвѣтили успокоительно.

— Нѣтъ, тутъ проложена тропинка.

— Да, но тропинка не для всѣхъ. Съ чужихъ они берутъ за это обыкновенно бакшишъ.

— Что? Бакшишъ! Ну, нѣтъ, если мы такъ будемъ потворствовать арабамъ, такъ они на шею намъ сядутъ.

Съ этимъ согласились всѣ. Даже, если арабы иногда окажутся и правы, уступать имъ не слѣдуетъ, когда дѣло касается мелочей. Это былъ разъ навсегда выработанный опытомъ принципъ за время тридцатилѣтняго сосѣдства съ арабами. Ихъ много и они дики, потому надо побѣждать ихъ упорствомъ и смѣлостью, которую они чтутъ въ европейцахъ. Никогда нельзя допускать нападенія съ ихъ стороны и, при малѣйшемъ намекѣ на что-нибудь подобное, лучше нападать самому.

Нѣсколько темныхъ фигуръ вдали оторвались отъ работы и стали приближаться другъ къ другу, а затѣмъ ясно было, что они двинулись къ дорогѣ.

Мы уже были на полъ-пути. Это движеніе со стороны арабовъ мало предвѣщало хорошаго, но возвращаться назадъ было бы унизительно и не въ обычаяхъ колонистовъ.

— Наконецъ, наши прошли здѣсь.

— Ихъ было много. На нихъ не посмѣли напасть, а насъ всего шестеро и двѣ дѣвушки.

Но мы подвигались впередъ и были уже у конца дороги, когда изъ спѣшившихъ къ намъ наперерѣзъ арабовъ вырвались двое съ длинными палками, на концахъ которыхъ поблескивали металлическія острія. Они бѣжали съ громкими угрожающими криками и такими же криками поощряли ихъ спѣшившіе за ними.

Теперь, если бы мы и вздумали отступить, было уже поздно. Докторъ, продолжая покуривать трубочку, спокойно ѣхалъ впереди; онъ за время своего долгаго пребыванія здѣсь бывалъ въ разныхъ передѣлкахъ.

Но въ эту минуту Ш. вырвался впередъ верхомъ на лошади. На угрожающіе крики арабовъ, требовавшихъ, чтобы мы остановились, онъ только отвѣтилъ крикомъ по-арабски, и не успѣли мы его остановить отъ неосторожнаго поступка, какъ онъ соскочилъ съ лошади, испугавшейся вертящейся въ воздухѣ пики, и бросился на араба съ пустыми руками.

Тотъ былъ такъ ошеломленъ этой дерзостью, что опустилъ пику на одну минуту. Ш. воспользовался этимъ. Однимъ ударомъ онъ еще сильнѣе ошеломилъ араба и, бросившись къ другому, сорвалъ съ того акаль изъ верблюжьяго волоса и этимъ жгутомъ нѣсколько разъ ударилъ араба.

Тѣ до того растерялись, что бросились за помощью къ своимъ.

Между тѣмъ, лошадь, испуганная всей этой сценой, метнулась въ сторону, сдѣлала нѣсколько тревожныхъ скачковъ и понеслась назадъ.

— Стойте здѣсь и ничего не бойтесь!—успѣлъ только крикнуть Ш. и бросился вслѣдъ за лошадью.

Съ бѣшеными криками арабы стали подступать къ намъ. Одинъ изъ нихъ, тотъ самый, у котораго былъ сорванъ акаль, съ бритой головой, всталъ на дорогѣ

и съ необыкновенной ловкостью и быстротой вертя въ рукахъ страшную пику, остановилъ доктора.

Другой подступалъ ко мнѣ. Я остановился, выжидая, что будетъ дальше. Оружія со мной не было никакого и сопротивляться было бы безполезно.

Но ни меня, ни доктора ударить они не рѣшились.

Надо отдать справедливость троимъ нашимъ спутникамъ: они не выражали ничѣмъ своего испуга. Даже женщины держали себя молодцомъ.

Только когда къ одной изъ нихъ слишкомъ близко подошелъ арабъ, одинъ изъ колонистовъ оттолкнулъ его.

Тотъ ударилъ его палкой. Въ ту же минуту колонистъ сдѣлалъ неожиданный крутой поворотъ къ другому арабу. Я думалъ, что онъ метнулся такъ отъ боли. Другой арабъ вскрикнулъ, но тотчасъ же отскочилъ въ сторону.

Въ рукахъ у нашего товарища оказался револьверъ. Я только послѣ узналъ, что онъ вырвалъ его изъ рукъ другого араба и что первый его рискованный шагъ былъ ловкимъ маневромъ, чтобы продѣлать эту штуку.

Арабы, увидѣвъ револьверъ въ его рукахъ, моментально отступили.

Одинъ изъ нихъ уже схватился за абай, чтобы навертѣть его на пику и закрутить въ воздухѣ. Это было бы призывомъ, обращеннымъ ко всѣмъ окрестнымъ арабамъ, и тогда дѣло могло принять страшный оборотъ. Одна изъ дѣвушекъ бросилась къ завладѣвшему револьверомъ, боясь, что тотъ пуститъ его въ ходъ. Но онъ тотчасъ же успокоилъ ее. Важно было только выиграть время, чтобы дождаться Ш. съ помощью.

Больше того,—тайкомъ онъ сталъ выбрасывать изъ револьвера пули, вступая въ то же время въ переговоры съ врагами по-арабски.

— Чего они хотятъ? Мы пошли этой дорогой не съ тѣмъ, чтобы возвращаться назадъ. Выкупъ? Никакого выкупа они не получатъ, что̀ бы тамъ ни было.

Арабы, однако, были въ замѣшательствѣ. Они остановили бритаго: ихъ довольно и безъ того, чтобы справиться съ нами. Опять завертѣлась пика; очевидно, револьверъ смущалъ ихъ. Вдругъ одинъ изъ колонистовъ вскрикнулъ. Я вздрогнулъ, думая, что это ударили, тѣмъ болѣе, что онъ кинулся къ арабамъ. Но въ ту же минуту, тѣ, оглянувшись, бросились бѣжать въ разсыпную.

Къ намъ на помощь мчался Ш. верхомъ на лошади и вмѣстѣ съ нимъ скакали двое всадниковъ-арабовъ. Одинъ изъ нихъ оказался шейхомъ дружественныхъ бедуиновъ, у котораго Ш. нашелъ свою лошадь, и при видѣ его бросились бѣжать нападающіе. Шейхъ кинулся за ними со своимъ всадникомъ, а Ш. поспѣшилъ къ намъ. Такимъ образомъ, исторія окончилась для насъ вполнѣ благополучно, и мы спокойно продолжали дальнѣйшій путь.

У рѣки Мержиръ мы нагнали нашихъ товарищей, и наиболѣе горячіе, узнавъ объ этомъ приключеніи, заявили, что назадъ непремѣнно надо итти тѣмъ же путемъ. Но тутъ вступился за арабовъ нѣмецкій еврей-колонистъ, здоровый и красивый малый, недавно явившійся въ колонію изъ Африки. Онъ былъ въ числѣ насъ шестерыхъ, подвергшихся нападенію, и все время покуривалъ, какъ и докторъ, трубочку.

— Нѣтъ, мы не пойдемъ туда,—спокойно заявилъ онъ.—Мы пойдемъ другой дорогой, а если направимся туда, то только затѣмъ, чтобы заплатить выкупъ. Это ихъ право, и мы не должны его нарушать.

Онъ такъ убѣжденно сказалъ это, что всѣ сразу остыли и рѣшили итти другой дорогой.

На Мержирѣ кое-кто успѣлъ выкупаться. Рѣка быстрая и красивая. Кругомъ пески, но вся она въ зелени. Обиліе воды соблазняло давно колонистовъ. Они купили у арабовъ землю, чтобы развести здѣсь апельсинныя и миндальныя плантаціи, но арабы каждый разъ

портили ихъ насажденія, считая вопросъ объ этой землѣ спорнымъ.

Вдоль рѣки по песку мы пошли къ морю и скоро увидѣли его передъ собою. И, какъ всегда, послѣ болѣе или менѣе продолжительной разлуки съ моремъ, мнѣ казалось, что я вижу его новымъ, еще болѣе прекраснымъ, чѣмъ раньше. Мы сняли обувь, чтобы перейти черезъ рѣчку, но потомъ уже не хотѣли обуваться. Такъ славно было итти по упругому гладкому песку босыми ногами. Тамъ, гдѣ песка не касалась вода, онъ былъ горячъ, но у воды его свѣжесть проникала, кажется, въ самую кровь.

Пустынна была наша дорога, но итти было весело со здоровыми, молодыми и веселыми спутниками. Дорогой дурачились, бѣжали въ перегонки, пѣли пѣсни. Море своей синевой и бодрымъ шумомъ точно опьяняло всѣхъ. Одинъ изъ рабочихъ, молодой и интеллигентный парень, работавшій раньше въ Галлилеѣ, такъ разошелся, что сталъ тутъ же на пескѣ показывать на лошади разныя головоломныя штуки. Онъ джигитовалъ, какъ арабъ, и на всемъ скаку вставалъ вверхъ ногами на сѣдлѣ. Евреи-колонисты вообще ѣздятъ, какъ арабы, но этотъ выдѣлялся своимъ искусствомъ, и ему аплодировали, какъ въ циркѣ.

Мы не покидали моря до самой Кесаріи. Съ песчаныхъ дюнъ, покрытыхъ кое-гдѣ мелкимъ кустарникомъ, подуваетъ вѣтерокъ, и по мелкому песку курится змѣистая струйка.

Вдали, за излучиной, показались на возвышеніи каменныя постройки. Громадныя скалы чернѣли въ морѣ. Маленькій арабченокъ игралъ около нихъ съ черненькимъ щеночкомъ. Завидѣвъ насъ, щеночекъ отчаянно залаялъ. Кто-то сдѣлалъ видъ, что хочетъ взять его. Мальчикъ схватилъ своего друга, прижалъ его къ груди и дикими глазами посмотрѣлъ на насъ.

Мы скоро его успокоили и поднялись въ Кесарію.

Черезъ часъ, осмотрѣвъ Кесарію, я сѣлъ на камень, чтобы записать свои впечатлѣнія.

Каждый разъ, какъ я въ подобныхъ случаяхъ раскрывалъ свою записную книгу и бѣглыми намеками исчерчивалъ чистую страницу, мнѣ казалось, что я записываю въ поминаніе. Сколько я уже видѣлъ такихъ развалинъ, сколько именъ за упокой пришлось мнѣ записать! И все же каждый разъ я испытывалъ томительную тоску, ѣдкую печаль о прошломъ, каково бы оно ни было.

Живымъ вокругъ меня было—глухое маленькое поселеніе съ грязными восточными домами. Оно еще носило громкое имя Кесаріи, но это былъ только звукъ, опустѣлое, обезличенное слово, не болѣе.

Пышное прошлое валялось здѣсь въ обломкахъ мрамора, въ остаткахъ камней, которые не хотѣли умирать. Эти камни были передо мной и на землѣ, и въ морѣ. Когда-то здѣсь была великолѣпная гавань, созданная Иродомъ Великимъ. Гавань была богаче и обширнѣе Пирейской, и сюда стекались нагруженные богатствами разукрашенные корабли съ разноцвѣтными парусами. На высокихъ башняхъ развѣвались флаги, и два огромныхъ каменныхъ колосса стояли по обѣ стороны большого мола, слѣды котораго ясно намѣчаются и теперь древними позеленѣвшими камнями, мѣстами темнѣющими надъ водой и подъ водой съ этой и съ другой стороны.

Около этихъ камней и на берегу, и въ морѣ торчатъ и валяются разбитыя колонны. Одна изъ нихъ съ остатками капителей виднѣется на днѣ, средь камешковъ, раковинъ и подводныхъ растеній, и завитки ея украшеній также кажутся красиво изогнутыми стеблями морскихъ травъ. Перекрестныя горизонтальныя колонны торчатъ изъ остатковъ высокой стѣны надъ водой, и нищій арабъ сушитъ на нихъ вымытыя имъ грязныя лохмотья своей абаи.

На набережной, гдѣ стоялъ великолѣпный храмъ Зевеса, фундаментъ его еще сохранился. Гладко обтесанные громадные камни какъ-будто срослись другъ съ другомъ въ незыблемую громаду. Но теперь на этомъ фундаментѣ—грязная восточная постройка. Окна завѣшаны, но оттуда нѣтъ-нѣтъ да покажется намазанное женское лицо. Говорятъ, здѣсь теперь публичный домъ. А подъ домомъ—подвалы для ссыпки хлѣба, теперь совсѣмъ пустые: жилища голодныхъ крысъ, сбѣгающихся сюда на хлѣбный запасъ.

Въ 70-мъ году Титъ, разрушившій Іерусалимъ, обрекъ на растерзаніе дикихъ звѣрей двѣ тысячи евреевъ. Циркъ, гдѣ на потѣху римскихъ легіоновъ были замучены и растерзаны эти жертвы,—за городомъ. Еще сохранились его камни, вполнѣ опредѣляющіе всю его грандіозность, слѣды мозаики, но густая трава переросла ихъ, а на мѣстѣ арены ярко цвѣтутъ кровавоалые маки.

Здѣсь были полчища Омара и крестоносцы. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ Августа, происходила сильная, жестокая битва. Остатки стѣнъ и крѣпости, построенной Людовикомъ IX Святымъ, и до сихъ поръ мѣстами уцѣлѣли. Глубокій ровъ окружалъ эти стѣны. Но онъ весь заросъ, и густая трава и деревья тянутся не только изъ земли, но проросли и самые крѣпостные камни; къ стѣнамъ, какъ улитки, присосались маленькіе домики, гдѣ живутъ бѣдняки, выходцы изъ Босніи.

Въ Кесаріи внезапно умеръ послѣдній римскій императоръ Агриппа и погибъ послѣдній герой, поднявшій среди евреевъ возстаніе,—Баръ Кохба.

За упокой. За упокой!

«Здѣсь развѣвались царскія знамена,
Здѣсь золото струилось кровью венъ,
И римскихъ войскъ царили легіоны,
И городъ цвѣлъ. А нынѣ прахъ и тлѣнъ.

Упали въ море стройныя колонны.
Среди камней по древнимъ камнямъ стѣнъ
На жгучемъ солнцѣ вьются хамельоны,
И красный макъ въ мѣстахъ былыхъ аренъ.

Кой-гдѣ хранитъ забытая руина
Слѣды руки: узоры, письмена—
Властителей-героевъ имена.

Но тусклъ ихъ звукъ, какъ пѣсня бедуина.
Лишь море на кладбищѣ древнихъ лѣтъ
Твердитъ землѣ: все—суета-суетъ».

Въ то время, какъ я творилъ эту заупокойную мессу, около моря на камнѣ, подошелъ арабъ, рабочій, можетъ быть, рыбакъ. Во всякомъ случаѣ—бѣднякъ, нищій, что ясно было по его рваной абаѣ.

Онъ долго внимательно смотрѣлъ на мои бѣглыя каракули, потомъ медленно опустился на корточки и, разинувъ беззубый ротъ, слѣдилъ неподвижными глазами за моей работой, какъ за колдовствомъ.

Сквозь его лохмотья, какъ старая верблюжья кожа, темнѣла грудь. Длинныя обезьяньи руки лежали на колѣняхъ, и громадные, скрюченные пальцы, покрытые бурой сморщеной кожей, машинально шевелились, повторяя движенія моей руки.

Это былъ одинъ изъ хозяевъ нынѣшней Кесаріи. На мѣстѣ царей, героевъ, апостоловъ и мучениковъ—теперь этотъ дикарь влачитъ свои жалчайшіе дни, не имѣя понятія объ этомъ прошломъ, мало думая о настоящемъ и совсѣмъ не заглядывая въ будущее.

Когда я кончилъ писать и, положивъ книгу въ карманъ, поднялся съ камня, онъ поднялся также и, протянувъ мнѣ свою обезьяню лапу, произнесъ:

— Бакшишъ. Христосъ... восикре...—Хотѣлъ достать свой крестъ, но креста не было, и пришлось ограничиться только тѣмъ, что поколотить себя въ грудь.

Такъ! У меня оставалось утѣшеніе, что эта жалкая получеловѣческая фигура—христіанинъ.

Кайфа.

Голубовато-зеленое спокойное море, все обласканное солнцемъ, которое склоняется къ западу и ткетъ на водѣ новые узоры въ новыхъ, болѣе мягкихъ тонахъ.

Двое слѣпыхъ, сухорукій и горбатый, сидятъ на покрытомъ тентомъ трюмѣ. Ихъ окружили бабы-богомолки и поятъ чаемъ. Калѣкамъ недурно живется въ пути: у нихъ всегда есть, что закусить, и чай пьютъ постоянно. За ними ухаживаютъ бабы не то для спасенія души, не то по традиціи.

У горбатаго тоже исковеркана рука.

— Во снѣ приключилось,—объясняетъ онъ свое уродство.

— Какъ во снѣ? Вѣрно, уронили?

— Нѣтъ, чего ронять! На полу спалъ, вотъ и приключилось. Началось съ руки, руку скрючило. Лѣчить стали,—противъ Бога, значитъ, пошли. Господь горбомъ наказалъ: сталъ горбъ расти,—и вотъ я какой теперь.

И сухорукій и слѣпые—тоже пытаются объяснить свое уродство таинственнымъ происхожденіемъ. Но лица ихъ исковерканы оспой, и ослѣпли они какъ разъ послѣ оспы. А у сухорукаго, очевидно, суженіе жилъ. И эти трое—молодые еще мужики.

— Связать насъ всѣхъ четверыхъ, да и въ море. Только грѣхъ да докука людямъ!—чистосердечно заявляетъ сухорукій.

— Зачѣмъ связывать, и связывать не зачѣмъ!—иронически добавляетъ горбатый:—и безъ связки далеко не уплывемъ.

Бабы въ страхѣ качаютъ головами:

— Какъ это можно такъ Бога гнѣвить!

— Чего ужъ гнѣвить! Богъ-то раньше, видно, на насъ прогнѣвался за грѣхи родительскіе. Родители-то грѣшатъ, а дѣти въ отвѣтѣ.

Одна изъ бабъ, совсѣмъ еще молодая, съ кроткимъ, миловиднымъ лицомъ, тихо стонетъ и закрываетъ лицо руками.

Я и раньше обратилъ на нее вниманіе на пароходѣ. Случалось замѣчать, какъ она плачетъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и за ея одинокими слезами чувствовалось настоящее горе.

— Чего ты, болѣзная?—сострадательно спрашиваетъ ее сухорукій.

Она отвѣчаетъ не сразу:

— Младенецъ умеръ безъ святого крещенія. Слабъ былъ больно. Спервоначала-то крестить не рѣшались, а онъ и померъ.

Этотъ грѣхъ упалъ на мать и отца страшной тяжестью. Мужъ самъ отправилъ ее въ Іерусалимъ замаливать: ему-то нельзя домъ и землю оставить.

— Говорятъ, въ Виѳлеемѣ отецъ Евфимій есть, іеромонахъ, такъ онъ и послѣ смерти Святымъ Духомъ креститъ,—сквозь слезы говоритъ она и обводитъ всѣхъ робко-вопросительнымъ взглядомъ.

— Есть, есть, только беретъ больно дорого,—замѣчаетъ одинъ изъ слѣпыхъ.

— Ну, да вѣдь и дѣло не легкое,—добавляетъ другой.—Надо такую молитву знать, да и поклоновъ отбить столько, что у другого головы не хватитъ.

Но тутъ паломница-баба изъ такъ называемыхъ зазывалокъ, которая уже разъ шесть была въ Іерусалимѣ и зазываетъ къ греческимъ монахамъ поклонниковъ и поклонницъ на всякія жертвы, скороговоркой замѣчаетъ:

— Чего зря-то болтать! «Дорого»! Съ кого дорого, съ кого дешево. Опять же, ежели съ эпитимьей, дешевле, а безъ эпитимьи—дороже.

Но растерянная мать согласна на все—и деньги согласна заплатить какія угодно. Грѣхъ ея, какъ скоро выясняется, въ томъ, что ребенокъ родился въ январѣ. Значитъ, зачатъ былъ Великимъ постомъ, а, можетъбыть, и на Страстной недѣлѣ.

Я встрѣтилъ впослѣдствіи эту несчастную въ Іерусалимѣ. У нея не осталось ни копейки денегъ: монахи все вытянули за отпущеніе грѣха и за посмертное крещеніе ея младенца; но, несмотря на свое нищенское положеніе, она явно просвѣтлѣла.

— Хоть взяли все, да зато грѣхъ сняли,—съ радостными слезами объясняла она.—Спервоначала-то іеромонахъ за десять рублей взялся, а потомъ, говоритъ, все труднѣе да труднѣе... Не спорилось... Ну, я такъ по пятишкѣ набавляла. Оно и вышло всѣ сорокъ цѣлковыхъ, что у меня были. Да ничего. По-хорошему вышло. И въ крестные отцы на томъ свѣтѣ самого святого Николая Угодника умолили, а крестной—великомученицу Параскеву. Теперь его душенька освободилась отъ нечистаго и въ ангельскомъ чинѣ пребываетъ.

— Такъ, такъ. А какъ же домой ты теперь вернешься безъ денегъ?

— Ничего... какъ-нибудь... милостыней Христовой. Въ жизнь не просила, да тутъ такое дѣло: пока письмо до дому дойдетъ, пока что... Развѣ я одна въ Іерусалимѣ такъ-то...

Надъ Кайфой, на горѣ, покрытой лѣсомъ, лежитъ легкая тѣнь, но городъ по склону освѣщенъ, и ярко зеленѣютъ внизу правильные квадраты полей, въ то время какъ незасѣянныя поля кажутся мѣдно-красными. Восточная часть города совершенно теряется среди основательныхъ нѣмецкихъ построекъ съ красными покатыми черепичными крышами. Прямой ли-

ніей отъ города восходитъ на Кремль бѣловатая дорога, часть которой также свѣтится среди зелени. Слѣва отъ насъ — сѣрый пароходъ съ красными трубами, сверкающими на солнцѣ. За нимъ — красный пароходъ, и два человѣчка висятъ у его борта надъ водой, покрываютъ ослѣпительно красный vermillon черной краской. Пустыя суденышки качаются вдали отъ берега. Солнце еще довольно высоко надъ моремъ справа, и ослѣпительно сверкаетъ по еле замѣтной зыби его отраженіе. Свѣтится и песчаная полоса у берега подъ ярко-синей оторочкой волнъ, и за этой полосой, какъ въ оазисѣ, темнѣютъ высокія стройныя пальмы, разстрѣливая вѣерами свои легкія, гибкія перья.

На ютѣ столпились палубные пассажиры, и красныя фески яркими пятнами шевелятся среди мѣховыхъ шапокъ, картузовъ и нелѣпыхъ случайныхъ шляпъ паломниковъ. Матросъ справа на борту, прикрутивъ себя сѣткой къ поручнямъ, закидываетъ лотъ и громко кричитъ по направленію къ мостику:

— 32... 31... 28... 15...

— Стопъ!

Мы высаживаемся у первобытной набережной съ источенными древними камнями, около которыхъ тѣснятся лодки перевозчиковъ и рыбаковъ.

Старый черный арабъ съ бѣлой бородой, дѣлающей его физіономію траурной, бросается къ намъ, чтобы помочь вылѣзть изъ лодки, но нашъ лодочникъ безцеремоннымъ пинкомъ отталкиваетъ его въ сторону.

Я прохожу мимо почернѣлыхъ зданій, выхожу на маленькую площадь, гдѣ торгуютъ рыбой, и беру здѣсь коляску на Кармель, въ католическій монастырь, построенный еще Карломъ X. За часъ до насъ пришелъ австрійскій пароходъ; на площади уже толпятся туристы.

По узкой улицѣ экипажъ поднимается вверхъ, при чемъ извозчикъ трубитъ изо всей силы въ предупрежденіе встрѣчныхъ экипажей. Бѣлые барашки, мѣченные красной краской, сбиваются къ каменной стѣнѣ вмѣстѣ съ своимъ чернымъ пастухомъ и испуганно глядятъ на насъ. Черезъ заборъ свѣшиваются густыя, темно-лиловыя кисти буагонвиля, похожія на цвѣты глициніи. Бѣлые камни поражаютъ своей чистотой. Начинается нѣмецкая колонія.

Прямыя улицы. Основательныя постройки. Чистыя окна съ бѣлыми занавѣсками. Аккуратная зелень деревьевъ, аккуратные огороды. И не то, чтобы деревья были подстрижены, но они какъ-будто не смѣютъ расти здѣсь въ безпорядкѣ, въ присутствіи этихъ похожихъ одинъ на другой бѣлыхъ домовъ съ красными кровлями, и даже старыя масличныя деревья кажутся здѣсь выравненными подъ одну стать.

Въ одно изъ открытыхъ нѣмецкихъ оконъ доносятся звуки піанино: дѣтская рука разучиваетъ гаммы; и эти звуки кажутся также чистенькими и аккуратными, какъ звуки механическаго инструмента.

Красный макъ сверкаетъ въ зелени, и чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ его больше. Попадаются цѣлыя полянки, такою радостью сверкающія на солнцѣ, какъ-будто въ зелени разсыпали пылающіе угольки.

Нашъ пароходъ вдали на морѣ становится все меньше и меньше по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся вверхъ. Городъ уходитъ, и дома представляются сбившимися въ кучу и кое-гдѣ громоздящимися другъ на друга. Зато справа, внизу, широко развертывается долина со всѣмъ богатымъ разнообразіемъ зеленыхъ тоновъ, среди которыхъ темнѣютъ масличныя, дубовыя и лавровыя деревья.

Вся долина какъ-будто прижалась къ морю, которое съ высоты кажется необычайно легкимъ, нѣжнымъ и ровнымъ, какъ туго натянутый синій шелкъ.

По долинѣ вьется шоссе. На немъ, какъ игрушечная, стоитъ коляска съ парой лошадей, и на ярко освѣщенной зелени въ сторонѣ, у семьи громадныхъ деревьевъ, чернѣютъ пять фигуръ восточныхъ женщинъ; онѣ вышли изъ экипажа, чтобы дать ногамъ радость коснуться свѣжей зеленой травы.

— Іо!—погоняетъ арабъ лошадей дикимъ гортаннымъ крикомъ, и онѣ бодро поднимаютъ насъ все выше и выше. Справа—стѣна зелени; слѣва—обрывъ. Синеватые кактусы топорщатся живой изгородью, раскидывая зеленыя широкія лапы, точно въ живой междоусобной схваткѣ.

На пути съ насъ взяли какую-то мелочь на покрытіе расходовъ по устройству шоссе. Мѣстные арабы постоянно портятъ это шоссе, чтобъ имѣть работу, и монахи ничего не могутъ подѣлать съ этимъ зломъ.

По временамъ, оглядываясь назадъ, я вижу все то же море, городъ и дальше—Акру, верстахъ въ двѣнадцати отъ Кайфы, на финикійскомъ берегу, на мѣстѣ древней Птолемаиды, и Ливанъ, среди котораго Гермонъ сіяетъ, какъ бѣлое облако. Свѣтлый, радующей красотой возносится въ синеву его вершина, и, кажется, именно она придаетъ горамъ такую изумительную легкость и воздушность.

Когда мы въѣхали въ монастырскія ворота, солнце между черныхъ кипарисовъ склонялось къ западу. Звонилъ монастырскій колоколъ и наполнялъ жужжаньемъ предвечернюю тишину. Съ сѣверо-запада на востокъ синѣло море, сиреневое вдали, мягко шумя подъ крутой горой, на краю которой бѣлѣетъ башня маяка. Здѣсь недавно почти подъ самымъ маякомъ, среди бѣла дня, налетѣлъ на подводный камень итальянскій пароходъ «Венецуэла». Около 100 человѣкъ спасенныхъ трое сутокъ жили въ домикѣ возлѣ маяка. Пять лѣтъ тому назадъ здѣсь же погибъ австрійскій пароходъ.

Передъ самымъ монастыремъ—небольшой садикъ съ цвѣтущими олеандрами и розами. Тутъ воздвигнутъ памятникъ двумъ стамъ французамъ, которыхъ оставилъ въ монастырѣ Наполеонъ послѣ неудачной осады Акры. Больныхъ и усталыхъ Джезаръ-паша перерѣзалъ всѣхъ и разрушилъ монастырь. Мальчикъ-туристъ, проходя мимо дверей монастыря, попросилъ провожающаго насъ монаха-итальянца сыграть на органѣ. Тотъ съ радостью исполнилъ его просьбу,—и вотъ въ удивительно бѣлой, небольшой монастырской церкви раздались звуки органа и поющіе голоса, наполняя пустоту храма и собираясь подъ куполомъ, въ то время, какъ солнце закатывалось за моремъ.

Въ глубинѣ церкви алтарь надъ пещерой, гдѣ, по преданію, жилъ Илья пророкъ. Въ пещерѣ звѣздочкой свѣтится неугасимая лампада. Зажгли еще свѣчу, и это было жаль, потому что сразу выступили черные камни пещеры и грубо сдѣланное изображеніе Ильи пророка.

Монахъ провелъ насъ отъ пещеры въ монастырскую пріемную, гдѣ пріѣзжающихъ угостили ликеромъ мѣстнаго издѣлія изъ растущихъ на Кармелѣ травъ. Монахъ расхваливалъ намъ достоинство этого напитка, по его словамъ, весьма полезнаго для желудка, и скромно предложилъ пріобрѣсти по три франка за бутылку. Тутъ же продавались картолинки и разные предметы благочестія изъ перламутра, дерева и камня, а также лѣпныя изображенія Божьей Матери, Которая, по преданію, бывала на Кармелѣ.

Изъ пріемной насъ повели осматривать монастырь. Женщинамъ не полагается посѣщать монашескую обитель,—ихъ повели на маякъ. Въ монастырѣ всего восемнадцать человѣкъ братіи; маленькія кельи выходятъ окнами на море и полны тишины и унынія. Зато въ коридорѣ гулко отдается звукъ шаговъ, и нашъ проводникъ получилъ отъ стараго монаха замѣчаніе за то, что слишкомъ шумно ведетъ насъ мимо церковныхъ ложъ,

гдѣ въ этотъ часъ монахи предаются благочестивому размышленію.

— Scusate, parde! Sono dementicato, — пробормоталъ сконфуженный итальянецъ, опуская глаза.

При монастырѣ—музей окаменѣлостей, собранныхъ въ окрестностяхъ; окаменѣлости напоминаютъ дыни, тыквы и прочіе плоды и, по преданію, найдены въ полѣ, проклятомъ пророкомъ Ильей за нечестіе хозяевъ.

Чрезъ монастырскіе коридоры мы поднимаемся на плоскую кровлю монастыря и оттуда любуемся великолѣпнымъ видомъ на окрестность.

Какъ радостно послѣ тѣсныхъ монастырскихъ келій и сводчатыхъ коридоровъ снова очутиться на свободѣ, на воздухѣ! Какъ дико и нѣжно благоухаютъ степная травка и цвѣты! Красная азалія въ садикѣ какъ-будто затаила еще въ своихъ яркихъ цвѣтахъ заревой свѣтъ, и цвѣты эти сіяютъ великолѣпіемъ лампадъ, которыхъ не найдешь ни въ одномъ монастырѣ.

Не хочется спускаться внизъ, несмотря на то, что наступаютъ сумерки; вспыхиваютъ огни на морѣ, въ Кайфѣ и, наконецъ, на кармельскомъ маякѣ. Блекнутъ краски, стушевываются очертанія предметовъ, и среди тишины и сумрака, въ уединеніи встаетъ грозная фигура святого отшельника то съ гнѣвно-горящимъ взоромъ и какъ бы бурей разметанными волосами проклинающаго и избивающаго жрецовъ Ваала, то бѣгущаго въ неистовомъ вдохновеніи передъ колесницей Ахава черезъ всю Ездрилонскую долину.

Образъ пророковъ Ильи и Елисея витаетъ надъ этой высокой горой, благодаря многочисленнымъ пещерамъ похожей на соты, и переноситъ въ библейскія времена, когда отшельники не дѣлали ликеровъ и не торговали предметами благочестія, а скрывались въ пещерахъ, дружили съ птицами и дикими звѣрьми и грозно выступали на борьбу съ нечестіемъ и порокомъ, неукротимые въ

гнѣвѣ и радости, вдохновенные въ молитвахъ и пророчествахъ.

Уже вечеромъ, при звѣздахъ, мы спускаемся внизъ по крутой дорогѣ.

Въ Кайфѣ всюду свѣтятся огни. Тепло, тишина и благоуханіе окружаютъ душу покоемъ и лаской. Въ нѣмецкихъ домахъ окна открыты; тамъ послѣ трудового дня отдыхаютъ честные и аккуратные нѣмцы, и ровный огонь лампы освѣщаетъ ихъ довольныя, сытыя физіономіи, а портретъ кайзера Вильгельма смотритъ съ бѣлой стѣны, свидѣтельствуя, что и здѣсь, гдѣ нѣкогда цвѣли великолѣпные финикійскіе города, откуда по всему міру расходились драгоцѣнныя пурпурныя ткани, гдѣ въ уединеніи спасался Илья и трудился Пиѳагоръ,— нѣмцы могутъ чувствовать себя дома и на все накладывать крѣпкую печать: «Made in Germany».

Мудрецъ изъ Кайфы.

— Сегодня мы пойдемъ къ Аббасу Эффенди,—торжественно возвѣстилъ мнѣ мой кайфскій пріятель Халиль-Бедасъ.

Халиль-Бедасъ—интересная личность. Онъ—настоящій арабъ, живой, энергичный, способный и предпріимчивый. Это—одинъ изъ лучшихъ преподавателей-арабовъ въ Палестинскомъ обществѣ, но кайфская школа такая маленькая и помѣщается въ такой скверной конурѣ, что онъ стѣсняется ее показывать.

Палестинское общество все ищетъ и никакъ не можетъ найти для своей школы подходящее помѣщеніе въ Кайфѣ, и въ то время, какъ для паломниковъ здѣсь цѣлыхъ три пріюта, изъ которыхъ два,—одинъ въ Кайфѣ, другой въ Кармилѣ—принадлежатъ миссіи, а третій Палестинскому обществу,—школа ютится на задворкахъ.

Но, кромѣ школы, Халиль-Бедасъ занятъ своимъ журналомъ. Журналъ ежемѣсячный. Тутъ есть и статьи, и стихи, и беллетристика, главнымъ образомъ, конечно, переводная. Халиль-Бедасъ хорошо знаетъ русскій языкъ и много переводилъ русскихъ авторовъ. Послѣдній его переводъ для своего журнала романа А. Толстого «Князь Серебряный» очень понравился арабскимъ читателямъ. Журналъ идетъ отлично, но Халиль-Бедасъ почти весь его заполняетъ своими работами: онъ издатель, редакторъ, переводчикъ, журналистъ, корректоръ и даже—конторщикъ. Словомъ, настоящій американецъ.

Меня очень обрадовало его предложеніе отправиться къ Аббасу Эффенди: Аббасъ Эффенди—представитель

секты бабидовъ. Отецъ его, Бега Алла (Сіяніе Божіе), былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ основателя секты Баба, признаннаго носителемъ духа истины по евангельскому тексту:

«Егда же пріидетъ утѣшитель, его же Азъ пошлю вамъ отъ Отца, духъ Истины, иже отъ Отца исходитъ: Той свидѣтельствуетъ о Мнѣ».

Бабиды—эклектики. Ихъ идея—объединить тору, евангеліе и коранъ. Они не только противъ многобрачія, но проповѣдуютъ также и равноправіе женщинъ. Однако, у нихъ нѣтъ особеннаго стремленія искать приверженцевъ и послѣдователей, хотя таковые есть повсюду, а у насъ, главнымъ образомъ,—на Кавказѣ.

Въ 50-году Бабъ былъ казненъ въ Персіи, и съ нимъ раздѣлила смерть его послѣдовательница Карретъ-аль-Айнъ,—Услада очей, прозванная такъ за свою необыкновенную красоту.

Послѣ этого Бега Алла съ младшимъ братомъ бѣжалъ изъ Персіи и нашелъ покровительство у турецкаго султана. Но между Бега Аллой и его братомъ Субхи Эзенъ (Заря Вѣчности), жившимъ въ Адріанополѣ, возникли раздоры, которые едва не дошли до убійства. Бега Алла просилъ поселить его въ другомъ городѣ, и его поселили въ Аккѣ, а Субхи Эзена—на Кипрѣ. Онъ и тамъ продолжалъ претендовать на первенство, но имѣлъ мало послѣдователей.

Въ 90-хъ годахъ Бега Алла умеръ, и вѣнецъ, озарявшій его святость, перешелъ на сына его, Аббаса Эффенди. Онъ хотѣлъ вернуться въ Персію, но тамъ Насръ-Эддинъ устроилъ вторично рѣзню бабидовъ, считая ихъ вредной революціонной сектой. Пришлось оставить эту мечту и жить въ Аккѣ, но и тутъ онъ былъ далеко не въ безопасности.

Когда въ Турціи началось броженіе, Абдулъ-Гамидъ подозрительно вытянулъ на Аббаса Эффенци, и жизнь его съ этого дня была обречена. Онъ жилъ въ Аккѣ на

положеніи плѣнника, за каждымъ шагомъ котораго слѣдили. Только съ введеніемъ конституціи ему разрѣшили переѣхать въ Кайфу, и онъ поселился здѣсь въ собственномъ домѣ.

Насъ ввели въ большую залу, наполовину восточнаго характера, и черезъ минуту вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ невысокаго роста старикъ, лѣтъ 75. Мнѣ прежде всего бросилось въ глаза его сходство съ Л. Толстымъ, которое еще больше, чѣмъ въ чертахъ лица, заключалось въ выраженіи, придаваемомъ глазамъ и лицу зоркой творческой мыслью, посвященной всецѣло безкорыстному служенію человѣчеству. Но лицо Аббаса Эффенди необыкновенно красиво. Теперь прекрасны его глаза, переливающіеся, какъ морская вода, въ темнолиловыхъ глубокихъ впадинахъ. На головѣ его была бѣлая чалма, и его шелковый темный халатъ покрывалъ ноги, обутыя въ мягкіе сапоги.

Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ пригласилъ насъ садиться, и тотчасъ же подали намъ кофе въ маленькихъ чашечкахъ и папиросы.

Безъ малѣйшаго принужденія, съ той легкостью, которая сразу разрушила обычную неловкость первой встрѣчи, онъ сталъ разспрашивать насъ о Россіи. И странное совпаденіе: одинъ изъ первыхъ вопросовъ, которые онъ задалъ мнѣ, былъ вопросъ о Л. Толстомъ. Все, что Толстой пишетъ, онъ зналъ отлично, но ему хотѣлось знать многое другое, касавшееся Толстого. Я сказалъ ему, что зналъ. Онъ выслушалъ все съ глубокимъ вниманіемъ.

Мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, чувствовалась большая сила, онъ отвѣтилъ на мои слова:

— Русскій народъ долженъ быть счастливъ, что онъ имѣетъ Толстого, но и Толстой долженъ быть счастливъ, что родился въ такой странѣ, такъ какъ только истинное внутреннее величіе народнаго духа создаетъ величіе писателя. Ученіе Толстого возникло, какъ пары изъ

самыхъ нѣдръ земли, и потому падаетъ на землю, какъ благотворный дождь.

Я упомянулъ о томъ, что гоненію подверглось и ученіе бабидовъ и, въ частности, коснулось Аббаса Эффенди. Съ улыбкой горечи и сожалѣнія Аббасъ Эффенди сознался, что это правда. И лично ему грозила смерть, но Богъ не допустилъ до этого. Сколько разъ друзья уговаривали его бѣжать изъ Акки, но кто бѣжитъ отъ опасности въ подобныхъ случаяхъ,—бѣжитъ отъ самого себя. Аббасъ Эффенди остался въ Аккѣ, и пароходъ, который не разъ подходилъ ради него въ темныя ночи съ потушенными огнями къ аккскому побережью, уходилъ безъ того, за кѣмъ былъ посланъ.

Я заинтересовался, гдѣ могу найти книги, въ которыхъ сообщались бы поученія самого Аббаса Эффенди, и онъ сказалъ, что недавно такая книга вышла въ Америкѣ на англійскомъ языкѣ. Одна американка, заинтересовавшаяся личностью и ученіемъ Аббаса Эффенди, въ продолженіи двухъ лѣтъ записывала его изреченія.

— Все, что написано ею, сказано мною,—подтвердилъ Аббасъ Эффенди.

Кромѣ того, есть еще лично ему принадлежащія книги, но онѣ имѣются только въ Тегеранѣ на персидскомъ языкѣ у избранныхъ людей, такъ какъ персидское правительство уничтожало ихъ, гдѣ могло.

Мы пробыли часа два у этого замѣчательнаго человѣка. Въ томъ, что я передалъ здѣсь, правда, нѣтъ ничего особенно выдающагося. Но, кромѣ мыслей, высказанныхъ въ поверхностной бесѣдѣ, да еще при помощи переводчика, было еще что-то за словами этого старика, всегда краткими, какъ афоризмы, образными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простыми, искренними, что-то не поддающееся передачѣ, но полное обаянія, что придавало значительность и силу даже самымъ простымъ его рѣчамъ.

Узнавъ, что мы собираемся въ Акку, онъ предложилъ намъ въ спутники одного изъ своей свиты. Эта любезность очень насъ обрадовала: такимъ образомъ представлялась возможность осмотрѣть замѣчательные сады Аббаса Эффенди около Акки, а главное—могилу его отца, которая недоступна безъ разрѣшенія сына.

Акка видна изъ Кайфы особенно хорошо въ ясную погоду. Изгибаясь довольно правильной лукой, берегъ длиннымъ мысомъ выступаетъ въ море, и на этомъ мысу бѣлѣютъ стѣны крѣпости и домовъ этого древняго города, во времена Филопатра Птоломея и дальше извѣстнаго подъ именемъ Птолемаиды. Также поминается онъ и въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ» (XXI—7).

«Мы окончили плаваніе, прибывъ изъ Тира въ Птолемаиду, гдѣ, привѣтствовавъ братій, пробыли у нихъ одинъ день».

Въ «Книгѣ Судей» этотъ городъ поминается, какъ Аккора, а у грековъ уже называется Акка, что значитъ «излеченіе», такъ какъ при его рѣкѣ Кердана, или Белусѣ, растетъ цѣлебная трава, которой, если вѣрить баснѣ, вылечился послѣ укуса змѣи Геркулесъ. Уже крестоносцы называли Акку Сенъ-Жанъ д'Акръ. Около ста лѣтъ владѣли христіане замѣчательной крѣпостью, но тщеславная жизнь христіанскихъ вождей привела и ее къ паденію. Въ 1291 году Акка перешла въ руки султана Халиля, а черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ ею овладѣли турки.

При владычествѣ въ Аккѣ паши Джезара, прозваннаго палачомъ за свою чудовищную жестокость, Акка выдержала двухмѣсячную осаду Наполеона и не сдалась. Я уже писалъ раньше, какъ жестоко обошелся Джезаръ съ больными и ранеными, оставшимися послѣ Наполеона на Кармилѣ. Онъ же возстановилъ и украсилъ Акку.

Путь въ Акку очень оригинальный: одна пара колесъ все время идетъ по водѣ, а другая по песку. Такъ отъ самой Кайфы до крѣпости.

Выѣхалъ я часовъ въ двѣнадцать утра. День былъ не жаркій, и съ моря обвѣвало свѣжестью. Широкая полоса песка, за которой пальмы вдоль желѣзнодорожнаго пути стояли, какъ высокія колонны, у воды была довольно плотной, такъ что ѣхать было нетрудно. И весело становилось на душѣ отъ торжественнаго шума волнъ, которыя яркой лазурью и пѣной сверкали на солнцѣ и подкатывались подъ самыя ноги лошадей. Одна за другой катились высокія волны, выбрасывая иногда на берегъ вырванныя со дна губки, которыя маленькіе краббы принимали, вѣроятно, за опасныхъ враговъ. Какъ легкіе паучки, краббы проворно бѣжали по песку, скрываясь въ круглые ходы, которые иногда лошади покрывали своими копытами, и выскакивали съ другой стороны. Они такъ дѣловито сновали по песчаному пляжу, какъ будто не только это побережье, но и само море принадлежало имъ.

На полпути отъ Кайфы намъ пришлось переѣзжать впадающій въ море библейскій потокъ Киссонъ. Его вода рѣзко отличается по цвѣту отъ морской, и потокъ Киссонъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто море высунуло тутъ свой языкъ.

На полдорогѣ стоитъ бѣлый домикъ; около него—бѣлая лошадь съ арабскимъ сѣдломъ: тутъ всегда стражникъ. Мѣсто—пустынное, и грабителямъ было бы раздолье и съ суши, и съ моря. Иногда на берегу моря попадаются осколки дерева: обломки разбитыхъ о камни судовъ, которыми волны играютъ, то оставляя ихъ на пескѣ, то подхватывая снова бѣлыми лапами; точь-въ-точь, какъ кошка играетъ съ задушенной мышью.

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Аккѣ, тѣмъ меньше она видна, и около самаго города, окрестности котораго зелены и красны, передъ глазами выростаютъ однѣ стѣны—высокія крѣпостныя стѣны, обращенныя къ морю угломъ.

Здѣсь стѣны двойныя и между ними, и передъ ними—глубокіе рвы.

Мы въѣхали въ сводчатыя, каменныя ворота, и я увидѣлъ въ первый разъ такой оригинальный восточный городъ-крѣпость. Узкія улицы, съ домами, обращенными окнами внутрь и также больше похожими на крѣпость, чѣмъ на обыкновенныя жилища. При этомъ, на каждомъ поворотѣ сводчатыя каменныя ворота, придерживаемыя то громаднымъ чугуннымъ ядромъ, а то такъ и пушкой. И надо видѣть, что это за ворота! Они точно изъ желѣза. Но давно уже не затворяютъ ихъ, и они напоминаютъ дряхлый переплетъ книги, листы которой исчезли, истлѣли.

Странная тишина стоитъ въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ, хотя жителей здѣсь достаточно. Ни обычнаго восточнаго шума, ни суетливыхъ растерянныхъ туристовъ. Дома крѣпости какъ будто оглохли и ослѣпли отъ этой вѣчной замкнутости, а люди стали, какъ и всюду, похожи на свои жилища.

Въ послѣднее время разрѣшается селиться за стѣнами Акки, и когда я вышелъ изъ ея стѣнъ съ той стороны, гдѣ она совершенно неприступна,—тутъ шла энергичная работа надъ новыми сооруженіями.

Ахъ, да, поскорѣе на свободу, на свободу изъ этихъ высокихъ тѣсныхъ стѣнъ! За ними такъ широко и опьяняюще красиво море. Дѣти безъ штанишекъ бѣгаютъ внизу по обросшимъ мхомъ камнямъ, остаткамъ древняго молла, и ловятъ краббовъ. Въ проломы стѣнъ синѣетъ небо, и заржавѣвшія пушки прячутся около древнихъ крѣпостныхъ камней, какъ будто имъ стыдно и дѣтей, и людей, и неба.

Аббасъ Эффенди, какъ и его отецъ, долгое время жилъ въ самомъ большомъ домѣ въ Аккѣ, построенномъ Джезаромъ. Тамъ же жилъ потомъ его не менѣе жестокій замѣститель Абдала. Это настоящая крѣпость, и ворота, ведущія туда, такъ тяжелы, что

съ трудомъ поворачиваются на своихъ петляхъ, а замокъ теперь уже упраздненъ. Ворота припираются щеколдой и чугуннымъ громаднымъ ядромъ. Но я видѣлъ ключъ отъ этого замка. На него нельзя смотрѣть безъ смѣха: такъ онъ нелѣпо великъ.

Всѣ старые, съ бѣлыми бородами и въ бѣлыхъ чалмахъ, хранители и слуги этого замка вышли на стукъ ждавшаго насъ стараго перса изъ свиты Аббаса Эффенди.

Они показали намъ опустѣлый домъ и садикъ, вѣрнѣе—цвѣтникъ при домѣ, гдѣ стоитъ маленькая бесѣдочка. Тутъ любилъ проводить свободные часы глава бабидовъ. Цвѣтникъ все еще поддерживается, но ужъ не такъ, какъ при немъ, и мнѣ онъ чѣмъ-то неуловимымъ напомнилъ дѣтское кладбище, которое видѣлъ я до землетрясенія въ Мерсинѣ. Только тамъ изъ цвѣтовъ какъ будто выростали черные крестики, а здѣсь не было ни крестовъ, ни камней.

Отсюда поѣхали мы въ лѣтнюю резиденцію Аббаса Эффенди—туда, гдѣ теперь могила его отца.

Дорога идетъ между хлѣбами, вдоль полуразрушеннаго древняго акведука, который теряется среди цѣлаго лѣса пальмъ, банановъ и фруктовыхъ деревьевъ. Этотъ лѣсъ орошается сильнымъ легендарнымъ источникомъ Кердане и другимъ источникомъ—Танусомъ. Мы миновали ихъ и сдѣлали сначала маленькую остановку у странноприимнаго дома бабидовъ, также окруженнаго цвѣтами, среди которыхъ много розъ, а затѣмъ поѣхали дальше къ холму, гдѣ стоитъ большой домъ. Въ этомъ домѣ, восточнаго характера, съ фронтономъ, украшеннымъ примитивными восточными рисунками, съ крытой галлереей и цвѣтными окнами, доживалъ когда-то свои дни благословенный Бега Алла. Тутъ же онъ умеръ и былъ схороненъ.

Громадные ливанскіе кедры, какъ обширный царскій шатеръ, темнѣютъ неподалеку отсюда. А за кедрами—

море, глубокая синева котораго подчеркнута у берега широкимъ золотистымъ зигзагомъ песка.

Мы сняли обувь и пошли на могилу, также всю окруженную цвѣтами.

Эта могила—въ особомъ павильонѣ, представляющемъ собою нѣчто вродѣ лѣтняго сада. Подъ стекляннымъ куполомъ тамъ цвѣтутъ рѣдкіе, выхоленные и всегда свѣжіе цвѣты; это большая комната. Изъ нея ходъ въ другую, поменьше; тамъ—гробница Бега Аллы. Съ благоговѣніемъ хранитель гробницы отперъ намъ дверь.

Я думалъ увидѣть памятникъ, склепъ. Нѣтъ, тутъ не было ничего такого, что связывается съ представленіемъ объ умершемъ.

Комната съ цвѣтными стеклами. Семь серебряныхъ семисвѣчниковъ стоятъ на полу, устланномъ великолѣпными персидскими коврами. Они образуютъ прямоугольный четыреугольникъ, покрытый самымъ дорогимъ ковромъ такого благороднаго рисунка и красокъ, что я залюбовался имъ. И на этомъ коврѣ лежатъ сухіе цвѣты.

Вотъ и все.

Могила подъ ковромъ. Наглухо замурованная мраморная плита безъ всякихъ украшеній и суетныхъ славословій. Но тишина благоговѣйно замерла надъ этой благороднѣйшей гробницей, и, кажется, что это она положила на блеклый мягкій коверъ сухіе несвязанные цвѣты.

Отсюда мы пріѣхали въ любимый садъ Аббаса Эффенди.

Я не могу описать этотъ садъ: онъ сказочно прекрасенъ. Въ немъ, среди темныхъ араукарій, которыя поднимаются, какъ орифламы, пальмъ, олеандровъ, смоковницъ, гранатныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, цвѣтутъ восточными узорами всевозможные цвѣты, а больше всего—бѣлыя лиліи, придающія этому саду необыкновенную нѣжность и чистоту.

Среди сада протекаетъ рѣка; въ ней отражаются прибрежныя деревья, и цвѣты, и восточная мозаика на противоположной сторонѣ. Скрипитъ древнее колесо Нуріи, орошающей садъ, и журчитъ, и плещетъ фонтанъ-цвѣтокъ, изъ котораго по мрачному руслу вода стекаетъ въ рѣчку и снова безъ конца возвращается.

— Аббасъ Эффенди иногда пріѣзжаетъ сюда отдыхать,—почтительно и тихо сказалъ старый арабъ, его садовникъ, связывая для своего господина большой букетъ.—Аббасъ Эффенди любитъ цвѣты. А кто любитъ цвѣты, птицъ и дѣтей, тотъ угоденъ Богу.

Аскалонъ.

Я выѣхалъ изъ Яффы рано утромъ, надѣясь засвѣтло попасть въ Газу и по пути побывать въ Аскалонѣ.

Что за чудное было утро! Ясное, тихое и по-весеннему легкое, оно даже въ городѣ было пріятно. Восточные города рано засыпаютъ и рано просыпаются, но въ этотъ часъ даже на базарѣ не было того движенія, на которое смотрѣть душно. Всѣ голоса и звуки жизни звучали еще какъ-то по-ночному, и это особенно чувствовалось въ задумчивомъ звонѣ двойныхъ и тройныхъ бубенчиковъ, съ которыми тянулись въ Яффу издалека верблюды, нагруженные разными товарами.

А едва только выѣхалъ я за городъ, очарованіе ранняго утренняго часа оказалось еще сильнѣе. Яффскіе апельсиновые сады, отдохнувшіе и освѣжившіеся за ночь отъ дневного зноя наканунѣ, заливали воздухъ своимъ волнующимъ ароматомъ. Сады шли по обѣ стороны дороги, такіе сильные и густые, что высокія пальмы, стоявшія среди нихъ, казалось, задыхались тамъ и тянулись, какъ можно выше изъ ихъ плѣна, въ которомъ имъ было тѣсно, и жутко, и одиноко.

Около фонтана св. Тавиѳы, надъ которымъ даже кипарисы имѣли свой характерный восточный контуръ, дорога раздваивалась. Лѣвая шла къ храму при русской миссіи, правая была наша дорога. Тутъ съ насъ потребовали пропускную плату. Затѣмъ мы миновали ворота еврейской колоніи и школы Микве-Израиль и выѣхали за городскую черту.

Коричневыя палатки бедуиновъ, съ осѣняющими ихъ точно сама печаль деревьями, одинокія могилы шейховъ—все это среди равнины, замыкаемой далекими іудейскими горами, производило впечатлѣніе старины и дикости. Даже созрѣвшіе хлѣба не могли нарушить этого впечатлѣнія: они казались забытыми, такъ какъ колосья ихъ давно просили серпа. Но мѣстные хлѣба, оказывается, долго способны стоять, не осыпаясь, и потому ихъ не очень торопятся убирать.

Слѣва отъ нашего пути, вдали надъ хлѣбами, поднимается селеніе—Бедъ Дагонъ. Когда филистимляне отняли у израильтянъ Ковчегъ Завѣта, они съ торжествомъ привезли его сюда и поставили въ своемъ храмѣ, гдѣ красовался громадный идолъ. На утро съ ужасомъ увидѣли, что идолъ ихъ валялся поверженный передъ Ковчегомъ. Они подняли его, исправили и водрузили на мѣсто, но на другой день повторилось то же самое: Дагонъ лежитъ лицомъ своимъ на землѣ, а голова Дагона и обѣ кисти руки его лежатъ отсѣченныя на порогѣ, только осталась рыбья часть его.

И перенесли Ковчегъ Божій въ Геѳъ, но у жителей Геѳа появились нарывы. Въ Экронъ,—но и Экронъ постигло то же бѣдствіе.

Тогда они поняли, откуда шло это несчастіе, и въ колесницѣ, запряженной дойными коровами, съ дарами, почестями и музыкой вернули Ковчегъ Завѣта своимъ врагамъ—въ Вевсамисъ.

Кое-гдѣ на поляхъ феллахи уже начали убирать хлѣбъ. Черныя женщины помогаютъ убирать хлѣбъ такъ же, какъ это дѣлалось и двѣ тысячи и болѣе лѣтъ тому назадъ. Нашъ извозчикъ остановился, чтобы спросить о чемъ-то работающихъ. Женщина-феллашка по первому же знаку его подбѣжала къ нему, облобызала его руку и съ поклономъ поспѣшила отвѣтить на его вопросъ.

— Не жена ли это нашего кучера?—спросилъ я, удивленный такимъ подобострастіемъ.

— Нѣтъ, таковъ восточный обычай,—отвѣтилъ мой спутникъ, интересный человѣкъ, д-ръ X., личность очень популярная не только въ Яффѣ, гдѣ онъ живетъ въ послѣдніе годы, но и по всѣмъ палестинскимъ еврейскимъ колоніямъ. Еще молодымъ человѣкомъ, сдавъ въ Берлинѣ докторскій экзаменъ, онъ пренебрегъ самыми лестными предложеніями и своей карьерой и отправился въ Палестину, чтобы тутъ работать на землѣ.

Не было новой колоніи, въ которой онъ не являлся бы однимъ изъ первыхъ піонеровъ. Вотъ мы ѣдемъ по землѣ Ришонъ-Сіона, и, указывая на отлично обработанныя поля, докторъ говоритъ мнѣ:

— Это поле мы обработали своими собственными руками. Все это была пустыня, поросшая вотъ такой травой,—указываетъ онъ мнѣ на жилистую и упорную ханьеру, покрывающую арабскую пустошь.—Трава эта метра на полтора уходитъ въ землю корнями. Мы вырывали ее оттуда и дѣлали это не разъ и не два, до тѣхъ поръ, пока земля не сдалась намъ. Въ противоположность феллахской землѣ, земля колонистовъ обрабатывается машинами, и машинами снимается хлѣбъ. Но и здѣсь, такъ же, какъ на поляхъ феллаховъ, вслѣдъ за рабочими идутъ бѣдняки, чаще всего женщины. Еще по библейскому обычаю эти сборщицы колосьевъ—въ большинствѣ вдовы, а если мужчины, то калѣки,—собираютъ оставшіеся на полѣ колосья. Такъ и Руѳь собирала колосья на полѣ Вооза. Тутъ же при дорогѣ они собственными руками обмолачиваютъ зерна и питаются, такимъ образомъ, какъ птицы, тѣмъ, что остается на нивѣ послѣ уборки.

Сухой трескъ кузнечиковъ наливаетъ воздухъ непрерывно-льющимся каскадомъ. Кажется, это трещатъ сами высокіе колосья. Съ этимъ трескомъ удивительно въ тонъ ему сливается шумъ колосьевъ, когда вѣтеръ

пробѣжитъ по нивѣ и заставляетъ ихъ шуршать. Да и самый переливъ солнца на золотѣ колосьевъ какъ будто сопровождается такимъ же монотонно-льющимся звономъ; къ нему въ концѣ концовъ слухъ такъ привыкаетъ, что перестаетъ замѣчать его.

Солнце уже высоко и обѣщаетъ зной. Воздухъ струится надъ красноватыми песками дюнъ, которые какъ будто начинаютъ плавиться.

— Видѣли вы, какъ заживо хоронятся живые?— спрашиваетъ меня докторъ и указываетъ на эти переливающіяся песчаныя дюны, за которыми синью блеститъ Средиземное море.

Эти дюны, эти холмы песку надвигаются на цѣлую рощу мелкихъ смоковницъ, которыя, даже издали, громадны, и сильны, и красивы.

Но что за дѣло до этого пескамъ! Они уже обхватили стволы ближайшихъ къ морю деревьевъ и поднимаются все выше и выше—отъ ногъ къ самому горлу, чтобы обхватить и задушить и покрыть съ головой, какъ парчей, зеленыя, еще живыя, верхушки. А тамъ—чередъ слѣдующихъ. Уже одни будутъ погребены заживо и задохнутся, безсильныя даже сдѣлать движеніе, а другія станутъ биться, какъ бились ихъ погибающіе товарищи, пока не погибнутъ сами.

Но тамъ, гдѣ дюны погребли расцвѣтшія жизни, на ихъ песчаной поверхности, подъ которой гніютъ заживо-схороненныя, поднимается новая жизнь. Я видѣлъ въ Кесаріи цѣлыя поля на такихъ дюнахъ, и на нихъ отлично растутъ хлѣбъ и виноградъ.

Чѣмъ дальше отъ Яффы, тѣмъ менѣе хлѣба зрѣлы. На разстояніи какихъ-нибудь 4—5 часовъ пути—разница въ двухъ—трехъ мѣсяцахъ. Около Яффы сѣютъ пшеницу въ декабрѣ, а здѣсь—въ февралѣ, такъ какъ тутъ позже выпадаютъ дожди.

Ришонъ-Сіонъ съ его отлично обработанными полями, плантаціями винограда, апельсиновъ и миндаля,

съ его прекрасными постройками и огромнымъ, однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ, погребомъ, давно остался позади. Слѣва на холмѣ виднѣются теперь красныя черепичныя кровли еврейской колоніи Катра, а дальше за пальмами—Реховатъ. Тамъ и здѣсь докторъ также трудился на землѣ. Вонъ, точно черепахи, на гору ползутъ плоско крытыя тростникомъ кровли арабской деревни; здѣсь была древняя Явна или Ибна, и деревушка сохранила это библейское имя. Тутъ былъ городъ мудрости: сюда, послѣ разрушенія Титомъ Іерусалима и утраты политической самостоятельности, перевелось все, что было цвѣтомъ еврейской учености. Іоханамъ Бекъ-Закарнъ заявилъ, что народъ можетъ потерять все, но духовная мощь даже и въ плѣну и нищетѣ останется съ народомъ, и ее необходимо беречь.

Мы проѣзжали черезъ Ибну въ разгаръ зноя. Все рѣяло въ текущемъ ослѣпительномъ воздухѣ: хижины, пальмы, огромные кактусы и источникъ, надъ которымъ также знойно кружилось колесо нуріи у колодца, орошающаго арабскіе сады. Отъ этой деревни, отъ ея финиковыхъ пальмъ и банановъ, отъ ея водоорosителя и главное—отъ самаго воздуха, специфически-пряннаго и душнаго, на меня пахнуло Египтомъ. Близость Египта была здѣсь очевидна. Ни въ Іудеѣ, ни въ Самаріи, ни въ Галилеѣ нѣтъ не только подобной растительности, но и подобнаго запаха земли, растеній и людского жилья.

Египетъ.

Дальше, въ Аждидѣ, когда-то одномъ изъ пяти древнихъ филистимлянскихъ городовъ, а теперь—арабской деревушкѣ, этотъ характеръ Египта сказался еще сильнѣе. Тутъ на пустынномъ полѣ шакалъ перешелъ намъ дорогу. Онъ подпустилъ насъ совсѣмъ близко и шелъ медленно по высохшей травкѣ, худой и легкій и вѣрно—голодный.

— Здѣсь ихъ много—сказалъ арабъ-кучеръ. И мнѣ вспомнилось, что именно тутъ Самсонъ наловилъ этихъ звѣрей и поджегъ имъ хвосты. Въ этомъ городѣ у него имѣлась возлюбленная, можетъ-быть, похожая на ту красавицу, которую я увидѣлъ у источника, когда она подняла покрывало, чтобы напиться изъ своего кувшина. Она, замѣтивъ насъ, мгновенно закрыла лицо и походкой царицы пошла въ деревню съ кувшиномъ на головѣ, слегка позвякивая серебряными браслетами на босыхъ ногахъ.

Одѣта она была очень бѣдно, какъ самая простая феллашка, но и у нея на головѣ были украшенія изъ монетъ, какія носили также библейскія еврейки. Эти монеты ни при какой нуждѣ онѣ не продадутъ, и ихъ не смѣетъ коснуться мужъ. О томъ, какъ дорожатъ ими женщины, свидѣтельствуетъ евангельская притча о бѣдной женщинѣ, потерявшей одну серебряную монету и долго искавшей ее въ темнотѣ жилища, которое, очевидно, ничѣмъ не отличалось отъ нынѣшняго.

И очень можетъ быть, что эта женщина-феллашка—настоящая, исконная еврейка. Типъ ея знакомъ мнѣ: но не только это говоритъ о ея еврейскомъ происхожденіи. Феллахи вообще не считаются въ Палестинѣ арабами, хотя говорятъ по-арабски: они навѣрное потомки древнихъ евреевъ, угнетенныхъ завоевателями и оставшихся въ этомъ угнетеніи до сихъ поръ. Говорятъ, что и въ языкѣ ихъ сохранилось много древне-еврейскихъ словъ. Феллахскія деревни также носятъ часто имена библейскихъ городовъ и селеній тамъ, гдѣ мѣста совпадаютъ и населеніе—осѣдлые туземцы-феллахи. Наконецъ, никогда бедуины не производятъ такого впечатлѣнія библейскаго типа пастуха, какъ феллахи.

Около двухъ часовъ дня зной сталъ невыносимъ. Видно было, какъ онъ текъ по землѣ, подобно свѣтящейся свѣтлой рѣкѣ, въ которой тонули и, какъ сквозь струящуюся влагу, проступали холмы, окруженныя са-

дами деревни, и всѣ предметы. Иногда издали такъ ясно представлялось озеро, и отражались въ немъ берега; но это было только марево. Небо на юго-востокѣ начинало мутнѣть: Хамсинъ. Въ Египтѣ теперь совсѣмъ задыхаются люди, да и тутъ иногда вдругъ обливало горячимъ воздухомъ точно изъ камина, гдѣ сразу вспыхнули угли.

Собака, лежавшая у меня въ ногахъ въ экипажѣ, высунула языкъ. Она бѣлая съ черными пятнами. Я провелъ рукой по ея истомленному тѣлу и былъ пораженъ неравномѣрностью температуры: тамъ, гдѣ она была покрыта черною шерстью, рукѣ было почти горячо, а бѣлыя мѣста были гораздо прохладнѣе. Надо было переждать этотъ зной, дать отдохнуть лошадямъ, да и самимъ хотѣлось ѣсть и пить.

Мы остановились въ арабскомъ селеніи Ждудъ, довольно большомъ селеніи, гдѣ много высокихъ сильныхъ пальмъ, въ которыхъ всегда есть что-то благословляющее. Ни малѣйшій вѣтерокъ не шевелилъ ихъ большіе изнемогающіе листья, и онѣ казались заколдованными въ этомъ неподвижномъ знойномъ воздухѣ.

Тутъ, на наше счастье, нашлась гостиница, гдѣ съ удобствомъ можно было расположиться. Гостиницу содержалъ нѣмецъ, которому принадлежитъ здѣсь также небольшая мельница съ керосиновымъ двигателемъ. Впрочемъ, мельница принадлежитъ не одному ему: у него есть совладѣлецъ—священникъ изъ Газы. Я познакомился на другой день съ этимъ священникомъ, личностью въ высшей степени интересною, но о немъ—дальше. Что же касается этого знакомаго, онъ тоже не первый встрѣчный.

Прежде всего—на рукахъ его не достаетъ трехъ пальцевъ: двухъ на правой и одного на лѣвой. Это доказываетъ уже само по себѣ, что ему не дешево далось постоянное общеніе съ машинами. Но и эти семь пальцевъ вмѣсто десяти производятъ такое впечатлѣніе, что

больше, пожалуй, ему и не надо. И этими онъ, кажется, безъ особаго труда согнетъ и разогнетъ подкову и сломаетъ пополамъ серебряный рубль. Сухой и крѣпкій, онъ весь какъ будто одна ловко согнутая, гдѣ надо, пружина

— Ничего лишняго въ этомъ тѣлѣ!—одобрительно сказалъ докторъ.—Но парень еще молодъ. Если у него отношенія съ машинами будутъ продолжаться такъ, какъ свидѣтельствуютъ его пальцы, пожалуй, года черезъ три кое-гдѣ будетъ уже недоставать. Этотъ нѣмецъ лѣтъ двадцать живетъ въ Палестинѣ. Прежде скитался изъ города въ городъ, а теперь обзавелся здѣсь хозяйствомъ и основался довольно прочно. Даже съ арабами успѣлъ сжиться настолько, что его совсѣмъ не тянетъ на родину.

Отсюда всего часа три до Аскалона и немногимъ больше отъ Аскалона до Газы, но нѣмецъ выразилъ сомнѣніе, что мы доберемся до Газы такимъ путемъ, да еще засвѣтло.

— Тамъ идутъ пески, черезъ которые никакой экипажъ не проѣдетъ.

Засвѣтло мы и сами попасть не надѣялись, но нашъ извозчикъ обѣщалъ перевалить черезъ пески.

Зной нѣсколько упалъ. Иногда съ моря подувалъ легкій вѣтерокъ и освѣжалъ воздухъ. Отдохнувшія лошади пошли довольно бодро, и опять потянулись холмистыя равнины, замкнутыя слѣва Хевронскими горами, которыя казались легкими, почти прозрачными, какъ облака. Иногда на дорогѣ попадались караваны верблюдовъ, и верблюды вырисовывались вдали на холмахъ, неподвижные, точно памятники древности, гдѣ все, должно быть, было величественно и больше, чѣмъ нынѣ.

Я въ землѣ филистимлянъ, отъ имени которыхъ произошло и самое слово Палестина. Здѣсь соглядатаи Моисеевы увидѣли чудеса, о которыхъ донесли своему вождю.

«Вси люди, ихъ же видѣхомъ, мужи превысоціи, и тамо видѣхомъ исполины, сыны Энаковы. И града утверждени огражденіемъ велицы зѣло».

Но пустынна дорога, гдѣ въ прежнее время, говорятъ, часты были грабежи каравановъ, идущихъ изъ Египта черезъ Газу. Потокъ Соррекъ далеко отсюда, и какой-то благочестивый мусульманинъ поставилъ большой каменный водоемъ при дорогѣ, который отъ времени до времени наполняется водой. Этотъ похвальный обычай распространенъ на Востокѣ, и каждый, творящій такое доброе дѣло, можетъ болѣе чѣмъ кто-либо разчитывать послѣ смерти на благосклонное отношеніе къ нему Аллаха.

Около арабской деревни Меджира снова засіяли золотомъ хлѣба и зазеленѣли пальмы и сикоморы. Въ самой деревнѣ, похожей на маленькій городокъ, имѣется даже телеграфъ, откуда мы заказали въ Газу приготовить намъ въ гостиницѣ номера. Покуда нашъ экипажъ стоялъ на базарной площади, собралась большая толпа зѣвакъ. Все довольно рослый и красивый народъ, и притомъ много блондиновъ, что среди арабовъ не такъ часто встрѣтишь. Однако, они далеки были отъ библейскихъ сыновъ Энаковыхъ и скорѣе типомъ своимъ напоминали европейцевъ: видимо, кровь крестоносцевъ текла въ нихъ наравнѣ съ арабской, если не больше. Даже въ манерахъ и движеніяхъ ихъ не было той арабской живости и выразительности, какъ это наблюдается всюду, а особенно въ Египтѣ.

Осюда оказалось невозможно пробраться къ Аскалону на лошадяхъ. Пришлось ѣхать на осликахъ, и ослики черезъ минуту явились передъ нами.

Мы покинули экипажъ на время и въ сопровожденіи неутомимыхъ проводниковъ отправились въ Аскалонъ.

Тонкія ослиныя ножки бодро ступали по песку. Однако, ѣхать приходилось шагомъ; копытца погружались въ песокъ, и лошадь здѣсь скоро выбилась бы изъ силъ.

Но симпатичныя животныя, поднявъ длинныя уши, только покачивали головами и недовольно косились на погонщика, когда онъ неистово на нихъ оралъ или, еще хуже, подкладывалъ сзади остріемъ палочки.

Навстрѣчу намъ попадались женщины, всегда закрытыя, съ большими кувшинами на головахъ. Въ самой Меджиліи нѣтъ воды, если не считать лужи, которую я видѣлъ при въѣздѣ въ это селеніе. Такія лужи встрѣчаются всюду, гдѣ ощущается недостатокъ воды—это нѣчто въ родѣ нашихъ ставовъ, гдѣ вода отъ дождей сохраняется нѣкоторое время. Но здѣсь эти ставы устроены совсѣмъ первобытно: посреди площади вырыта неглубокая впадина, рѣдко даже выложенная камнями. Нетрудно представить, что тамъ за вода! Во время жары и эта муть высыхаетъ окончательно, и тогда приходится ходить за водою версты за полторы, а то и дальше.

По обѣ стороны песчаной дороги, за цвѣтущими желтыми цвѣтами, кактусовыми изгородями—тропическая зелень, виноградники и персиковыя и миндальныя плантаціи. У самаго источника женщины наполняютъ кувшины, и тутъ же сидитъ сторожъ-арабъ, въ абаѣ, сдѣланной изъ простого пеньковаго мѣшка.

Онъ оборачивается ко мнѣ спиной, и я вижу на этой спинѣ, во весь мѣшокъ, клеймо европейской хлѣбной фирмы. Конечно, это не умышленная реклама, до этого еще не додумались здѣсь, да, пожалуй, и не къ чему. Несомнѣнно, арабъ считаетъ этотъ кругъ и письмена на неизвѣстномъ языкѣ, отпечатанныя синей краской, недурнымъ украшеніемъ и гордится ими.

Но вотъ зеленыя колючія травы кончились. Широкая песчаная равнина открылась передо мною, и я почувствовалъ, что сразу какъ будто выросъ отъ шума, хлынувшаго мнѣ навстрѣчу. Я узналъ этотъ знакомый, дорогой моему сердцу, могучій шумъ моря, переливавшійся черезъ высокіе обрывы и песчаные холмы. Одновременно съ этимъ я увидѣлъ на высотѣ песчанаго

гребня, за которымъ чувствовалось это прекрасное великое море,—развалины громадныхъ стѣнъ. Это—и были стѣны Аскалона.

Солнце уже склонилось по ту сторону этихъ стѣнъ. Отъ нихъ и отъ старыхъ, росшихъ около нихъ деревьевъ на песчаную долину протянулись длинныя, перекинувшіяся съ холма на холмъ, тѣни.

Я остановился пораженный и долго стоялъ такъ, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Врядъ ли самъ Аскалонъ могъ бы произвести на меня такое сильное впечатлѣніе, какъ эти покачнувшіяся и уже погребаемыя пескомъ развалины. Почему зрѣлище рухнувшаго и погибающаго величія древности производитъ всегда такое невыразимо властное впечатлѣніе. Не потому ли, что съ этимъ соединяется мысль о томъ, что мы никогда больше ничего подобнаго не увидимъ? А можетъ быть, и потому, что величіе въ паденіи всегда болѣе волнуетъ и, какъ выгнанный дочерьми король Лиръ, терзаемый бурями и дождемъ, соединяетъ изумленіе передъ нимъ съ чувствомъ глубокой жалости и восторгомъ.

Солнце какъ будто знаетъ, что̀ освѣщаетъ оно въ эту минуту. Оно свѣтитъ изъ-за облака, которое само похоже на руину сказочнаго храма или дворца. Меня охватываетъ благоговѣйный трепетъ, сладостный и жуткій, и въ шумѣ моря звучатъ рыдающія жалобы Іереміи:

«Отверженъ бысть Аскалонъ и останки Энакамли! Доколѣ сѣщи будеши, о грозный мечу Божій! Доколѣ не упокоишься? Вниди въ ножны твоя; почій и вознесися».

Я прямо не смѣю подойти сразу къ этимъ руинамъ. Я спускаюсь къ морю, чтобы подняться къ нимъ исподволь. Все сильнѣе и шире мнѣ навстрѣчу идетъ морской гулъ, и влажная морская свѣжесть освѣжаетъ лицо мое и грудь.

Я слѣзаю съ осла и иду пѣшкомъ по крутой песчаной тропинкѣ.

Вотъ оно! Вотъ оно все передо мною, прекраснѣйшее изъ всего что есть на землѣ, безконечное, радостное и гордое, таинственное и ясное, вѣчно живое, вѣчно шумящее море!

Веселыми зелено-синими волнами съ бѣлыми гребнями набѣгало оно на широкій, чистый, песчаный берегъ, гдѣ не виднѣлось ни одного слѣда человѣка или животнаго. И когда волна съ чувственнымъ блаженствомъ разливалась по этому чистѣйшему песку, оставляя на немъ легко исчезающую пѣну, еще болѣе чистую, чѣмъ песокъ, лиловая тѣнь бѣжала за уходящею назадъ водою, лиловая тѣнь, которая сливалась и съ синевой и съ зеленью воды и какъ будто всасывалась вмѣстѣ съ нею въ песокъ, почти такой же живой, какъ вода.

Маленькіе прозрачные крабы быстро бѣгали по песку, точно играя другъ съ другомъ и съ волнами. И когда волна не могла догнать ихъ, подхватить и на минуту увлечь съ собою, они скрывались въ круглыя отверстія въ пескѣ, куда сейчасъ не достигали волны, и выскакивали изъ другихъ отверстій, соединенныхъ между собой внутренними галлереями.

Чайки носились надъ волнами, иногда опускаясь на нихъ и качаясь такъ же легко, какъ пѣна, и вдали на синевѣ моря ярко бѣлѣлъ парусъ, точно перо изъ крыла одной изъ этихъ птицъ, унесенныхъ вѣтромъ.

Взглянувъ на высокій крутой берегъ, поднимавшійся надъ этимъ ровнымъ широкимъ песчанымъ пляжемъ, я ахнулъ отъ изумленія: казалось, что это былъ сплошной бастіонъ, и изъ него тамъ и здѣсь торчали наружу, какъ пушки, большія сѣрыя гранитныя колонны.

Такими колоннами, оказывается, былъ укрѣпленъ весь обрывъ, выложенный камнемъ съ обѣихъ сторонъ того мѣста, которое напоминаетъ теперь собою гигантскую раковину, полную тропической зелени и дикихъ цвѣтовъ и развалинъ древняго города, гдѣ родились

Семирамида и палачъ дѣтей, отвратительнѣйшій изъ царей-извергювъ—Иродъ.

Эти великолѣпныя пальмы, сикоморы, кипарисы и фиговыя деревья выросли на почвѣ, утучненной трупами, насквозь пролитой кровью жертвъ безчисленныхъ войнъ и гоненій. Здѣсь Іуда воевалъ съ филистимлянами и взялъ Аскалонъ послѣ кровопролитныхъ сраженій. И эти войны израильтянъ съ филистимлянами почти не прекращались. Діоклетіанъ замучилъ здѣсь сорокъ христіанъ, и здѣсь происходила страшная битва Готфрида Бульонскаго, у котораго было всего двадцать тысячъ войска, съ соединенными египтскими войсками, которыхъ было въ три раза больше.

Благодаря военному искусству и рѣшимости, Готфридъ оказался побѣдителемъ. Но только при Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ, рѣшительно поразившемъ Саладина, Аскалонъ снова расцвѣлъ, и въ его гавань, отъ которой теперь не осталось и слѣда, какъ птицы, слетались корабли. Теперь однѣ рыбачьи лодки, принадлежащія жителямъ мѣстной деревушки Джура, стоящей въ предѣлахъ, занятыхъ когда-то блестящимъ городомъ,—качаются у этихъ береговъ.

Осыпается обрывъ, какъ зубы изъ омертвѣлыхъ челюстей, выпадаютъ изъ него колонны, и въ бурю налетающія сюда волны катаютъ ихъ по песку и разбиваютъ одну о другую.

Съ моря развалины кажутся меньше, чѣмъ съ противоположной стороны, но зато на каждомъ шагу натыкаешься на обломки драгоцѣннаго мрамора, на разбитые камни архитравовъ и капители колоннъ.

Я нашелъ въ изгороди, охраняющей отъ пасущагося здѣсь скота огородъ, великолѣпно сохранившуюся капитель мраморной колонны, подобную одной изъ тѣхъ капителей, что̀ я видѣлъ въ Капернаумѣ на мѣстѣ древней синагоги. Можетъ быть, эта колонна изъ дворца Ирода, красовавшагося въ Аскалонѣ, или она служила опо-

рой и украшенiемъ одного изъ аскалонскихъ храмовъ. Теперь туполобый быкъ трется своей головой о ея художественно-вырѣзанные завитки, и ящерка вьется среди нихъ, почти такихъ же живыхъ, какъ она.

Я поднялся вверхъ по тропинкѣ къ самому гребню этой раковины-могилы. Тамъ я увидѣлъ эти громадныя, разсыпающiяся прахомъ, грандiозныя крѣпостныя стѣны, къ которымъ подбираются пески. Подуетъ легкiй вѣтеръ, и песокъ, какъ дымъ пожара, отъ котораго рухнули и почернѣли стѣны, стелется около развалинъ.

Они засыпаютъ ихъ здѣсь такъ же, какъ раньше видѣлъ я засыпаемыя деревья. Но возникнетъ ли когда-нибудь на этихъ погребенныхъ песками стѣнахъ что-нибудь подобное тому, что когда-то цвѣло здѣсь? Покуда рядомъ съ ними растетъ другой городъ, городъ мертвыхъ. Новые и старые камни могилъ бѣлѣютъ среди зелени; зелень ползетъ на самыя стѣны, а кисти винограда спускаются между яркихъ цвѣтовъ громаднаго дерева, крѣпко обвитаго виноградной лозой. Кажется, вполнѣ подобающее мѣсто для кладбища. Но было что-то, на мой взглядъ, обидное для древнихъ руинъ въ этомъ сосѣдствѣ съ мертвецами, которыхъ тащатъ сюда изъ сосѣдней деревушки.

Отъ одной изъ такихъ могилъ подошелъ ко мнѣ арабъ-рабочiй и пальцами, еще бѣлыми отъ извести, запачкавшей его на работѣ, протянулъ мнѣ древнюю монету.

Газа.

Мы выѣхали въ Газу на закатѣ. Тучи пылали надъ моремъ и какъ будто провожали насъ хаотическими и величественными видѣніями прошлаго. И почему-то особенно вспоминался Самсонъ, убившій здѣсь тридцать филистимлянъ и потомъ отдавшій ихъ платья тому, кто разрѣшилъ его загадку со львомъ.

Стемнѣло очень скоро. Ночь какъ будто сразу упала на землю. Луны не было, но зато звѣзды засѣяли все небо и среди нихъ выступила комета.

Хвостъ ея былъ поднятъ подъ небольшимъ угломъ и такъ прозраченъ, что сквозь него проступали звѣзды. Надъ пустыннымъ безмолвіемъ этихъ мѣстъ комета производила необыкновенное впечатлѣніе одиночества и таинственности. Она имѣла такой видъ, какъ будто въ ея явленіи среди этихъ свѣтилъ, имѣющихъ свое опредѣленное мѣсто и опредѣленный путь, было свое особое назначеніе: можетъ быть, она, съ непостижимой быстротой облетая небо, дѣлала смотръ звѣздамъ и землѣ.

Но и на землѣ все казалось таинственнымъ въ эту ночь, и огонь костровъ, свѣтившихся гдѣ-то вдали, какъ-будто также знаменовалъ собою что-то, чего никогда не понять. И въ самомъ дѣлѣ было странно: мы ѣхали по направленію къ одному такому костру, ѣхали довольно долго, а онъ все былъ на одномъ и томъ же разстояніи, какъ будто велъ насъ за собой.

Тишина была такая, что монотонный трескъ ночныхъ кузнечиковъ шелъ какъ-то мимо нея. Зато мягко, но

отчетливо раздавался стукъ лошадиныхъ копытъ, но почему-то совсѣмъ не было слышно стука копытъ лошади каваса-негра, ѣхавшаго за нами. Въ темнотѣ его фигура на лошади казалась бронзовымъ монументомъ и, чудилось, лошадь его не бѣжитъ, а плыветъ за нами вмѣстѣ съ дорогой.

Зеленоватыя искорки мелькали въ глазахъ надъ темной степью, точно брызги самихъ звѣздъ. Но вотъ одна изъ нихъ, только покрупнѣе другихъ, которыя были и не были, мелькнула передъ глазами. Это уже была цѣлая капелька свѣта, а не одна изъ брызгъ, и эта капелька, прожигая мракъ, поплыла съ нами рядомъ медленной, плавно струящейся линіей.

Иногда она точно разливалась во мракѣ, потомъ возникала снова. Другая и третья зафосфорились въ темнотѣ. Поднимались надъ землею, также описывали плавную линію и пропадали. Это были свѣтляки.

Арабъ замурлыкалъ на козлахъ пѣсню, и мнѣ показались знакомыя слова, которыя я уже слышалъ недавно:

Ночь лучше дня:
Ночью ты можешь пойти навстрѣчу твоему врагу
И прокрасться къ своей возлюбленной.

Мой спутникъ, докторъ, спалъ. Онъ при каждомъ движеніи экипажа качался направо и налѣво, впередъ—назадъ, и голова его, безпомощно свѣсившаяся на грудь, болталась на шеѣ, какъ привязанная.

Только одинъ разъ, когда экипажъ въ темнотѣ едва не перекувырнулся, онъ поднялъ голову и сквозь сонъ спросилъ:

— Мостъ проѣхали?

— Какой мостъ?

— Черезъ Сорэкъ?

Нѣтъ, мы еще никакого моста не проѣзжали, но названіе рѣки Сорэкъ мнѣ было понятно по библіи: тамъ жила Далила.

Мы вступали въ это время въ какую-то деревню. Велика она была или мала, красива, или нѣтъ, разсмотрѣть было невозможно. Пахло египетско-арабскимъ жильемъ: смѣсью дыма, навоза и парного молока. Одинъ-два костра освѣщали внутренность обычной арабской хижины, сидящихъ вокругъ огня черныхъ загадочныхъ людей и кактусовую изгородь, да развѣ еще стволы пальмъ, или какое-нибудь домашнее животное.

Арабскія собаки, никогда не лающія днемъ, поднимали со всѣхъ сторонъ тревогу, но по первому окрику со стороны затихали.

Это, кажется, была деревня Барбара, а можетъ быть— Неліе. Я не особенно интересовался узнать названіе. Не все ли равно, разъ ничего нельзя разглядѣть.

Еще одна такая же деревня, и мы въѣхали въ Газу. Въ темнотѣ можно было только угадывать, что городъ довольно великъ и что въ немъ есть мечети и храмы.

А можетъ быть, то, что представлялось мнѣ колокольнями и храмами, были высокія деревья.

Экипажъ остановился у освѣщеннаго зданія, которое носило громкое имя Hotel-Oriental. Въ этомъ отелѣ, однако, оказалось всего 2—3 комнатки, да и тѣ были заняты, и намъ ихъ уступили только изъ особой любезности, за которую при расчетѣ пришлось довольно дорого заплатить. Самымъ лучшимъ мѣстомъ въ отелѣ несомнѣнно была крыша, но она ограждалась высокою стѣной, чтобы любопытные глаза не могли видѣть того, что творится у сосѣдей. Въ Газѣ нравы необыкновенно строги. Ни одна, даже европейская, женщина не смѣетъ вытти на улицу безъ покрывала. Не даромъ Газа чтится мусульманами, какъ святой городъ. Здѣсь, по мусульманскому преданію, умеръ дѣдъ Магомета Гашемъ, и

въ Коранѣ поминается Газа наравнѣ съ Іеменомъ, цвѣткомъ счастливой Аравіи.

Живетъ здѣсь, между прочимъ, одинъ единственный русскій подданный, еврей-часовщикъ съ женой.

— Ну, такъ она тоже должна носить покрывало—жаловался онъ.—А то одна европейская женщина вышла на улицу съ открытымъ лицомъ, такъ первый встрѣчный арабъ взялъ и плюнулъ ей въ глаза.

Черезъ этотъ городъ, лежащій почти на границѣ Египта, шелъ торный путь между Сиріей и Египтомъ, и Газа цвѣла въ тѣ времена, когда большіе караваны нагруженныхъ товарами верблюдовъ проходили черезъ ея ворота.

Александръ Великій, царь Іудейскій, Александръ Іанній, Балдуинъ III и другіе завоеватели налетали на Газу съ своими полчищами и разрушали ее и возстановляли. Но въ евангельскія времена она была въ забвеніи, можетъ быть, еще большемъ, чѣмъ теперь.

Ея пристань Маіума-Газская, названная такъ въ отличіе отъ Маіумы Аскалонской, также исчезла. Только разъ въ мѣсяцъ приходитъ сюда пароходъ забирать хлѣбъ, вмѣсто котораго привозитъ въ Газу петроль и прочіе товары. Сюда, на широкій берегъ, переселяются лѣтомъ всѣ газскіе жители, и отъ іюня до октября городъ совершенно пустъ.

Комната, въ которую меня помѣстили, скорѣе была похожа на кладовую, чѣмъ на номеръ въ отелѣ. Мнѣ же она своимъ сводчатымъ потолкомъ, съ большими пятнами сырости и маленькимъ окномъ съ желѣзной рѣшеткой напомнила могилу Рахили. Бѣлье также, очевидно, было уже въ употребленіи, но что же требовать отъ газской гостиницы, хоть ее и содержалъ англійскій консулъ съ своимъ братомъ, если прежній ея лакей былъ въ одно и то же время брадобрѣемъ и зубнымъ врачемъ въ Газѣ.

Однако, я былъ все же нѣсколько утомленъ шестнадцати часовымъ путемъ и навѣрное уснулъ бы подъ этими мрачными сводами, если бы не блохи. За трехмѣсячное странствованіе мое по Палестинѣ много разъ подвергался я нападенію этихъ хищниковъ, но это было ничто передъ Газой.

Все тѣло мое какъ будто пронзалось булавками и невыносимо зудѣло. Напрасно я покрылъ свое ложе цѣлымъ слоемъ персидскаго порошка: чудесное средство, очевидно, было безсильно. Такъ ни на минуту не сомкнулъ я глазъ въ продолженіе всей ночи, и только на разсвѣтѣ былъ отчасти вознагражденъ за эту пытку.

На минаретѣ запѣлъ муэдзинъ. Дивный теноръ печально и протяжно тянулъ:

— Ля-иляха Илля ллахъ, уа Мухаммеду расуль—Алла.

Это былъ голосъ, какого я никогда не слышалъ ни на одной изъ сценъ. Звучно и легко грудью онъ бралъ верхнее do, и ноты его казались на разсвѣтѣ сіяющими.

Когда онъ замолкалъ на минуту, вдали звучалъ другой теноръ, также удивительной красоты и силы, точно эхо перваго. Такъ съ-полчаса эти два пѣвца соперничали на зарѣ своими необыкновенными голосами, въ то время, какъ весь городъ еще спалъ. Но уже гасли звѣзды и оживалъ въ золотомъ сіяніи Востокъ.

Они славили Бога, одинокіе на высокихъ минаретахъ, но за ихъ молодыми сильными голосами, повторявшими имя Аллаха, слышалась безконечная тоска по жизни, радости и блаженству.—И, можетъ быть, молодыя женщины въ гаремахъ на своихъ душныхъ пуховикахъ, лежа въ этотъ часъ съ открытыми глазами, въ страстной мукѣ стискивали руки свои на груди и плакали о своей бѣдной плѣнной жизни.

Поутру я узналъ о только что разыгравшейся въ Газѣ довольно, впрочемъ, обычной восточной трагедіи.

Одинъ изъ газскихъ мусульманъ застрѣлилъ солдата около кофейни. Это было мщеніе за брата, убитаго, при совершеніи преступленія, стражникомъ. Убійца, конечно, скрылся. Уйдетъ къ заіорданскимъ бедуинамъ, и его никогда не поймаютъ.

Законъ мести неодолимъ. Кровь за кровь. Правда, иногда можно откупиться отъ возмездія, но избѣжать его нельзя. Это не преступленіе, а долгъ по мусульманскимъ понятіямъ. Такъ нерѣдко изъ поколѣнія въ поколѣніе идетъ кровавая распря, и законъ смотритъ на нее сквозь пальцы.

Впрочемъ, не у однихъ мусульманъ, но и въ Сициліи таковъ же обычай.

Я очень пожалѣлъ, что не остановился въ Газѣ въ греческомъ или католическомъ монастырѣ.

Греческая церковь очень древняя, построенная въ 443 году императрицей Евдокіей. Есть старинныя иконы, но сердце церкви составляетъ гробница св. Порфирія.

Церковный дворъ вымощенъ мраморными плитами. Эта роскошь поразила меня, но объясненіе нашлось. Плиты взяты изъ стѣнъ сирійскаго языческаго храма Марны, дабы христіане попирали стопами своими нечестивые камни, среди которыхъ творились идольскія служенія и жертвы.

Настоятель монастыря, видимо, изнывалъ отъ скуки и развлекался по цѣлымъ днямъ кофе и папиросами. Къ училищу при церкви онъ мало имѣлъ отношенія: все было на рукахъ учителя. Настоятель же только жаловался мнѣ на то, что католики отбиваютъ учениковъ разными средствами и, главное, подарками самимъ ученикамъ и ихъ родителямъ. Въ этотъ же день я имѣлъ случай познакомиться съ его соперниками. Одинъ нѣмецкій докторъ, онъ же священникъ, живетъ здѣсь лѣтъ двадцать. На его рукахъ превосходно оборудованная больница съ амбулаторіей, гдѣ онъ работаетъ съ утра

до ночи. Каждая койка въ больницѣ содержится на средства жертвователей, имена которыхъ и означены на дощечкахъ у кровати.

Время отдыха посвящаетъ на бесѣды съ мѣстными жителями, главнымъ образомъ, тѣми, которые обращаются къ нему за помощью. Цѣль его жизни, такимъ образомъ, помимо всего прочаго и миссіонерская, но не было еще случая, чтобы кому-нибудь изъ такихъ миссіонеровъ удалось обратить въ православіе хоть одну мусульманскую душу.

А между тѣмъ, въ подспорье этой цѣли, строится здѣсь церковь. Работа идетъ необыкновенно энергично. Украшеніемъ церкви будутъ служить колонны, привезенныя изъ Аскалона. Онѣ великолѣпно сохранились и поражаютъ своимъ изяществомъ, на ряду съ которымъ, конечно, вся остальная постройка будетъ казаться грубой.

Да, здѣсь остатки языческаго или іудейскаго храма идутъ на поддержку храма христіанскаго, а главная красота Газы—мусульманская мечеть, несомнѣнно бывшій христіанскій храмъ. Она высока, просторна и сохранила все древнее расположеніе христіанскаго храма.

Высокій, прямой красивый старикъ не особенно привѣтливо встрѣтилъ насъ въ своемъ монастырѣ. Но услышавъ нѣмецкую рѣчь, онъ смягчился и повелъ показывать свое жилище и церковь.

Это пасторъ Гаадъ, одна изъ оригинальнѣйшихъ личностей среди палестинскихъ европейцевъ.

Его величественная апостольская наружность, сквозь которую просвѣчиваетъ застѣнчивость самолюбиваго человѣка, отвыкшаго отъ общества, сразу располагаетъ къ нему. Что-то кроткое, почти дѣтское и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямое сквозитъ въ нѣсколько усталыхъ глазахъ этого семидесяти пяти лѣтняго старика, который живетъ здѣсь болѣе сорока лѣтъ.

Если взглянуть въ эти глаза повнимательнѣе, можно догадаться, пожалуй, и о томъ, что они видѣли настоящее страданіе, муку сердца, разъ навсегда замкнувшагося отъ міра послѣ утраты или пораженія. Я задалъ ему неосторожный вопросъ: не скучаетъ ли онъ по своей родинѣ (а родина его Тироль)?

Онъ молча наклонилъ бѣлую голову, потомъ поднялъ ее и просто сказалъ.

— Мнѣ не о комъ скучать больше. На родинѣ у меня никого не осталось.

На покоѣ онъ доживаетъ свой вѣкъ здѣсь, и въ то время, какъ его коллега черезъ каждые два года ѣдетъ въ продолжительный отпускъ, этотъ старикъ никуда не выѣзжаетъ изъ Газы.

Домъ его открытъ для паломниковъ, но мало кто заѣзжаетъ къ нему: отчасти побаиваются, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ во-время землетрясенія въ Газѣ домъ далъ большую трещину. Но старый пасторъ не обращаетъ на это никакого вниманія: онъ продолжаетъ жить здѣсь, даже не заботясь о предотвращеніи несчастья. Ежедневно онъ аккуратно совершаетъ въ своей устроенной при домѣ церкви всѣ церковныя службы, хотя единственными прихожанами его являются лишь двое слугъ арабовъ: братъ и сестра,—вся его газская паства.

Образъ жизни его строго правиленъ. Онъ трудится, молится, а въ 9 часовъ вечера, сыгравъ партію въ безикъ, идетъ спать, чтобы съ восходомъ солнца снова начать обычную жизнь. Такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ.

У него была также школа, но онъ не могъ дѣлать подарковъ ни родителямъ, ни ученикамъ, и всѣ они перешли въ другія школы.

Однако и безъ нихъ у пастора Гаада довольно дѣла: онъ составилъ прекрасную карту Палестины и напечаталъ въ научныхъ нѣмецкихъ журналахъ нѣсколько

серьезныхъ статей геологическаго характера. Во дворѣ его дома прекрасный огородъ и нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, за которыми онъ усердно ухаживаетъ. Такъ десятки лѣтъ на чужбинѣ живетъ въ полномъ одиночествѣ этотъ человѣкъ, питая свою замкнутую душу молитвами, трудомъ и, можетъ-быть, воспоминаніемъ о прошломъ, которое гаснетъ въ его сердцѣ вмѣстѣ съ блескомъ въ глазахъ.

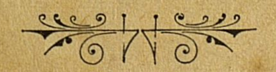
На кровлѣ его дома, возвышающейся надъ Газой, мой спутникъ попросилъ позволенія у старика снять съ него фотографію.

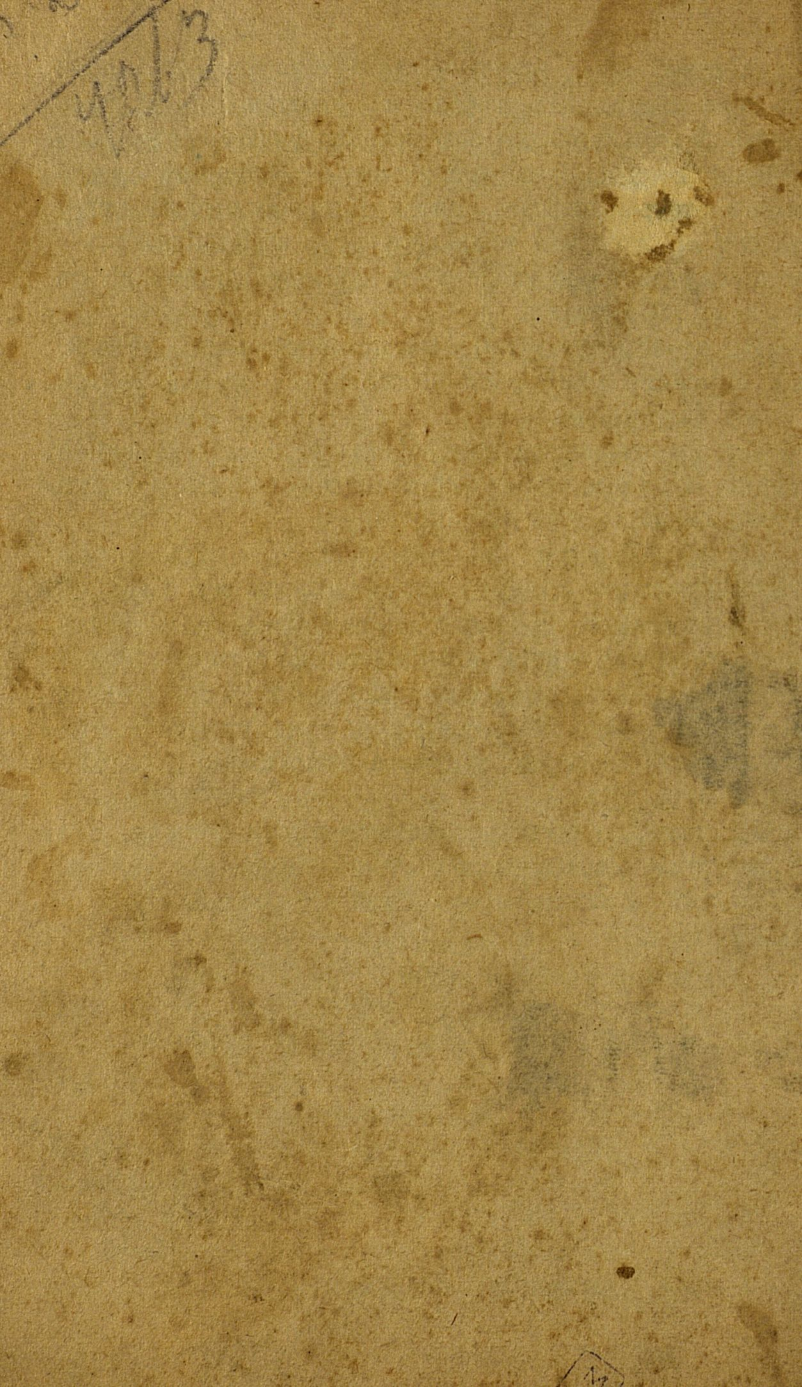
Онъ охотно согласился. Молча всталъ у каменной стѣнки и, снявъ съ сѣдой красивой головы красную феску, сложилъ руки на груди.

Я залюбовался этимъ интереснымъ старикомъ. На фонѣ огромныхъ пальмъ, окружающихъ всю Газу съ высокимъ холмомъ вдали, тѣмъ самымъ, куда Самсонъ снесъ городскія ворота, эта высокая фигура въ черной старой сутанѣ производила красивое и значительное впечатлѣніе. Онъ, повидимому, и самъ понималъ это, и выраженіе всего его существа было полно благороднаго достоинства.

И глаза его были устремлены въ ту сторону, гдѣ за гребнемъ песчаныхъ дюнъ было море.

Далеко за этимъ моремъ была его родина.

2007082198